

Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

**XIV Социологические чтения
преподавателей,
аспирантов и студентов**

Межвузовский сборник научных трудов

Пенза 2012

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ББК 60.5

XIV Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов: Межвузовский сборник научных трудов. — Пенза, Пензенский гос. пед. ун-т. 2012. – 240 с.

В межвузовский сборник научных трудов включены материалы межвузовской научной конференции и статьи преподавателей, аспирантов и студентов, посвящённые актуальным проблемам социологии, социальной философии, теории и практики социальной работы, пенсионного обеспечения. Очередной выпуск «Социологических чтений» адресован научным работникам, преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам и всем интересующимся социологическими проблемами.

Ответственный редактор: **А. Б. Тугаров**, доктор философских наук,
профессор

Редакционная коллегия:

Т. Г. Скороходова, доктор философских наук,
кандидат исторических наук, доцент;

Т. И. Лаврёнова, кандидат философских наук,
доцент;

А. С. Дудкин, кандидат философских наук, доцент;

Рецензенты: **В. П. Воробьёв**, доктор социологических наук, профессор
кафедры «Государственное управление и социология
региона» Пензенского государственного университета.

Е. Н. Синёв, кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и политологии
Пензенского государственного педагогического университета
им. В.Г. Белинского.

© Пензенский государственный педагогический университет
имени В.Г. Белинского, 2012

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Рашковский Е. Б. Мир социогуманитарных знаний и мир науки.....	5
Мясников А. Г. Проблема соотношения личного и общего блага в современной практической философии.....	20
Викторова Е. В. Концепция импрессиона В. П. Эфроимсона: сущность и перспективы развития в социально-гуманитарном знании.....	26
Богатырёва О. В. Историческое развитие методологии психосоциального исследования.....	31
Мордашов Д. Г. Идеи социальной справедливости как философская основа института социальной поддержки.....	39
Шаровская А. В. Социальное иждивенчество в аспекте проблемы самоактуализации личности общества потребления.....	43

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Попов А. С. Петр Штомпка о социологическом воображении.....	51
Очкина А. В. Женщина как объект социальной политики.....	57
Савинова И. Отношение студенческой молодёжи к проблеме развода.....	64
Удалова Е. С. Современное профессиональное самоопределение личности в контексте российской действительности.....	67
Щербакова М. Отношение студенческой молодёжи к проблеме неонацизма.....	75

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ

Мартынов Д. Е. Представления об общественном идеале в Китае 1920-х гг.....	79
Скорородова Т. Г. Теория социального реформаторства Кришномохана Банерджи.....	84

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Тугаров А. Б., Дудкин А. С. Диагностические показатели форм социально-педагогического сопровождения детей с отклоняющимся поведением.....	93
Лаврёнова Т. И. Образование детей-инвалидов: возможности и перспективы.....	111
Лыгина М. А. Социально-педагогическая помощь детям с отклоняющимся поведением в системе общественных отношений.....	119
Долгова Н. Б. Теория и практика разрешения проблемы социального сиротства в муниципальном районе.....	125
Козина Г. Ю. Старение населения как проблема системы здравоохранения и социальной защиты населения.....	133

Терёхина Т. В. Технология процесса организационной социализации через формирование коллективной идентичности.....	139
Нестеренко О. Ю. Становление государственных подходов в области социальной помощи в памятниках древнерусской литературы XII–XVII вв....	143
Клачкова О. М. Теоретико-методологические аспекты процесса социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	153
Борисов Н. Феноменологический подход к изучению психосоциальной реальности в контексте социальной работы.....	159
Глухова А. В. Концептуальные основы реализации воспитательной функции социальной работы.....	163
Дудкин А. С. Мэри Эллен Ричмонд и исторические истоки социальной работы со случаем («case work»).....	167
Шевцова Э. Метод «case-study» в практике социальной диагностики молодежных субкультур.....	171
Корнилова О. А. Теоретико-методологические основания оценки эффективности и качества в социальной работе.....	176
Синельникова Ю. В. Мультикультурализм как социально-философское основание формирования этнокультурного подхода в социальной работе.....	181
Саратовцева М. А. Теоретико-философское осмысление проблемы социокультурной детерминации социальной работы.....	184
Бахтеева Ф. Р. Социальная помощь в условиях модернизации российского общества (теоретико-методологический аспект).....	189
Борисова М. Гендерные аспекты проблемы безработицы.....	194
Николаева Т. Неблагополучная семья как фактор жизненного риска ребенка	197

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Долотов В. А. Оптимизация системы досрочных пенсий как элемент модернизации пенсионной системы Российской Федерации.....	202
Голубев С. В. Развитие системы учёта пенсионных прав граждан в Российской Федерации.....	211
Козлов Д. В. Целевое назначение страховых взносов как обеспечение права гражданина на получение достойной пенсии.....	217
Лисова О. Н. Итоги реализации закона о материнском (семейном) капитале в Пензенской области.....	223
Павлова И. А. Система предоставления государственных услуг в электронном виде Пенсионным фондом Российской Федерации.....	228
Полежаева М. Н. Правовые аспекты установления выплат за счёт средств пенсионных накоплений.....	233

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Е. Б. Рашковский
ИМЭМО РАН, г. Москва

МІР СОЦИО-ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ И МІР НАУКИ

“...ergo sum”

Речь в этих философических заметках пойдет о вещах, по сути дела, общеизвестных. О вещах, достоверных, как признание мсье Журдена:

– Вот те на! Сорок лет живу на белом свете, и не ведаю, что говорю прозой!..

Речь пойдет о заведомой проницаемости барьеров между «физиками и лириками», между «двумя культурами» (термин сэра Чарлза Перси Сноу): между культурой «Большой Науки», т.е., по существу, культурой физико-математических и естественно-научных знаний, и культурой знаний о человеке, т. е. знаний социо-гуманитарных. Хотя полезность и плодотворность обращения последних к достижениям Науки-Science всерьез никогда и никем не отрицалась.

Впрочем, таков уж жребий философствования: осмысливать вещи привычные, в основе своей всех и каждого касающиеся. Однако – осмысливать в особых, непривычных ракурсах и подходах. Если угодно – и здесь философ, со всем его концептуальным багажом, всё же сродни лирическому поэту – в особом *модусе удивления*¹.

До недавнего времени корпус социо-гуманитарных знаний рассматривался большинством представителей интеллектуального мира (включая и самих гуманитариев)² как некая *недо-наука*, которой не хватает не только что точных, отработанных и общезначимых процедур, но и договоренностей об исходных предпосылках и аксиомах исследований³. Однако пристальный анализ истории, методологий и предметных содержаний современной неклассической науки показывает, что те же самые упреки в несогласованности аксиом и методологическом разномое

¹ Принципиальное сродство познавательных задач и принципиальное несходство познавательных практик науки, философии, теологии и лирической поэзии – основной сюжет моей недавней книги [См.:11].

² И это после Вико, Канта, Вебера, «анналистов»! Даже после теоретически разбросанного, но толком еще не оцененного в его научно-эвристической ценности Тойнби, переросшего ограниченность своей «цивилизационной» схоластики и поставившего вопрос о сквозных духовных темах не только в партикулярных историях, но и в истории универсальной.

³ Но ведь атрибутировать документ, подготовить к печати обнаруженную в архиве рукопись, выявить какое-то забытое историческое событие и поставить его в связь с иными событиями – всё это требует уймы именно точных и общезначимых знаний!

могут быть отнесены и ко всему корпусу Большой Науки [См.: 13]. Более того, благодаря столь несхожим между собой трудам К. Р. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоша⁴, П. Фейерабенда и др. стало ясным, что и классическая европейская наука – наука пост-картезианская и пост-галилеевская, при всём ее стремлении к строгости теоретического анализа и непротиворечивости концептуальных описаний, – способна навлекать на себя те же самые упреки, что и мир социо-гуманитарных знаний [См.: 12]. Хотя, разумеется, классический картезианский принцип познания, осознанно самоанализирующего и тем самым удостоверяющего свой бытийственный статус (*cogito, ergo sum*)⁵, стал непреложным принципом всей последующей научной мысли и практики, включая мысль и практику ученых социо-гуманитариев.

Что же касается последних, то на протяжении XX в. они немало потрудились в плане преодоления прежнего и едва ли заслуженного своего статуса служителей мнимой *недо-науки*. К достижениям именно высокого научного плана можно было бы отнести философию символических форм и прямо или косвенно связанные с нею успехи языкознания и семиотики, учение об амбивалентности человеческой психики и культуры, учение о транскультурных и трансцивилизационных тенденциях в глобальной истории и о многозначности проявления и восприятия этих тенденций в несхожих человеческих средах...

Но все эти открытия отнюдь не упраздняют, но, скорее, более тонко акцентируют своеобразие социо-гуманитарной сферы и ее статус в общем контексте «Большой Науки».

Так или иначе, глубинная проблематика декартова “*cogito*” – активный статус мысли, сопричастующей вечно недосказанному, но стремящемуся высказать себя через человеческую мысль Бытию, – эта проблематика как была, так и остается в силе.

И в свете сказанного я бы отважился определить природу и назначение социо-гуманитарного знания следующим образом.

Если мир научного знания как такового ориентируется на рациональное постижение и описание объективной реальности, то социо-гуманитарной сфере свойствен особый акцент на познание человеческого субъекта этой реальности (в ее подчас иррациональных как индивидуальных, так и групповых преломлениях [См.: 21]) и на его многозначных взаимосвязях с этой реальностью. Или, если прибегнуть к несколько рискованному для данной темы языку экзистенциальной философии, – на столь трудном человеческом *присутствии*, на человеческой *вовлеченности* в эту реальность.

⁴ Венгерская фамилия «Лакатош» (букв.: сапожник) обычно воспроизводится у нас на западный лад: «Лакатос».

⁵ «Мыслю, следовательно *есмы*!» У нас, к сожалению, “*sum*” принято переводить как «существую», что, на мой взгляд, переиначивает всю суть картезианского речения.

Что же касается «Большой Науки» в целом (с ее физико-математическими и естественно-научными доминантами), то любой из ее разделов и любая из ее дисциплин уж тем «гуманитарны», что вольно или невольно должны ставить собой, по крайней мере, три чисто гуманитарных вопроса:

- 1) вопрос об истории становления данной дисциплины и данной проблемы внутри этой дисциплины (здесь – непреложное указание на всегда актуальную ценность историко-научных исследований);
- 2) вопрос о языке проблемы;
- 3) вопрос о познавательном статусе исследователя данной проблемы, будь то индивидуальном, будь то групповом (коллективном), будь то социальном⁶.

Однако постановка и, по крайней мере, частичное разрешение этих трех вопросов прямо или косвенно требует от исследователя некоторой научно-гуманитарной подготовки и владения некоторым корпусом научно-гуманитарных навыков и знаний. На этих трех вопросах, входящих в ткань любого серьезного научного исследования, мы кратко остановимся в ходе последующего нашего рассуждения.

Есть, правда, еще один вопрос. Суть его в том, что область социо-гуманитарных знаний отвечает за учебную инфраструктуру Науки как таковой. Иными словами – за человеческое воспроизводство Науки, за ее *mapower*. Но этот вопрос, при всей его самоочевидности и значимости, вопрос сложный и требующий особого рассмотрения. Так что на сей раз я вынужден вывести его за рамки нашего разговора. Хотя из некоего недосказанного контекста нашего разговора его всё равно вывести невозможно.

Важность этого вопроса я в данном случае только постулирую...

Вопрос об истории

Исторический момент в философском подходе к Большой Науке и ее социо-гуманитарной периферии становится особо наглядным, когда исследователь науки осознаёт взаимную дополнительность двух уже порядком исчерпавших себя в своей односторонности подходов к историко-научным сюжетам:

- подхода «интерналистского», акцентирующего внутреннюю динамику предметных содержаний научного знания,

- и подхода «экстерналистского», акцентирующего связь этой динамики с запросами и давлениями со стороны исторически меняющейся социокультурной среды, в рамках которой и вершится процесс саморазвития и непрерывных внутренних перестроек научного знания.

⁶ Этот круг соображений выстроен в развитие идей А. А. Ляпунова о гуманитарной «интертеории» свойственной любой развитой форме знания [См.: 4].

Я далек от того свойственного философии позапрошлого и прошлого века (гегелианство, марксизм, крочеанство) и отчасти возрожденного в постмодернистской философии историцистского подхода к изучению науки⁷, когда содержание мысли прямолинейно связывается с императивами истории, или же – напротив – прямолинейно навязывает себя истории. Ибо мы уже немало знаем о сквозных, метаисторических моментах и в биологическом, и – если так можно выразиться – в «зоопсихологическом» статусе человека, и в языке, и в собственно человеческой психике, и в мышлении человека. И всё же, принцип историзма в подходах к научной и, в частности, к гуманитарно-научной реальности остается непреложным. Наука если не всецело подчинена, но всё же во многих отношениях *обречена истории*.

И это касается как «интерналистских», так и «экстерналистских» измерений истории знаний.

Действительно, если говорить об измерениях «интерналистских», – историчность феномена посткартезианской науки обуславливается одним из глубочайших противоречий в развитии самого научного знания.

Стремление к строгости анализа, к доказательности, к непротиворечивым описаниям – одна из непреложных предпосылок жизнедеятельности и жизнестойкости науки. Но одновременно это же стремление оказывается в числе предпосылок «системной» склеротизации и взаимного отрыва дисциплин, – в числе предпосылок сепаратизма, а подчас и яростного соперничества несхожих научных школ, стилей и лидерских групп даже внутри одной и той же дисциплины. А в качестве столь важной в истории науки компенсации этих негативных процессов выступает потребность междисциплинарного сотрудничества и контактов между научными группировками, направлениями и школами [См.: 2: 77–79].

И вот здесь, в сфере внутринаучных и даже внутридисциплинарных диалогов особую роль научного интегратора приобретает *личная* (т. е., по определению, связанная с историей и сферой социо-гуманитарного познания и – шире – со сферой пронизывающих историю духовных ценностей) культура и личная креативность. Без этих дарований и ценностей никакое осмысленное развитие, никакая позитивная история научных знаний невозможны⁸...

А уж если говорить об «экстерналистской» стороне вопроса, то поиски некоторой равнодействующей в противоречиях между дорогостоящими запросами креативных людей науки (помещения, инструментарий, архивно-библиотечно-музейная и – шире – информационная база, научная пресса, некоторый минимум личного

⁷ Другое дело, что наследие Гегеля, Маркса или Кроче стало ценной и неотъемлемой частью всего корпуса человеческой мысли.

⁸ Вспомним в этой связи хотя бы историю отношений Нильса Бора и Вернера Гейзенберга, знакомую широкой публике, по крайней мере, по пьесе Фридриха Дюрренматта «Физики».

благополучия и свободы ученых) и текущими запросами остального общества – одна из непреложных характеристик глобальной истории и национальных историй последних двух-трех столетий⁹. Государство и общество – особенно в периоды революций, контрреволюций, кризисов и разрух – так или иначе вынуждены лавировать между собственными наболевшими потребностями, между потребностями индивидуальной и групповой человеческой креативности (без учета которых сколько-нибудь эффективное национальное строительство попросту невозможно) и – как это нередко происходит в истории – между психологически вполне понятными завистливо-уровнительными чаяниями масс и выражающими эти чаяния демаршами популистских вождей [См.: 1].

Люди мысли и интеллекта не только живут в истории, но и – выражаясь словами ряда русских религиозных мыслителей (о. Сергей Булгаков, архим. Софроний Сахаров) – «живут историю», т.е. отчасти пересоздают ее через свой внутренний мир... Но ведь жизнь человека в истории и через историю, без которой невозможно представить себе и содержательные, и институциональные судьбы науки, и есть сердцевина социо-гуманитарных знаний.

Вопрос о языке

Это – один из коренных вопросов научного познания, равно как и познания науки.

Действительно, в каких словах, рассуждениях и формулах, в каких сочетаниях слов, рассуждений и формул организует, развивает, изъясняет и пересматривает свои интуиции и свой опыт научная мысль? В каких словах, рассуждениях и формулах и в каких их сочетаниях доносит она свои идеи и смыслы до окружающего общества и взаимодействует с культурой национальной, региональной и мировой? Как сказываются эти новые идеи и смыслы на институтах и человеческих ландшафтах самой науки?

Всё это, конечно, прежде всего волнующая и ученых, и общество философская, науковедческая, но также и историческая проблематика. Стало быть, проблематика именно социо-гуманитарного плана.

Чтобы подтвердить важность пристального подхода к этой проблематике языка науки, предложу вниманию читателя один исторический экскурс.

⁹ Эта проблематика лежит в основе двух моих публикаций 1990-х годов [См.: 8; 9]. В основе концептуальной «драматургии» обеих работ – идея конфликтности и непреложной внутренней соотнесенности двух императивов: «научного персонализма» – обращенности научного знания к личности – и «научного популизма» – обращенности научного знания к обществу – в истории науки. Эта же проблематика (на материалах интеллектуальной истории Индии позапрошлого и прошлого веков) рассматривается в монографиях и статьях Т. Г. Скороходовой 2000-х годов.

В течение почти что двух столетий популярная философия и публицистика возлагали и продолжают возлагать ответственность за все мировые беды на механистическую научно-философскую мысль XVII – XVIII столетий. Из прямолинейно-рационалистических конструкций, из “modo mathematico”, присущих этой мысли, из ее жесткой трактовки причинности, из ее требований непротиворечивости в обосновании научных идей – досужее сознание тем же прямолинейным образом выводит всё, что угодно: и жестокости Французской революции, и дегуманизирующие тенденции «первой промышленной революции», и буржуазно-калькуляторский подход к любой человеческой проблематике, и ту вспышку квазинаучного и квазифилософского нигилизма 40-х – 60-х гг. XIX в., без которого немислимо становление тоталитарных идеологий последующего XX века, и нынешний экологический кризис, и передержки «потребительского общества» и рыночного хозяйства...

Всё же, некоторая культура научного и философского дискурса учит нас не торопиться интерпретировать хронологическую и даже генетическую преемственность идей, воззрений и событий как жестко детерминированную преемственность причин и следствий и – тем паче – как жесткую преемственность исторической вины¹⁰. И это – тоже проблема языка мысли и науки.

Однако – если вспомнить труды Дэвида Юма – важно уметь рассматривать историю духовных и интеллектуальных явлений (и – соответственно – языков и дискурсов научного познания) не только в прямолинейной временной и генетической последовательности, но и в уникальных обстоятельствах их собственного времени, в уникальных сплетениях их не всегда учтенных предпосылок, *in situ*¹¹.

Разумеется, в трудах таких идеологических предтеч механистического научно-философского дискурса, как Френсис Бэкон или Гоббс, можно найти множество соображений и речений, заставляющих вспомнить о жесткости и «крутости» средневековых и ренессансных нравов. Среди перлов «крутого» и категоричного языка Бэкона Веруламского¹² можно вспомнить постулат о необходимости «пытать» природу, как пытаются подследственных, чтобы она выдавала свои тайны. Отсюда – и последующее и до сих не изжитое понятие – «естествоиспытатель». В этом постулате – несомненная дань тем допросветительским инквизиционно-юридическим воззрениям и самому юридическому языку допросветительской эпохи, когда выбитые под пытку признания самого

¹⁰ Такого рода язык квазиисторических описаний демонстрирует удивительное сходжение грубо-детерминистских трактовок истории с теми архаическими трактовками, что изыскивают в мире прежде всего происки вредителей и трикстеров.

¹¹ У нас в России этой историко-теоретической проблемой более всех занимался Николай Иванович Кареев.

¹² За постановку же проблемы «идолов» нашего сознания – честь ему и хвала!

обвиняемого считались «царицей доказательств». В этой презумпции виновности и заключается юридическая суть инквизиционного процесса¹³.

Однако, в самом научно-философском языке таких мыслителей, как Декарт, Паскаль, Спиноза, Ньютон действовала совершенно иная познавательная доминанта: при всех их внутренних тревогах – удивительное, по существу молитвенное чувство Порядка, или Смысла в Мироздании.

Сейчас, когда мир болен непреодоленными социальными и экологическими издержками тесно связанного с классическим рациональным знанием механистического мирозерцания, последнее не без основания представляется (хотя, как уже говорилось выше, представляется несколько упрощенно!) фактором великого технологического порабощения всей человеческой реальности. Но есть и другая – историческая! – сторона медали. В реальных условиях своего становления идея космоса-механизма как раз и противостояла тому безумию религиозных войн, оккультистских истерий и инквизиторской «охоты за ведьмами», которыми отравлена была вся социокультурная атмосфера тогдашней Европы. Представлениям тогдашнего обыденного сознания о космосе, полном бесов и противостоящих им феодалообразных небесных и земных иерархий классическое рациональное знание противопоставило идею космоса как огромного, святого и благоустроенного супермеханизма. По тонкому наблюдению Эйнштейна, классическое рациональное знание противопоставило внешнему миру крови и костров веками вызревавшее в недрах человеческой культуры «космическое религиозное чувство» [15: 127]. Вспомним кстати: упомянутые выше ученые-мыслители, задним числом относимые нами к эпохе механицизма, – почти что старшие современники Баха, Гайдна, Моцарта, с их общей темой восхищения сияющей красотой Бытия, среди которой продолжает «мыслить и страдать»¹⁴ смертный, но чающий бессмертия человек.

Как указывает один из современных философов науки, механицистские издержки трудов мыслителей этой плеяды – не вина, но, скорее, беда. *И причем беда, связанная именно со сложностями истории научно-философских языков.* Наследники эпохи схоластического «рационализма», эпохи благочестивой принудительной силлогистики – они не располагали тем концептуальным языком, который позволил бы более гибко интерпретировать всё то новое, что привнесли в мир человеческого знания открытия и научный инструментарий

¹³ Nota bene. В большевистской России средневековая презумпция виновности возобладала над просвещенческой (притом имеющей глубокие истоки в римском, библейском и талмудическом праве) презумпцией невиновности; к сожалению, реликты этого инквизиционного подхода продолжают жить в законодательстве, судебно-следственной и пенитенциарной практике нынешней пост-коммунистической России.

¹⁴ Слова из пушкинской элегии 1830 г. («Безумных лет угасшее веселье...»).

предшествовавших десятилетий¹⁵. Воистину – если вспомнить стихи Пастернака, –

*Ты – вечности заложник
У времени в плену...¹⁶*

«Ладанка» Паскаля, с ее словами о внутреннем «огне», сжигавшем ученого, и с ее заключительными словами – «Не Бог философов и ученых, но Бог Авраама, Исаака и Иакова» – одно из великих свидетельств этой мыслительной, духовной, но и вместе с тем – языковой драмы. Можно с любой степенью аргументированности оспаривать категоричность этой формулировки Паскаля, но она всегда будет важным указанием на то обстоятельство, что между всегда стремящимися ко внутренней слаженности и цельности языками научного и философского познания и между вечной открытостью бытия и неутоленными исканиями человеческой мысли и души всегда существует некое болезненное несовпадение. И в этом несовпадении – источники личных драм и разочарований, но одновременно – и творческих стимулов не только для множества людей науки, но и просто – для множества людей.

И как дополнение к «Ладанке» – один из паскалевских фрагментов:

- Почему Бог не открывается нам?
- А вы этого достойны?
- Да.
- Вы очень самоуверенны и потому недостойны.
- Нет.
- Вот потому-то вы и недостойны... [6: 376].

В этом фрагменте сам ученый выговаривает проблему недостаточности (и, стало быть, конвенциональности и временной ограниченности) языков научного познания и на века вперед предсказывает непрерывность интеллектуальной самокритики и ревизий в вечно открытом и вечно собеседующим с человеческой мыслью контексте Бытия.

...Однако, что удивительно: социо-гуманитарные знания, вытесненные из «чистой» науки (Science) эпохи Барокко и Просвещения, уже в XIX в., в пост-наполеоновскую эпоху, начинают вторгаться в содержание и языки естественно-научных познаний; статистика вторгается в сферу химических и физико-математических знаний, а уж на исходе

¹⁵ Таков один из центральных и развернутых теоретических сюжетов книги [См.:18].

¹⁶ Из стихотворения «Ночь» (1956).

позапрошлого столетия – происходит триумфальное вторжение проблем философской гносеологии во весь корпус Науки-Science¹⁷.

Во всяком случае, взаимообогащающий и вечно открытый диалог между содержаниями и языками Науки-Science (с ее неотъемлемым стремлением к выверенным, непротиворечивым и концептуально обоснованным описаниям) и социо-гуманитарными знаниями (с их вечно ускользающим конвенциональным, но всегда непреложным предметом, имя которому – человеческая реальность, и где сами вопросы – важнее ответов) представляется неупразднимым.

Вопрос о человеке

Я не имею ни малейших намерений и ни малейших прерогатив оспаривать право целых групп нынешних социологов, историков, политологов, культурологов, востоковедов и т.д. выдвигать на первый план мысли вопрос о «субъективном факторе», о «субъектности» в истории, науке или культуре. Иной раз и сам пользуюсь этими понятиями, хотя и отдаю себе отчет в том, что злоупотребление этими понятиями как бы закрепляет субъектно-объектный раскол нашего мыслительного мира, а через него – и мира как такового. Иными словами, на мой взгляд, вынесенная в заголовки всевозможных научных текстов и проектов проблема «субъектности» есть сциентистская передержка той философско-антропологической (проще говоря – человеческой) проблематики, которая неотъемлемо присутствует в любых социо-гуманитарных сюжетах. В частности, и в сюжетах науковедческих.

Издревле научные знания – при всех эзотерических увлечениях их носителей (будь то пифагорейцы в древней Элладе, будь то ученые древнего Китая или европейского Возрождения) – в той или иной мере стремились к некоторой общезначимости, к некоторому универсализму своих формулировок и идей. При всём многообразии стилей, группировок и школ, наука – от ранних, докартезианских ее стадий – всё же универсальна, или, как говорят некоторые науковеды Запада, «кафолична». Но при этом, как настаивают историки науки, существенно важны именно конкретно-человеческие (и, следовательно, партикулярные) моменты историко-научных процессов. И прежде всего – творчество отдельных личностей и активность относительно малых человеческих сред: ученых коллективов, сообществ и институций, меценатов, учащихся и – попросту – бескорыстных почитателей знания. Именно в этих человеческих контекстах и происходят процессы порождения, накопления,

¹⁷ Будь у меня поболее свободного времени и сил, – я бы специально проанализировал книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» как некий памятник ревнивой реакции представителя тогдашнего дегуманизованного сциентистского знания именно на это вторжение. Тем паче, что сам Ревнитель и последующие ревнители Ревнителя доставили много бед и российской науке, и России как таковой, и ее окрестностям.

усовершенствования и трансляции знания «поверх барьеров» малых групп, сословий, классов, народов, государств и цивилизаций [См.: 5: 152–153].

Разумеется, недоброжелатели, завистники и гонители знаний также оказываются неотъемлемой частью этого человеческого контекста.

И вот только приняв во внимание изложенный выше круг чисто гуманитарных (гуманистических!) соображений по части историко-научного процесса, мы получаем, на мой взгляд, некоторое право рассуждения о человеческом «субъекте» науки. «Субъекте», где индивидуальное, групповое и вселенское находятся в состоянии многозначной, но неразрывной взаимосвязи.

Восприятие информации, мышление, памятование, творчество и, наконец, умудрение – всё это процессы не только в человеке, не только внутри человеческой личности, но и *процессы между людьми*. Или, по словам Макса Шелера, «я» всерьез не дано без «мы», а «мы» всерьез не дано без «я» [20: 52].

Так что, повторяю, если ставить вопрос о человеческом «субъекте» науки, то нельзя не заметить многомерности и многоуровневости этого субъекта. Это не только личность, но и Лик. Не только отдельный творческий индивидуум, но и группа, и большие человеческие массивы, и – в конце концов – человечество в целом. Причем человечество, понимаемое не как механическая сумма всех индивидов на Земле, но, скорее, как контовское *Grand Être*: как некоторое одухотворенное и стремящееся понять себя единство прошлых, жизнедействующих в настоящем и будущих¹⁸ людских поколений.

Однако эти интеллектуальные процессы межчеловеческой коммуникации едва ли возможно понимать как чисто прогрессистские и кумулятивные. Историко-научные исследования свидетельствуют не только о количественном накоплении знаний, и не только о самокритике мысли, и не только о парадигмальных ревизиях, перестройках и скачках, но и об обезчеловечивающих накатах варваризации и антиинтеллектуализма. Прямые или косвенные расправы над учеными и научными коллективами в периоды разгула инквизиторских или же тоталитарных идеологий и институтов, в периоды разгулов революций и контрреволюций¹⁹, в периоды разгула низменных деляческих стихий и экономических (а вместе с ними – и социокультурных) коллапсов – всё это

¹⁸ Разумеется, с талмудической оговоркой: «*им еш хе-ахарит* – если будущее будет».

¹⁹ Убиение, скажем, Лавуазье или Николая Вавилова, уничтожение церквей, монастырей, синагог, дацанов и мечетей вместе со всеми их культурными и духовными сокровищами (не говоря уж о причтах), «вредительские» процессы или соответствующие идеологические кампании, – что это: революция или духовная контрреволюция? Или же проявление неких, по словам о. Тейяра, контрэволюционных тенденций в человеческой истории? – Эти вопросы приоткрывают перед учеными-гуманитариями, в частности, и перед историками науки, широкую и опасную свободу толкований. Даже коллизия «Преображенский – Шариков» иной раз мыслится далеко не однозначно [См.: 7].

слишком хорошо известно и едва ли нуждается в пространных иллюстрациях. Хотя, разумеется, с точки зрения аналитической истории, эти процессы осмыслены еще не в полной мере.

Эпилог: сверяемся с Максом Шелером

Во времена оны Огюст Конт разработал учение о трех последовательно сменяющихся (и соответственно – вытесняющих) друг друга в истории стадиях (*les états*), или, как говорил Вл. Соловьев – «фазисах», человеческого познания:

- теологической,
- метафизической,
- научно-позитивной.

Сама по себе, не выдерживающая серьезного гносеологического анализа и исторической верификации, эта контовская схема оказалась в некотором роде гениальной, ибо стала важнейшим эвристическим стимулом для последующих религиозных, философских и науковедческих идей, – прежде всего для идей Вл. Соловьева и Макса Шелера.

Оба они, каждый в своей системе категорий, показали, что три описанные Контом базовые формы человеческой интеллектуальности – религия, философствование, научное мышление, – доминируя в те или иные эпохи в тех или иных культурах, не «сжидают» друг друга с оси времен и не упраздняют предметное содержание друг друга, но, скорее, постоянно находятся в отношениях довольно нелегкого, но взаимоподдерживающего диалога: оспаривая, провоцируя, взаимно дополняя, питая и восполняя друг друга, они (не только в своей обособленности, но и в процессах своего взаимодействия) отвечают за пути всей ойкономии человеческих знаний, а через нее – и за пути человеческой жизни [См.: 3; 16; 11: 187–209].

В контексте данного нашего разговора предпринятая Шелером ревизия контовской «трехчленки» представляется мне особо интересной.

Согласно Шелеру, в истории жизнедействуют, соперничают и воспроизводят друг друга три основополагающие формы человеческого познания:

– та, которая связана с областью верований и – шире – отношений религиозных: *Erlösungswissen* (знание избавительное, разрешающее, освобождающее);

– та, которая непосредственно обращена к личности и связана с ее формо-образованием – *Bildungswissen* (знание отображающее, образующее, образовательное); что особенно важно для нас – само корнесловие *Bild*, *Bildung* (образ, образование) – выступает здесь как определяющее;

– та, которая связана с овладением внешним миром – Herrschaftswissen, оно же – и Leistungswissen (знание овладевающее, производительное, приумножающее)²⁰.

И уж если говорить о судьбах Науки, о Мире Науки – не только классической, но и пост-классической, – то, на мой взгляд, этот мир пронизывается и формируется всеми этими тремя условными шелеровскими «познавательными формами» (Wissensformen).

Разумеется, это разграничение трех основных «познавательных форм» есть разграничение сугубо условное, теоретическое, почти что не проявленное напрямую в истории науки. Но без их теоретического разграничения и само познание Мира Науки становится зыбким и эфемерным, ибо теряет всякие исторические и смысловые ориентиры.

«Овладевающее знание» (Herrschaftswissen) в Большой Науке безусловно доминирует. И особенно (это касается последних полутора веков) – не столько даже в этосе покорения, подчинения, сколько в ее технологических, управленчески-бюрократических и околополитических структурах.

Фактор «освобождающего, избавительного, разрешающего знания» (Erlösungswissen) проявляет себя более скрыто, и прежде всего – в мотивационных структурах научной деятельности: как непреложный экзистенциально-творческий императив, как мотив сострадания (такой мотив может быть весьма силен и в медицинских, и в экологических, и в инженерных, и, наконец, в социо-гуманитарных исследованиях)²¹.

Но вот именно знание-Образ, знание отображающее, образующее, образовательное (Bildungswissen), – знание, напрямую связанное с базовой проблематикой философской мысли, акцентирующей самое мысль, – именно это знание представляется мне подлинной «душой» не только внутренней жизни ученого, но и многих подлинно творческих научных коллективов. Ибо связано оно не только с научением мыслить, но и с научением *быть*. Cogitare, ergo essere. Или – если вспомнить круг идей великого богослова Пауля Тиллиха – с «отвагою быть» (courage to be).

Более того, почти полвека моих работ в области истории социо-гуманитарных знаний (в сочетании с изучением трудов по популяционной генетике человека²²) привели меня к мысли о том, что бескорыстное

²⁰ См.: [См.: 20: 205 et passim]. Nota bene: Что опять-таки важно для шелеровского дискурса – в своей концепции овладевающего знания он решительным образом сближает архаическую магию с индустриальными, управленческими и политическими технологиями XX столетия. Позднее эта шелеровская идея – каждый раз на свой лад – варьировалась в трудах Л. Мамфорда, К. Леви-Стросса, прот. Александра Меня и др.

²¹ См.: [См.: 19]. В свое время я пытался показать, что темы социального сострадания, характерные для философии русского народничества, оказались не только источником столь печально закрепивших себя в нашей истории антиинтеллектуалистских тенденций, но и немаловажным наукотворческим стимулом, оказавшим немалое влияние на развитие Науки как таковой [См.: 10: 229-235].

²² Н. Н. Воронин, Ф. Г. Добржанский, Н. К. Кольцов, Ж. А. Медведев, Н. В. Тимофеев-Ресовский, В. П. Эфроимсон.

познание, равно как и бескорыстная творческая самоотдача (может быть, столь редкие в повседневной жизни) входят в число базовых и родовых характеристик человеческого жизнеустройства.

Отчасти продолжая идеи Шелера, можно было бы отметить, что сам концепт Отображающего / Образующего познания проливает некий новый свет на декартово “*cogito*” – этот непреложный методологический постулат любой развитой науки. Ибо, так или иначе, в этих идеях заложен столь актуальный для современного научного знания принцип многозначной взаимной соприкосновенности и взаимного развития в историческом времени образа мира, образа познания (*cogitatio*) и образа познающей человеческой личности (*cogitans*).

Немецкого философа всегда заботил вопрос о возможностях интеллектуального упорядочения²³ головоломного многообразия тех теоретических, стилевых, эстетических, социальных, религиозных и иных содержаний, с которыми приходится иметь дело нашему познанию. И как частный случай этого фундаментального вопроса – вопрос об упорядочении процессов взаимодействия человеческого духа и его «продуктов» [См.: 20: 27–39].

Так что, по всей видимости, шелеровский взгляд на персоналистичность бескорыстного *Bildungswissen* должен быть и весьма важен для понимания смысла и ценности *гуманитарного присутствия* в *Mire* Науки.

И вот что хотелось бы сказать в заключение этого относительно краткого и нестроного науковедческого дискурса, помещенного на страницах именно философского издания.

За бескорыстным познанием стоит прежде всего именно философский императив: *philo-Sophia*.

Действительно, *Bildungswissen* (т.е. знание социо-гуманитарное в своей основе) – есть то, что напрямую связано со стремлением мысли дать не абсолютное, но именно конвенциональные, открытые к процессам дальнейшей работы сознания отклики на всегда недосказанные, но всегда непреложные темы человеческих вопрошаний: о смерти и бессмертии, об отверженности и любви, о сомнении и вере, о меняющихся в каждую эпоху условиях и пределах познания Бытия-в-человеке и человека-в-Бытии [См.: 17].

Но это не всё. Известно, что на шелеровское философствование оказали немалое влияние традиции немецкоязычной иудейской и католической культур. Так вот, корнесловие *Bild* / *Bildung* отсылает нас к оказавшему грандиозное влияние на весь поликонфессиональный комплекс немецкой культуры лютеровскому переводу Библии. Условно переводимое нами как «образ» библейское понятие «*целем*» (Быт 1:26) у

²³ Упорядочения не в жесткой «системности», но в рамках некоторых общих принципов познания.

Лютера воспроизводится именно как Bild: “Und Gott sprach: Lasst uns Menschen machen, ein Bild, das uns gleich sei...”.

Перевод начала 26 версета Быт 1 («Вэ-йомер Элохим: наасе адам бэ-цальмену, ки дмутену...») представляет собой множество трудностей. В Синодальном переводе, вслед за Септуагинтой и Вульгатой, это сложное грамматическое соотношение двух категорий – «образ и подобие» – опущено («И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему...»); перевод И. Ш. Шифмана, выдающегося российского семитолога, выглядит так: «И сказал Бог: сделаем человека по образу Нашему, как подобию Нашему...» [14: 58].

Так что за этой вольной или невольной библейской аллюзией Макса Шелера угадывается идея гуманитарно-научного познания и творчества не только как необходимости и не только как «функции», но и как *дара* родовому человеку – Адаму. А ведь принцип дара – один из трудных, но непреложных принципов человеческого жизнеустройства. Жизнь, свет, воздух, язык, мышление, любовь, внутренние творческие императивы – всё это во многих отношениях человек получает именно в дар. Не потому ли и сказано в Евангелии от Матфея (10:8): «даром (в греческом оригинале – *darean*) получили, даром давайте». Не задешево, но именно – Даром.

Кстати, к вопросу о *даре*.

Мне бы хотелось подкрепить все эти изложенные выше рассуждения из области философии науки и науковедения одним жизненным свидетельством.

Так уж случилось, что на протяжении последних двух десятков лет судьба связала меня с системами среднего и высшего образования – от первого до одиннадцатого класса «детской» школы – и до вузовских дипломных работ и кандидатских диссертаций вчерашних аспирантов. И в этой связи могу отметить следующее. Те, кто, по моим наблюдениям, был с детства или с ранней юности «облучен» (о-дарен!) подлинной гуманитарной культурой (в семье, на школьной скамье, или же под влиянием «харизматического» вузовского преподавателя), – как бы ни сложилась дальнейшая их судьба, обычно проявляют не только более высокую степень креативности, но и более высокую степень человеческой состоятельности, нежели окружающая «среда».

По всей видимости, реальность бескорыстного («отображающего» и – одновременно – активно «образующего») познания – это как раз та реальность, к пониманию которой можно отнести блоковские строки, хотя, возможно, и взятые в совершенно особом контексте:

*Там воля всех вольнее воля
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!*

Но – так или иначе – рассмотренное выше шелеровское понятие может оказаться одним из достойных эвристических ключей для понимания не только современной науки, но и сегодняшних и возможных завтрашних судеб мысли, общества и культуры.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Проблемы государственной власти в России. Статья XI. Государственная идеология в расколотом обществе // Рубежи. М. 1997. № 3 (18).
2. Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963.
3. Давыдов Ю. Н. Макс Шелер как социолог науки // Концепции науки в буржуазной философии и социологии. Вторая половина XIX – XX в. М.: Наука, 1973.
4. Ляпунов А. А. О некоторых особенностях строения современного теоретического знания // Вопросы философии. 1966. № 5.
5. Михайлов М. К. Китайская наука. (Исследования древней традиции) // Методологические проблемы генезиса науки. М., 1977.
6. Паскаль Б. Мысли. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. М., 1995.
7. Пензин А. Народный монстр // Синий диван. М., 2007. № 10/11.
8. Рашковский Е. Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в социокультурной динамике Европы, России и Третьего мира: XVIII-XX века / Дисс. ... в виде научного доклада. М., 1997.
9. Рашковский Е. Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция стран Востока XIX–XX века. М., 1990.
10. Рашковский Е. Б. Профессия – историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. Новосибирск, 2001.
11. Рашковский Е. Б. Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. М., 2008.
12. Романовская Т. Б. Наука XIX-XX веков в контексте истории культуры (субъективные очерки). М., 1995.
13. Сиверцев М. А. Влияние дискурса традиционных культур на становление полицентрического образа фундаментальной науки (Востребованность наследия традиционных культур в компьютерную эпоху) // Ориентация – поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992.
14. Учение. Пятикнижие Моисеево / Пер., введ. и комм. И. Ш. Шифмана. М., 1993.
15. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. М., 1967.
16. Dahm H. Vladimir Solovyev and Max Scheler: Attempt at a Comparative Interpretation / Transl. by K. Wright. Dordrecht – Boston, 1975;
17. Jankélevitch Vl. La mort. – P., 1965.
18. MacKinnon E.M. Truth and Expression. The 1968 Hecker Lectures. N.Y., etc., 1971.
19. Ravetz J.R. Scientific Knowledge and Its Social Problems. Oxford, 1971.
20. Scheler M. Die Wissensformen und die Gesellschaft. Zweite, durchges. Aufl. – Bern u. München, 1960.
21. Williams R., Archbishop of Canterbury. Dostoyevsky. Language, Faith, and Fiction. L., 2008.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОГО И ОБЩЕГО БЛАГА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Основной вопрос, который будет нас интересовать в этой статье, звучит так: **противоречит ли личное благо общему?**

На этот вопрос в России обычно отвечают утвердительно, «да, противоречит». Противоречие личного и общего долгое время считалось краеугольным, фундаментальным и по сути не вызывало сомнений: или ты за личное благо, или за общее, или ты индивидуалист или коллективист.

Традиционное российское понимание личного блага находится в зависимости от стереотипа *«общее важнее личного и должно подчинять личное, так как иначе личный интерес не будет выражать общее (и даже его разрушать)»*. Такой стереотип вполне характерен для многих традиционных обществ с явно выраженной феодальной организацией. Феодальная система правового, экономического и политического принуждения основана на подчинении деятельности большинства индивидов интересам господствующего меньшинства. Такая система требует принижения частного (личного) интереса и как следствие, противопоставления мнимого общего реальному личному интересу. Отсюда возникает **мнимое противоречие общего и личного блага**. Почему оно оказывается мнимым, т.е. не действительным, обманным, а следовательно – кому это выгодно?

Если под *общим благом* подразумеваются некоторые общезначимые ценности, необходимые для выживания данного социума (например, жертвенность, взаимопомощь, сострадание, мирная жизнь и ...), то в этом случае, речь будет идти о базовых условиях выживания людей, которые создают возможность для индивидуальной самореализации каждого лица. Так, например, безопасность жизни является фундаментальной основой для всего последующего развития личности, также как и физическое здоровье, и наличие материальных средств в виде воды, пищи, одежды и др. Так понятое общее благо будет ограниченным, не полным понятием, так как оно прямо не включает в себя все возможные проявления личной жизни человека, включённого в данный социум, а лишь косвенно предполагает их возможность.

«Главное построить крепость, а как в ней будут жить люди – это уже второй вопрос» – примерно такая установка будет превращать понятие общего блага в схематичный термин, удобный для применения в традиционном обществе, ориентированном на своё простое физическое воспроизведение (воспроизводство родовой жизни). В таком случае схематичность общего блага позволяет существенно менять средства и способы выживания (что очень удобно для деспотической власти) и всегда

иметь возможность ограничить сферу частной, личной жизни ради каких-либо форм мобилизации. Например, ради спасения отечества нужно изгнать какую-то группу людей или просто её уничтожить; ты должен готовиться к тому, чтобы пожертвовать своей жизнью ради интересов государства и т.п.

Таким образом, схематично понятое общее благо может быть названо **общественными интересами**, которые могут отличаться от личных интересов, и даже противоречить им, так как за общественными интересами могут скрываться интересы отдельных лиц, групп или слоев общества. Российская история XX века наглядно показывает, как быстро могут меняться общественные интересы на прямо противоположные, и послушное большинство населения вынуждено было принять их.

Итак, мы попытались отличить *общее благо* от *общественных интересов*. Теперь мы должны сравнить личное благо с личными интересами. Будут ли они совпадать?

На первый взгляд они очень схожи и часто их отождествляют друг с другом, но при более внимательном рассмотрении эти понятия имеют существенные различия. Начнём с того, что личные интересы могут быть неразумными и разрушающими базовые условия человеческой жизни (его жизнь, здоровье, свободу и др.), например, когда несовершеннолетний ребенок имеет большой интерес к мороженому или конфетам, и готов их съесть без меры, или когда взрослый человек испытывает сильный интерес к спиртным напиткам или азартным играм, которые подрывают его здоровье, семейную жизнь и ведут к социальной деградации. Эти примеры наглядно показывают, что личные интересы не всегда направлены на благие цели, т.е. не всегда ведут к благополучию данного лица. При этом нужно учитывать, что выбор жизненных целей является делом самого человека, проявлением его личной свободы. Так, если интересы несовершеннолетнего ребенка ещё могут ограничить родители, то интересы взрослого лица будет направлять и ограничивать его собственный разум, а также общественное моральное осуждение и нормы права.

Исходя из этого начального различения понятий, мы можем определить **личное благо** как *самостоятельное осмысленное и ответственное достижение человеком своих интересов, не противоречащее базовым условиям его жизни и нацеленное на неопределённо далёкое будущее*.

Мы намеренно не ввели в это определение понятие «разумное», так как оно уже предполагается в *самостоятельном осмысленном и ответственном достижении своих интересов*. Важным моментом этого определения личного блага является временной фактор, а именно направленность в неопределённое будущее, а не сиюминутное удовлетворение какого-либо желания или страсти. В этом случае понятие блага укоренено в перспективе будущего.

Вот теперь нам следует сопоставить понятия «личное благо» и «общественные интересы». Именно между ними возникают многочисленные противоречия и напряженности.

Общее благо – общественные (государственные) интересы

Личное благо – личные (частные) интересы

Как мы уже отметили, общественные интересы не всегда совпадают с общим благом, т.е. не всегда будут учитывать благо всех и каждого лица данного социума. История человечества даёт огромное количество примеров, когда общественные интересы, выраженные в целях и задачах государства, явно противоречат и личным интересам и личному благу большинства. Ярким примером являются войны, которые развязываются правителями ради своих интересов, которые выдаются за общественные и государственные.

Попробуем дать некоторые исходные определения:

*То, чего хочет конкретный человек, является его **интересом**.*

*То, что он должен сделать в соответствии со своим разумением, будет его **благом**.*

*Если желаемое совпадает с должным, человек **счастлив**.*

Итак, вернёмся к общественным интересам. Несмотря на всю свою индивидуальность и неповторимость человек является существом общественным, а значит, без общества он не может в полной мере раскрыть свои способности и задатки. К общественным интересам следует относить то, чего хотят все самостоятельные и разумные представители общества, и тогда общественные интересы совпадают с общим благом. Но в действительной жизни интересы общества представляют некоторые лица – так называемая правящая элита, которая не редко навязывает обществу свои частные интересы и пытается оправдать их тем, называет их общим благом.

Так что же такое общее благо?

Очень продуманную и гуманистическую трактовку общего блага я случайно нашёл в «Катехизисе Католической Церкви» [1: 2]. Несомненно, что эта трактовка опирается на многовековую философскую и богословскую европейскую традицию, а главное, что она полностью вписывается в наше понимание человеческой природы и назначения человека.

Итак, католический катехизис даёт следующее базовое определение: *«Под общим благом надо понимать «совокупность тех условий социальной жизни, которые позволяют и обществам и отдельным их членам достигать полнее и быстрее собственного усовершенствования». Общее благо касается жизни каждого».*

Человеческая природа социальна, а потому человек не может раскрыть своё назначение, свои задатки вне общества, а значит, само

общество должно быть организовано и упорядочено таким образом, чтобы каждый его член «достиг полнее и быстрее собственного усовершенствования». Замечательная идея, к которой сейчас приходят все здравомыслящие люди на нашей планете. Но это ещё не всё. Далее, в катехизисе идёт пояснение необходимых «условий социальной жизни», а именно требований к представителям разных властей, в которых раскрывается полный смысл понятия общего блага.

Первым условием является «уважение к личности как таковой», которое предполагает ряд обязанностей со стороны носителей власти или государственных деятелей: «Во имя общего блага власти обязаны уважать неотъемлемые и фундаментальные права человеческой личности. Общество должно позволить каждому из своих членов реализовать свое призвание. В частности, общее благо состоит в условиях осуществления естественных свобод, необходимых для расцвета человеческого призвания: «Ими являются: право действовать согласно правильной норме собственной совести, охраны частной жизни и справедливой свободы, включая и религиозную».

Первое условие требует правовых гарантий каждому лицу в обществе на самореализацию, т.е. требует защиты прав и свобод личности, без которых невозможно достижение личного блага, а следовательно и общего. Эта логика от единичного (личного) блага к общему естественна и разумна, и только она может вести к счастью. В этом мы ещё убедимся.

Вторым условием будет требование «социального благоденствия и развития данного общества»: «Определенно, власти принадлежит право разрешать, во имя общего блага, споры между различными частными интересами. Но она должна предоставить каждому то, что ему нужно, чтобы вести по-настоящему человеческую жизнь: пищу, одежду, медицинскую помощь, работу, образование и культуру, соответствующую информацию, право на создание семьи».

Власть обязана гарантировать каждому члену общества необходимые условия для его благой, счастливой жизни. Конечно, речь не идёт об удовлетворении всех возможных человеческих пожеланий, такое возможно только в сказках и утопиях. Важно то, что для каждого человека без всякого исключения должны быть созданы условия «чтобы вести по-настоящему человеческую жизнь», т.е. не просто выживать, а жить по-своему и с удовольствием. Тем более, что во многих странах мира уже имеются для этого необходимые материальные ресурсы, и во многом только от власти зависит их справедливое распределение.

Третьим условием общего блага является требование «мира, то есть постоянства и безопасности справедливого порядка». Это требование обращено уже не только к правителям своей страны, но и ко всему человечеству. В современных условиях глобализации вопросы войны и мира касаются всех стран и народов. На первый план здесь выходит честность и открытость политики, которая должна служить благу всех и каждого.

Эти социальные требования создают морально-правовую основу для функционирования современного демократического и правового государства, а также для мирного и справедливого сосуществования мирового сообщества. В катехизисе утверждается: «Единство человеческой семьи, объединяющей людей с равным природным достоинством, означает, что существует *универсальное общее благо*». Если мы будем отрицать идею о «универсального общего блага», то мы должны разделить человечество по группам, видам и разрядам, провоцируя неравенство и противоборство. И опять же, такое благо вовсе не будет фиктивным, если оно начинается с блага конкретного человека. По этому поводу можно привести замечательные слова Катехизиса: «Общее благо всегда направлено на развитие личности: «Порядок вещей должен быть подчинен порядку личности, а не наоборот».

Если общественная практика, включая экономику, политику, право и другие сферы идёт от личности, её интересов, ценностей и притязаний, то общее благо становится главной целью всей социальной деятельности, и будет неразрывно связано с принципами равенства, свободы и справедливости.

Когда же мы обращаемся к российской общественной практике и российскому пониманию общего блага, то вместе со многими исследователями вынуждены констатировать, что в России доминирует соборно-коллективистский или византийский подход, согласно которому общее благо рассматривается как некое высшее, государственно-религиозное начало, господствующее над человеком. Общее благо до сих пор не имеет правового значения, так как оно по-прежнему относится к сверхъестественной сфере божественной благодати, которая не подконтрольна человеческому разумению и волеизъявлению.

В связи с этим очень точную характеристику даёт известный российский юрист, правовед В. С. Нерсесянц: «Там, где нет свободных индивидов, общего правопорядка и государственной организации публичной власти как *res publica, res populi* и т.д., там нет места для общего блага и блага индивидов. В условиях такого бесправия и несвободы людей сама верховная централизованная власть деспотов, объявленных к тому же «помазанниками божьими», предстает как высшая ценность и единственное «благо», господствующее над жизнью и интересами всего подвластного населения» [2: 72–73]. Нерсесянц отмечает важный факт российской общественной жизни – подмену «общего блага» общественными (государственно-религиозными) интересами некоего абстрактного и самодовлеющего целого, представленного в виде «Отечества», «народа», «государства», «страны в целом». Некая абстрактная общая цель должна выражать национально-государственные интересы, но не интересы каждого конкретного гражданина.

Недавним подтверждением такого рода подмены является выступление патриарха РПЦ Кирилла на Съезде добровольческого движения Общероссийского народного фронта 26 февраля 2012 года. В

своём выступлении патриарх был обеспокоен темой свободы в России, но говорил он не о свободе граждан, а о том, чтобы «Отечество оставалось свободным». Свобода для православного патриарха – это «способность народа определять свой исторический путь, исходя из своих ценностей и своего миропонимания, из своего целеполагания, из того, как народ видит свое будущее» [3]. Он обращается к некоему коллективному субъекту – «народу», который должен защищать свою историческую землю и строго следовать историческим традициям. И далее самое интересное, относящееся к нашей теме. По его мнению, «частные интересы неспособны обеспечить выживание общества и страны, если нет объединяющей идеи, неспособны сохранить страну ни в мирное время, ни тем более в военное». Он не только воспроизводит типичное православно-русское противопоставление частного и общего, но и явно демонстрирует подмену «общего блага» некоторыми коллективными интересами государства и церкви. И в этом состоит главная причина отчуждённости большинства россиян от власти и общественной жизни.

Так, Нерсесянц подчёркивает, что общее благо не отрицает различные интересы, притязания и цели, а напротив, является «условием их возможности», так как предполагает соучастие всех частных интересов и волю в формировании общей правовой нормы» [2: 70]. Почему же Русская православная Церковь не озабочена частным благом граждан России? Почему ей нужно именно коллективное действие («соратничество»), коллективный субъект («народ»)? Почему её мало интересует жизнь конкретного гражданина, его личное благо? Оставим пока эти вопросы без ответа.

Итак, вернёмся к обобщающему определению, которое даёт Нерсесянц. Общее благо, – по его словам, – «выражает объективно необходимые всеобщие условия для возможного совместного бытия и согласованного сосуществования всех членов данного сообщества в качестве свободных и равных субъектов и тем самым одновременно – всеобщие условия для выражения и защиты блага каждого» [2: 71]. А ведь каждый взрослый человек сам знает, что для него «благо», в чём его личный интерес. И с этим нужно считаться прежде всего государству и различным общественным институтам, в том числе РПЦ. Но если государство и церковь не хотят признавать такое понятие общего блага, значит, им это не выгодно, это может подрывать основы их функционирования в данном обществе. Примечательно также и то обстоятельство, что катехизисе православной церкви я не нашёл даже понятия «общего блага». Правда, сейчас в патриархии идёт активная работа по разработке нового православного катехизиса, ведь прежний не изменялся более ста лет.

Стоит обратить внимание на ещё один момент понятия «общее благо», а именно на экономическую составляющую, которая всегда была камнем преткновения в России. Это возможность равноправного отношения к общей собственности, например, к земле или другим

природным ресурсам. При этом от российского «народа» всегда требуют «жертвенности», самоограничения, послушания «во имя блага Отечества». Чьё же это благо? Каждого ли отдельного гражданина или какой-то привилегированной группы? Скорее всего, второе.

Итак, подводя некоторый итог нашему анализу, мы можем утверждать, что *подлинное общее благо не может противоречить частному благу, а напротив, является формальным условием возможности блага каждого члена общества*. Такое понимание очень важно для современного российского общества, которое начинает выстраивать новую систему государственных отношений и управления, основанную на демократических ценностях и принципах. Надёжным фундаментом этой новой системы должно именно «частное благо», реализация которого в свою очередь предполагает и осуществление общего блага. В этом заключена логика природы, спорить с которой просто неразумно. Тем более что трагический опыт российского общества является наглядным уроком для всего человечества.

Библиографический список

1. Катехизис католической Церкви: общее благо // http://www.truechristianity.info/library/katehizis_katolicheskoi_cerkvi/katehizis_katolicheskoi_cerkvi_0312.php#s2p2
2. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. М.: НОРМА, 2000. С. 72-73.
3. Слово Предстоятеля Русской Церкви на Съезде добровольческого движения Общероссийского народного фронта / <http://www.patriarchia.ru/db/text/2036927.html>

Е. В. Викторова

ПГПУ им. В. Г. Белинского

КОНЦЕПЦИЯ ИМПРЕССИНГА В. П. ЭФРОИМСОНА: СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

В современном научном знании статус понятия «импрессинг» неоднозначен, хотя в целом научное понимание импрессинга сложилось.

Понятие «импрессинг» введено в научный оборот выдающимся отечественным ученым В. П. Эфроимсоном. В. П. Эфроимсон, исследовавший связь генетической наследственности человека и его личностного формирования, исходил из того, что становление любого качества личности происходит по схеме «наследственная программа (гены) – сензитивные периоды – предопределение пути развития – формирование качества». Важное место в этой цепочке ученый отводил сензитивным периодам и специфике восприятия личностью событий, которые происходят с ней в эти периоды и определяют в дальнейшем ход ее развития.

Опорой для исследователя выступило понятие «импринтинг» [10], [11]. В психологии импринтинг трактуется как процесс быстрого развития социальной привязанности детей к своим матерям (Д. Боулби, Л. Тимоти, А. Г. Понугаева и др.). Однако В. П. Эфроимсон понимал импринтинг и его значение в жизни человека более широко. «Наряду с признанием большого значения наследственной одаренности, в связи с большими успехами науки о поведении – этологии, стало выясняться огромное значение для развития личности ранних впечатлений. Сначала на животных, потом на младенцах и детях выяснилось, что младенческие, детские и подростковые впечатления определяют не только уровень впоследствии достигаемого интеллекта, но и эмоциональную сущность индивида, его ценностные критерии, причем строго стадийно и нередко необратимо» [11: 8].

По мнению В. П. Эфроимсона, наиболее корректным по отношению к человеку является термин «импрессинг», поскольку он обозначает гораздо более сложное явление, нежели то, что имеет место у животных. «У человека, так же, как и обучаемых животных, в индивидуальном развитии есть некоторые «критические» моменты, во время которых наиболее сильно, наиболее глубоко производят впечатление (запечатлеваются) определенные воздействия внешней среды, причем если у животных при импринтингах такой критический момент неизменно падает на первые мгновения жизни, то у человека их несколько и приходятся они на разные стадии младенческого, детского и даже подросткового возраста» [11: 9].

Специфика импринтинга человека – импрессинга – определяется тремя основными чертами: во-первых, импрессинг менее, чем импринтинг, ограничен во времени: «для каждого ребенка возраст, в котором он наиболее восприимчив к импрессингу, – свой, индивидуальный» [10: 206]; во-вторых, спектр импрессинговых воздействий гораздо более широк: решающее значение в любой момент могут возыметь «какие-либо наблюдения, какой-либо акт доброты, жестокости, несправедливости, какая-либо книга, фильм, разговор, жизненное происшествие» [10: 85]; в-третьих, импрессинги разнообразны, индивидуальны, парадоксальны и слабо предсказуемы: «на долю детей и подростков, по социальным признакам как бы и однородных, выпадают совершенно разные импрессинги, не говоря уже о том, что разные генотипы определяют тот факт, что из одинаковых воздействий среды разные люди воспримут в качестве решающих и основополагающих разные импрессинги, сформируют разные жизненные идеалы, да и устремление к их реализации может принять разный характер и интенсивность» [11: 9].

Характеристика, данная феномену импрессинга В.П. Эфроимсоном, соответствует большому количеству жизненных ситуаций, описанных в самых разных источниках: научных, публицистических, художественных и т.п. Высказываются мнения о том, что импрессинг определяет ценностные ориентиры и поведенческие реакции в самых разных сферах

жизнедеятельности: этические ценности, нормы, качества (В. П. Эфроимсон и др.); политические ценности и установки (М. Перельман, М. Амусья); религиозные ценности (М. Перельман, М. Амусья); интеллектуальные способности и интересы (Н. Б. Оконская и др.); профессиональные интересы (О. В. Лишин и др.); художественные способности и предпочтения (О. В. Денисова и др.); и даже полоролевые представления и предпочтения (К. Лоренц, К. Хорни, В. П. Эфроимсон и др.). Предпринимаются попытки связать с импрессионгом феномены гениальности личности (В. П. Эфроимсон, В. Г. Березина, М. Голубовский и др.). В качестве примера приводятся ситуации из жизни В. Вернадского, С. Ковалевской, П. Кропоткина, К. Линнея, Л. Мечникова, Г. Шлимана, А. Эйнштейна и многих других выдающихся личностей.

Многогранность проявлений рассматриваемого феномена в жизни отдельной личности и общества в целом позволяет говорить об импрессионге как о феномене социокультурном. Подтверждение данной мысли находим уже у В.П. Эфроимсона: «Можно полагать, что импрессионг является одним из основных путей воздействия макро- и микросоциума на индивидуальное развитие» [11: 11].

Наиболее яркие перспективы концепция импрессионга обнаруживает в психолого-педагогическом знании.

Так, Г. Я. Узилевский трактует импрессионг как «самореализацию семантического кода в виде четких необратимых стадий формирования стремлений, предпочтений и влечений под воздействием окружающей среды» [8: 58]. Вслед за В. П. Эфроимсоном, он рассматривает импрессионг как один из социальных факторов проявления и развития наследственных задатков личности, что определяет особую роль импрессионга в способности человека к высокой обучаемости. Г. Я. Узилевский разделяет точку зрения В. П. Эфроимсона на острую необходимость использования знаний об импрессионге в создании условий для развития личности в семье и в образовательных учреждениях.

М. Холодная связывает с импрессионгом обретение личностью интенционального опыта, в частности формирование интеллектуальных интенций – «особых субъективных состояний направленности ума, которые по своим механизмам являются продуктом эволюции индивидуального ментального опыта, а по форме выражения – неопределенно переживаемыми и в то же время чрезвычайно устойчивыми чувствованиями» [9: 137]. По мнению М. Холодной, механизмы формирования интенций мало изучены и в случаях интеллектуальной одаренности, где интенции обнаруживают себя наиболее ярко, импрессионговая природа последних очевидна: «интенция складывается «вдруг» и фатально под влиянием, казалось бы, случайного впечатления» [9: 134].

На огромный воспитательный потенциал импрессионга и острую необходимость включения теории импрессионга в педагогическую теорию и практику указывает О. В. Лишин. Опираясь на работы В. П. Эфроимсона,

исследователь приходит к пониманию импрессионга «как смысловой установки в момент ее формирования» [3]. О. В. Лишин отмечает, что импрессионг может быть отнесен «как к определенной деятельности, в том числе профессиональной, так и к жизнедеятельности в целом, понимаемый как жизненная позиция» [3].

Перспективным оказывается обращение к импрессионгу с этико-аксиологической точки зрения. Так, В. Н. Сагатовский, анализируя механизм формирования ценностей, приходит к выводу о том, что «непосредственной основой ценностей является такое эмоциональное отношение к миру, которое становится для данного субъекта устойчивым, доминирующим и не подлежащим (вне ситуаций кризиса и философской рефлексии) сомнению, т.е. фундаментальной настрой на мир» [7]. Подобное эмоциональное отношение, получившее положительное или отрицательное подкрепление извне – сильное впечатление – исследователь вслед за В. П. Эфроимсоном считает импрессионгом и отводит последнему основополагающую роль в формировании личностных смыслов, ценностных ориентаций, определяющих деятельность личности: «одна из потребностей, легшая на эмоциональную основу, подкрепленная объективной и субъективной ситуацией, резонирующая с состоянием духа, может приобрести статус ценности» [7].

М. Перельман и М. Амусья импрессионг как феномен рассматривают уже не на индивидуальном уровне, а на общественном: в их работе «Особенности формирования менталитета человека» последовательно разворачивается мысль об импрессионге поколений. По мнению исследователей, пережитые людьми в импрессионговый период (к которому Марк Перельман и Мирон Амусья относят прежде всего подростковый возраст) события государственного и мирового масштаба – военные действия, политические перевороты, межнациональные конфликты, террористические акты и т.п. – и их исход отражаются на поведении уже повзрослевших граждан, которые подсознательно стремятся к повторению конфликтных ситуаций, к их избеганию, к неверию в их разрешение и т.п. Исследователи подчеркивают: «Можно утверждать, что теория импрессионга работает, и существует определенный закон длительности формирования и изменений менталитета наиболее активной части общества в 10-15 лет» [4].

Н. Б. Оконская в своих работах использует термин «импринтинг». Феномену, обозначаемому данным термином, исследовательница отводит огромное значение в эволюции человека и жизни вообще, в «закреплении социальных изменений генетики человека» [5: 117]. Одна из основных функций импринтинга, по мнению Н. Б. Оконской, – формирование в биосоциопрограмме поведения человека установок и критериев целесообразности. Такие программы формируются социумом у каждого поколения стихийно посредством импринтинга [5: 123]. Под импринтингом Н. Б. Оконская понимает «сложнейшее парадоксальное свойство не забывать, т.е. запечатлеть навсегда все воздействия

внешнего мира и одновременно это свойство забывать или как бы «запечатывать» информацию» [5: 115]. Н. Б. Оконская считает, что запечатлеванию могут подвергаться любые внешние воздействия, в том числе социальные условия и артефакты. Это резко расширяет диапазон воздействий импринтинга на личность в отличие от тех воздействий, которые воспринимаются рационально. Импринтинг связан и с социальной, и с генетической наследственностью, так как благодаря ему в памяти запечатлевается информация, «идущая и от культуры, и от генетических кодов» [5: 119]. Ярчайшим примером импринтинга исследовательница считает язык: «язык – это в известном смысле всеобщий импринтинг, всеобщая социальная память, обладающая свойствами сохранения, накопления, воспроизводства... Без импринтинговой памяти язык не мог бы возникнуть» [5: 123].

Таким образом, можно говорить о том, что последние исследования импринтинга выявляют его недостаточную изученность, затрагивают отдельные аспекты его функционирования и, способствуя признанию его значимости в социокультурном развитии личности и общества, намечают перспективу дальнейших его исследований, как теоретических, так и эмпирических.

Библиографический список

1. Киселев Р. А. Импринтинг [Электронный ресурс]: Вестник НЛП. №19. URL: <http://www.vestniknlp.ru> (дата обращения 19.10.2011).
2. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985.
3. Лишин О. В. Роль системы отношений в онтогенезе личности [Электронный ресурс]. URL: <http://dozor.narod.ru/> (дата обращения 19.10.2011).
4. Перельман Марк, Амусья Мирон. Особенности формирования менталитета человека [Электронный ресурс]. URL: <http://world.lib.ru/> (дата обращения 19.10.2011).
5. Оконская Н. Б. Импринтинг как системный механизм эволюции общества // Философские науки. 2001. №1.
6. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб, 2003.
7. Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии [Электронный ресурс]: В 3-х ч. Ч. 3. СПб., 1999. URL: <http://sofik-rgi.narod.ru> (дата обращения 20.10.2011).
8. Узилевский Г. Я. О сверххранном обучении, классических принципах воспитания и обучения с позиций антропологической семиотики // Образование и общество. 2000. № 5.
9. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб., 2002.
10. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995.
11. Эфроимсон В. П. Педагогическая генетика // Биология. 2000. №31.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология представляет собой учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. В этом смысле методология рассматривается как необходимый компонент всякой деятельности, так как этот процесс связан с осознанием, обучением, рационализацией.

Методология выступает как система принципов и способов построения (организации) теоретической и практической деятельности, а так же как учение об этой системе. Методологическое знание как система социально апробированных правил и нормативов познания и действия, соотносящаяся со свойствами и законами действительности, фиксирует содержание и последовательность определенных видов деятельности (нормативная методология), а также описание фактически выполненной деятельности (дескриптивная методология). Основной функцией методологического знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования какого-то объекта. [См.: 1]

В современной литературе под методологией понимают, прежде всего, методологию научного познания как мировоззренческие позиции, определяющие понимание изучаемого предмета, подход к нему, назначение, направленность и способ проводимых исследований.

Возникновение методологии психосоциальных исследований стало возможным на пересечении академической социологической теории, практики массовых социальных обследований, техники экспериментальной проверки гипотез, а также активно развивающейся социальной работы. В психосоциальных обследованиях первостепенный интерес вызывают сведения о жизни и их универсальная связь между отдельными переменными (окружающими людьми и группами, ценностными ориентациями, мотивами и потребностями и т.п.). Ценным является достижение информативных и полезных для общества результатов. Процесс же получения информации достаточно сложен, так как методолог (исследователь) вынужден абстрагироваться от предмета исследования (от «что?») и обратиться к нормам, регламентирующим процесс получения научного знания (к «как?»).

Теоретически осмыслять проблемы логики познания и исследования мыслители стали ещё в Древнем мире в государствах Древнего Китая, Древней Индии, Древней Греции.

Так, крупнейший мыслитель Древнего Китая Мо-цзы (Мо-Ди) придавал большое значение в познании процессу сравнения целого и его частей и сравнению вещей друг с другом. Моисты обращали внимание на

то, что сравнивать можно только однородные вещи, разрабатывали проблему логического вывода, логического понятия и др. Попытки обобщать накопленный естественнонаучный материал, опыт познавательной деятельности явились сильнейшим толчком в развитии науки в целом. [См.: 5]

Огромный вклад в развитие логики, методологии исследования внёс Аристотель. В его трактатах утверждается, что новые истинные мысли можно получить лишь в том случае, если опираться на другие истинные мысли в соответствии с правилами логики. Аристотель разработал учение о категориях, теорию суждений, теорию понятия, сформулировал основные логические законы.

В эпоху средневековья развитие научной мысли привело к образованию двух направлений реализма и номинализма, в которых рассматривались важные методологические вопросы: о природе общих понятий (универсалий) и о соотношении знания и веры. Официальная церковь признавала приоритет знания по откровению, (только Божественные истины могут быть абсолютными и безусловными). Знания, полученные опытным путем или с помощью разума, лишь относительные и не могут противоречить истинам откровения.

В эпоху Возрождения начинается радикальная критика схоластики и её методов, закладываются основы опытного познания и современной науки (формирование последней приходится на Новое время). Вопрос о методе приобретает первостепенное значение, философски осмысливается и обосновывается два противоположных направления в теории познания: эмпиризм и рационализм. Первый связан с формирующейся экспериментальной наукой и опирается на индуктивную логику, второй связан с механико-математическим направлением в естествознании и опирается на дедуктивную логику. Следует отметить, что ни «чистых» эмпириков, ни «чистых» рационалистов в науке нет. В реальном процессе познания используется и то и другое.

Родоначальником английского эмпиризма стал Френсис Бэкон, разработавший проект великого восстановления наук, освобождения науки от пут схоластики. Он призывает к опытному исследованию природы, видя в ней объект познания. Средством познания, в этом случае, является опыт, причем не только пассивное наблюдение, но и активное экспериментирование с природными объектами. Он обращается к индуктивной логике, как универсальному методу познания, а также разрабатывает методы индуктивного исследования. Бэкон высказал мысль о том, что логика должна стать, прежде всего, логикой научного исследования, отыскания истинных знаний, открытия новых истин [6].

Продолжил учение Бэкона о познании Томас Гоббс, который стремился соединить эмпиризм и рационализм. Он полагал, что опытных знаний не достаточно для познания связей и зависимостей фактов между собой. Опыт может представить лишь вероятностные знания, а истинные

знания могут быть получены только путём размышлений, рассуждений, умозаключений.

Эмпиризм (сенсуализм) представлен работами Локка, Беркли, Юма. Учёные исходили из того, что наше познание окружающего мира начинается с чувственного восприятия, получаемого при помощи органов чувств. Только после этого, наш разум комбинирует, обобщает и классифицирует эти восприятия. Разум не может ничего добавить к тому, что получено от органов чувств. Разум способен лишь исказить чувственный образ, что является источником ошибок и заблуждений. Следовательно, к теоретическому знанию следует относиться настороженно, а главное в научном познании – это факты. Цель науки – сбор и систематизация фактов, основной метод науки – наблюдение, главная функция науки – описание.

Другое направление – это рационализм, представленный трудами Декарта, Лейбница, указывает, что ряд всеобщих истин (например, в математике) не может быть получен из чувственного опыта. Этот опыт часто нас обманывает. Так, следует рассмотреть дедуктивную модель науки, построенную Рене Декартом. Он полагал, что метод познания опирается на интуицию и дедукцию. Применяя по строгим правилам метод дедукции, невозможно прийти к заблуждениям. Декарт сформулировал правила исследования, поиска нового знания:

1) Никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таким с очевидностью, т.е. тщательно избегать поспешности и предубеждения, включать в свои суждения только то, что представляется уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению;

2) Делить каждую из рассматриваемых проблем на столько частей, сколько требуется, чтобы лучше их разрешить;

3) Располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с простейших, легко познаваемых, и восходить к более сложным, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу;

4) Делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено. [См.: 2]

Таким образом, в основании новоевропейской научной методологии лежит сформировавшееся в XVII в. убеждение в том, что существуют однозначно интерпретируемые правила, следуя которым можно прийти к результату исследования, т.е. из всех возможных путей к истине ведет один, все остальные ведут к заблуждению. В основе этих взглядов лежит идея репрезентации, согласно которой объект существует независимо от субъекта и отражается в его сознании, причем возможно только одно истинное толкование объекта.

Огромный вклад в исследование познавательных процессов внес Иммануил Кант, который рассмотрел диалектику процесса познания.

Отвергая догматический способ познания, он считал, что вместо него нужно взять за основу метод критического философствования, сущность которого заключается в исследовании способов познания самого разума; границ, которые может достичь разумом человек; и изучении отдельных способов человеческого познания.

Кант указывал, что для обоснования возможности знания следует признать, что не наши познавательные способности должны сообразовываться с миром, а мир должен сообразоваться с нашими способностями, чтобы вообще могло состояться познание. Иначе говоря, наше сознание не просто пассивно постигает мир как он есть на самом деле (догматизм), а мир сообразуется с возможностями нашего познания (сознание является активным участником становления самого мира, данного нам в опыте). В опыте выделяется два уровня формообразования (активности) сознания:

1. это субъективные формы чувства — пространство и время. В созерцании чувства (материя) постигаются нами в формах пространства и времени, и тем самым опыт чувства становится чем-то необходимым и всеобщим. Это чувственный синтез.

2. это категории рассудка, благодаря которому связываются созерцания. Это рассудочный синтез.

Знание даётся путём синтеза категорий и наблюдений. Кант впервые показал, что наше знание о мире не является пассивным отображением реальности, а является результатом активной творческой деятельности сознания.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель был одним из творцов немецкой классической философии и философии романтизма. В основе идей Гегеля лежало противопоставление «субъективного духа» (отдельного человека), «объективного духа» (системы условий и условностей, которые отделяют человека от бога) и «абсолютного духа» (в терминах религии — «бога», в терминах Платона — «идеи», а в терминах неоплатоников — «единого»). Гегель считал, что в движении своей мысли человек может подняться с уровня своего субъективного мышления на уровень абсолютного умознания, то есть на уровень бога, преодолевая систему объективных ограничений и разделений. Это движение Гегель именовал «феноменологией духа», а логику этого движения «диалектикой». Для него диалектика — это такой переход одного определения в другое, в котором обнаруживается, что эти определения односторонни и ограничены, то есть содержат отрицание самих себя.

На основании философии тождества разума и действительности утверждается, что поскольку идеи противоречат друг другу, также и факты могут противоречить один другому, и что факты, как и идеи, развиваются благодаря противоречиям, — и поэтому от закона противоречия необходимо отказаться.

На взгляды Карла Маркса повлияли идеи Гегеля об абсолюте, предстоящем отдельному человеку, о системе объективных ограничителей,

стоящих на пути к единому «абсолюту», и о том, что развитие абсолюта и развитие мира возможны, прежде всего, через работу человеческого разума, то есть через диалектику. В то же время на взгляды Карла Маркса оказали заметное влияние идеи материализма, в частности идеи Людвиг Фейербаха. Развивая их идеи, Маркс предложил поставить на место умозрительного «абсолютного духа» конкретное сообщество людей с их коллективным мышлением. Общество, а не Бог, является абсолютом, предстоящим отдельному человеку. Таким образом, содержание индивидуального сознания обусловлено общественным во всем многообразии его форм. И чтобы познать и улучшить мир, нужно познать и улучшить свое общество.

Альберт Эйнштейн создал частную и общую теорию относительности на основе разработанной им научной методологии: он применил метод регулятивных принципов, в которых синтезированы принципы физики и философии. Эйнштейн ориентировал мысль исследователей на поиск единых, фундаментальных законов природы, на унификацию физики на основе геометрии как универсального языка науки. Он был убежден в полной гармонии природы, в объективной реальности физических явлений, в способности человеческого разума отразить природные процессы в научных теориях.

К достоинствам теорий Эйнштейн относил их законченность, гибкость и ясность, логическое совершенство и надежность исходных положений. Он полагал, что в процессе развития науки наши теории становятся все более и более абстрактными, их связь с опытом (фактами, наблюдениями, экспериментами) становится все более сложной и опосредованной, а путь от теории к наблюдениям становится длиннее, тоньше и сложнее. Чтобы реализовать конечную цель исследования (лучшее понимание реальности), надо четко представлять себе следующее объективное обстоятельство. В процессе исследования необходимо прибавлять всё новые факты и допущения, которые сделают цепь логических рассуждений длиннее. Завершенная теория не является точным отображением природы в соответствующей области, она есть некая идеализация опыта, осуществляемая с помощью понятийных оснований теории и обеспечивающая определенный успех.

Исследования XX века в области методологии познания имеют сложную структуру. Различные направления и методологические подходы в научном исследовании дают большую вариативность деятельности учёного.

Феноменологический подход в психосоциальных исследованиях исходит из посылки, что изучать необходимо не скрытые от общества процессы, а те представления, которые возникают в нашем сознании при непосредственном восприятии мира. При этом наше знание о социальном мире должно основываться на очевидных для нас вещах, а не на том, какими мы хотели бы их видеть. Каждый индивид располагает

уникальным биографическим опытом, составляющим запас знаний, свойственных только ему одному.

В центре внимания феноменологического подхода находится не общество в целом (как у структурного функционализма и структурализма), а человек в его специфическом измерении. По мнению А. Шюца, социальная реальность не есть некая объективная данность, которая находится вначале вне субъекта и только посредством социализации, воспитания и образования становится его составляющей. Она "конструируется" посредством образов и понятий, выражаемых в коммуникации.

Отсюда следует, что социальные события лишь кажутся объективными, в действительности они предстают как мнения индивидов об этих событиях. Поскольку именно мнения образуют реальный мир, постольку понятие "значение" оказывается в центре внимания феноменологии.

Одной из наиболее актуальных в настоящее время методологий выступает диалогический подход, ярче всего представленный у М. М. Бахтина. Поскольку смысл, по Бахтину, неотделим от субъекта и совпадает с его субъективностью, то и постигнут он может быть только методом диалога, т.е. через отношение к другому смыслу. Предмет познания предстает как бесконечно особенное, мыслимое. Смысл непрерывно меняется в меняющихся контекстах. Ни один контекст, в том числе и первоначальный, не закрепляет окончательно смысла какого-либо высказывания. Всякий смысл бесконечен, поскольку бесконечна история [См.: 6].

Другую методологию исследования описал В. Дильтей, в центре его внимания была интерпретация смысла (описательная методология). В. Дильтей предлагал изучать чужую культуру, применяя методику вчувствования, по возможности исключая субъективность исследователя (его смысловую темпоральную определенность, выражающуюся в характере задаваемых вопросов). Здесь очень важное значение имеет интуиция, вникание исследователя в свой предмет, способность вжиться в него.

Одной из весьма распространенных методологий другого рода явился в социогуманитарном познании XX в. структурализм. Метод этот состоит в выявлении структуры как совокупности отношений между элементами целого, сохраняющей свою устойчивость при любых преобразованиях и изменениях. Структуры, алгоритмы и вообще любые заданности легко устанавливаются в языке и литературе, социальных институтах и истории идей, искусстве, явлениях массовой культуры. Метод структурного анализа продуктивен в тех случаях, когда требуется изучить внутренние существенные связи, отвлекаясь от среды, узкой фактологии, психологизма, а также от всех частных несистемообразующих свойств элементов [См.: 3].

Другой корпус методов базируется на теории понимания, развиваемой герменевтикой. Для понимания общества, культуры, любой цивилизации простое описание причин и следствий не говорит ни о чем. Необходимо узнать, для чего эти причинные связи были выделены. Чтобы ответить на вопрос, почему люди совершают те или иные действия, каковы их мотивы и намерения, необходимо, изучая их сообщество, уяснить его дух, структуры менталитета, стиль жизни. Это понимание достигается путем мысленного перенесения себя в прошедший период истории или изучаемую ситуацию. Понимание целей и ценностей других людей Дильтей развивал в качестве герменевтики как методологической основы всякого гуманитарного знания.

В русле герменевтики М. Хайдеггер поставил задачу исследовать не процесс смыслопорождения сознанием, а условия постановки вопроса о смысле бытия. Согласно М. Хайдеггеру, акту сознания, в котором субъект противопоставляет себя объекту, предшествует изначальная вовлеченность мыслящего в то, что им мыслится: он всегда «преднаходит» себя в определенном «месте» или «ситуации». Способ, каким осуществляется это нахождение, и есть понимание. Оно реализуется через истолкование, интерпретацию [См.: 6].

Одним из ведущих методов в науках о человеке, оказавшим огромное воздействие на духовный мир XX в., является психоанализ. Методы и понятия психоанализа и по сей день становятся достоянием многих исследовательских программ, потому что установка психоанализа на исследование бессознательных психических процессов и мотиваций оказалась весьма продуктивной в изучении различных феноменов человеческого существования. Объектом психоанализа могут стать конкретный человек, произведение искусства, социальная группа, культурное явление любого уровня сложности. Во всем этом психоанализ видит специфическое «зашифрованное» содержание и предлагает свой язык для его экспликации.

Таким образом, при изучении и объяснении определенных фактов учёные исходят из «внутренней» (интерналистской) теории рациональности, либо опираются на детерминированность внешними (социальными) обстоятельствами. В основе этого научного знания лежит мировоззрение, в соответствии с которым формируются теоретические постулаты, определяющие значимые темы исследования, гипотезы и подтверждающие примеры. Всё это охватывается понятием «исследовательская программа», предложенным И. Лакатосом.

Исследовательская программа, состоящая из «жесткого ядра» и «защитного пояса», обеспечивает относительную автономность научной теории, как от решающих экспериментов, так и от социальных обстоятельств воспроизводства знания. «Жёсткое ядро» - это совокупность утверждений (гипотез), которые составляют сущность научно-исследовательской программы и не могут быть изменены. «Защитный пояс» — набор вспомогательных гипотез, он должен выдержать главный

удар со стороны любых проверок, приспособляясь к новым контраргументам. В процессе он может переделываться или даже полностью заменяться, если это требуется для обеспечения защиты «жесткого ядра» [См.: 4].

Таким образом, согласно И. Лакатосу, научная программа — основная единица развития научного знания. Развитие науки заключается в смене совокупности и последовательности теорий, связанных общими основными принципами и идеями — в смене исследовательских программ. Исходная теория тянет за собой вереницу последующих. Каждая из последующих теорий развивается на основе добавления дополнительной гипотезы к предыдущей.

Таким образом, к настоящему времени в науке накоплен в достаточной мере культурный багаж методологии и методов организации научного исследования, дискурсивного обоснования вновь полученного знания и его верификации.

Основной проблемой методологии психосоциального исследования является многогранность, вариативность и динамичность объекта социальной работы, связанная с общественной ситуацией. Развитие общества отменило наследственные социальные координаты индивидов. Социальные группы – классы, слои, страты – по составу стали очень динамичными. Мозаичность социальной структуры привела к тому, что каждая группа заинтересованно скрывает свои истинные намерения, желания, цели. В общественной ситуации, когда активность других не оставляет времени для точной оценки происходящих событий, каждый заинтересован в том, чтобы конкуренты, оппоненты и просто другие не могли раньше времени «вычислить» твои цели, решения и действия. Такая позиция социальных групп и отдельных людей создаёт трудность для получения достоверной информации о состоянии общества и отдельных его индивидов, для успешного прогнозирования будущего.

Противоречивость общественных отношений проявляется в сфере общественных коммуникаций, что создаёт условия для роста недостоверной, неполноценной информации, применяемой учеными и профессиональными деятелями (в том числе и социальными работниками, которые в процессе исследования психосоциальных явлений не получают необходимой информации для принятия адекватного решения).

В логике психосоциального подхода механизм взаимосвязи онто- и социогенетических линий развития представляется в виде достаточно простой и понятной схемы. В более-менее продуктивно функционирующем обществе создаются условия, способствующие благоприятному в целом разрешению кризисных ситуаций в жизни индивида или группы. В результате такого разрешения развиваются и оформляются элементы идентичности, адекватные как генетически заданным потребностям развития конкретной личности, так и фундаментальным составляющим социальной структуры общества. Позитивное разрешение каждой трудной (кризисной) ситуации личности

или группы людей означает обретение индивидом (или группой) специфической внутренней силы («эго-силы»), энергию которой он, в свою очередь, в процессе социального функционирования вкладывает в соответствующие институты общества, поддерживая тем самым витальность последних.

Жизнеспособность каждого из базисных социальных институтов, а, в конечном счёте, и всей социальной структуры и общества в целом, проявляется и одновременно напрямую зависит, прежде всего, от способности к изменениям, происходящим в среде жизнедеятельности, от способности человека находить новое понимание мира и самого себя. Таким образом, внутри профессиональной деятельности социального работника скрыт сложный мир научной деятельности – анализ проблемы, выдвижение гипотез, построение концептуальной модели, сбор данных, разработка практических рекомендаций. Всё это должно базироваться на прочном фундаменте теоретических разработок многих научных направлений.

Библиографический список

1. Бородаева Г. Г. Методологические основы социальной работы. Сборник научных трудов / Под ред. проф. Н. К. Сергеева. Волгоград: Перемена, 1998. 238 с.
2. Валеев Г. Х. Методология научной деятельности в сфере социогуманитарного знания. М.: Наука, 2006. 233 с.
3. Кохановский В. П., Лишкевич Т. Г., Матяш Т. П., Фатхи Т. Б. Основы философии науки. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 608 с.
4. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический Проект, 2008. 475 с.
5. Микешина Л. А. Философия науки: уч. пос. М., 2006. 440 с.
6. Новолодская Т. А., Садовников В. Н. Философские проблемы социально-гуманитарного знания: уч. пос. СПб: И77ИО, 2008. 99 с.
7. Плешакова О. В. Методологические принципы психосоциальной работы // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009, № 3. С.26-31.

Д. Г. Мордашов

(Научный руководитель доцент А. В. Очкина)

ПГПУ им. В.Г. Белинского

ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Философия как особый тип духовной деятельности, направленной на выработку системы предельно общих взглядов на мир и место человека в нем, не просто выполняет социально-рефлексивную функцию, то есть отражает объективную реальность, но и имеет социально-реконструктивное значение, то есть способствует преобразованию отдельных фрагментов действительности. Это означает, что определенные

философские идеи, существующие изначально в философских работах и сочинениях, затем становятся основой отдельных видов социальной практики. Самым ярким примером данной закономерности является попытка воплощения марксистской социальной философии (пусть отнюдь не в первоизданном виде) в социальной жизни как русского общества, так и ряда других.

Многие социальные институты получили развитие благодаря их обоснованию в русле философии, а именно в русле такого ее раздела, как социальная философия.

Развитие социальной поддержки незащищенных общественных слоев не было бы возможно без соответствующего осмысления в рамках философского сознания. Мы считаем, что рассуждения философов о необходимости помощи данным слоям со стороны социума привели к развитию в обществе соответствующего социального института. Другими словами, институт социальной поддержки незащищенных социальных слоев изначально был спроектирован в философии отдельными ее представителями.

Отечественная философия стимулировала формирование и развитие института социальной поддержки, так как ее исконной особенностью является антропологичность, моральность и социальность. Вот как об этом пишет В.В.Зеньковский в своей «Истории русской философии». «Если уже нужно давать какие-либо общие характеристики русской философии, – что само по себе никогда не может претендовать на точность и полноту, – то я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий. ...Она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории» [2: 9].

Прежде всего, это сказывается в том, насколько всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) моральная установка: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования. Тот «панморализм», который в своих философских сочинениях выразил с исключительной силой Лев Толстой, – с известным правом, с известными ограничениями может быть найден почти у всех русских мыслителей, – даже у тех, у которых нет произведений, прямым образом посвященных вопросам морали (например, у Киреевского). С этим связано и напряженное внимание к социальной проблеме, но ярче всего это обнаруживается в чрезвычайном, решающем внимании к проблемам историософии.

Мы считаем, что весь комплекс данных идей, философских теорий и категорий, посвященных указанной проблематике, можно обозначить термином «философский проект социальной поддержки». Являясь частным случаем идеи социальной справедливости, данный проект как духовное явление стимулировал развитие института социальной поддержки незащищенных слоев нашего общества как феномена социальной практики, как специфического стандартизированного,

регулируемого и ценностно обусловленного типа общественных отношений.

Рассмотрим подробнее философский проект социальной поддержки. На наш взгляд, в нем можно выделить два основных компонента: материалистический и идеалистический. Основанием дифференциации в данном случае выступает не степень ценности одних или других идей, а различия в подходах к выделению основ и решению проблемы социальной поддержки незащищенных слоев общества.

В идеалистической традиции можно выделить два аспекта: религиозный и внетеистический.

Всех религиозно-идеалистических философов объединяет одна общая черта – рассмотрение всех форм добра и гуманизма, в том числе и социальной поддержки незащищенных общественных слоев, как проявления Божьего начала в человеке, реализации замысла Божественного абсолюта. Тем самым социальная поддержка представляется как реализация божественной воли.

Если рассмотреть социальную поддержку в контексте внетеистического идеализма, то ее можно представить как проявление мировой идеи (объективно-идеалистическое гегельянство), априорных начал нравственности, присущих каждому человеку от рождения (субъективно-идеалистическое кантианство).

Мы склонны считать, что социальная поддержка незащищенных общественных слоев не исходит от Бога или мирового разума. Это продукт людского разума и социальных сил. Нравственность не обязательно должна сопровождаться религиозной верой. Кроме того, сфера нравственности должна быть свободна от религии, для ее обоснования вовсе не нужно прибегать к религиозным догматам.

По мнению В. Ю. Перова, только потому, что нравственность есть результат человеческой деятельности, она и существует, благодаря своей человеческой «природе» вообще возможно выполнение существующих «моральных кодексов». Только в том случае, если нравственность есть порождение человека, люди могут: а) осуществлять сознательную и критическую оценку нравственных норм и ценностей; б) осуществлять по отношению к существующим «моральным кодексам» свободный выбор; быть ответственными за эти общественные и нравственные отношения, за свое место и поведение в них [См.: 3: 86].

В отличие от идеалистов, отечественные материалисты, вслед за западными, исходят из обусловленности помощи «слабым» социальным группам и индивидам материальными, экономическими причинами. Так, помощь безработному является нужной в той степени, в какой она позволит вернуть его к участию в системе общественного производства, помощь инвалиду имеет конечной целью его реабилитацию с целью хотя бы частичного участия в экономике с целью элемента производительных сил.

Из отечественных философов нам показались наиболее интересными взгляды Л. Н. Толстого. Центр его этики – идея непротивления злу насилием, ставшая центром целого общественного движения – «толстовства» и впоследствии положенная в идеологическую основу пацифизма.

Идеалом справедливого общественного устройства, по мнению отечественного писателя и мыслителя, являются свободные от государства и давления государственных институтов крестьянские общины, основанные на единой истинно христианской духовности и равенстве. Базис достижения такого общественного порядка Л. Н. Толстой видел в нравственном самосовершенствовании человека. Государство и принудительные, насильственные общественные институты, к которым он относил и церковь, не позволяют достичь справедливости в общественной жизни. Это роднит Толстого с другими отечественными мыслителями, например, со славянофилом А. С. Хомяковым, персоналистом Н. А. Бердяевым, поскольку они тоже рассуждали о нравственном, внутреннем самосовершенствовании русского народа и его духовном единстве на основе единой веры. Такое единство Хомяков называл соборностью.

Идеи Толстого об освобождении человека от принуждения со стороны общественных институтов, и прежде всего государства, сближают его с идеями известного французского философа и просветителя Ж.-Ж. Руссо, известного своим лозунгом «Назад к природе!» [4: 203].

При этом под возвращением к природе Руссо понимал не возврат к первобытному состоянию, состоянию дикости или варварства, природа для французского философа – это первоизданная добродетельная сущность человека, с которой он, рождаясь, приходит в этот мир. Но эта сущность портится под воздействием общества, его устоев и институтов. Руссо, также как и Толстой идеализировал крестьян их образ жизни, традиционный, спокойный, размеренный, не меняющийся испокон веков. Руссо воспеваает тот период в истории человечества, когда не было неравенства, и все были счастливы. Считая всех людей равными в правах от рождения, Руссо считал идеалом общественного устройства общественный порядок, основанный на социальном равенстве.

Таким образом, в истории философской мысли (как отечественной, так и западной), достаточно четко прослеживаются концепты социальной справедливости, которые могут служить методологическим базисом для проектирования и реализации социальной поддержки незащищенных общественных слоев. Хотя идеи Л. Н. Толстого, как и Ж.-Ж. Руссо во многом утопичны, а сами они не раз подвергались критике со стороны как власти, так и интеллигенции, они могут играть роль общественного идеала, ориентира, к которому необходимо стремиться членам общества, отвечающим за организацию социальной политики. Так, мы считаем актуальными идеи о необходимости поддержания реального равенства всех граждан перед законом, что на практике выражается в соблюдении прав различных категорий граждан и отсутствии дискриминации. Как

никогда, актуальна ныне мысль Толстого о важности для благополучия общества духовного развития личности. В нашем же социуме наблюдается резкое отставание духовно-нравственного развития от материального.

При сравнительном анализе философско-этических идей Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого мы обнаруживаем их сходство в одинаковой направленности на совершенствование человека посредством воспитания. Оба мыслителя выступали за развитие в человеке изначально заложенных природой качеств, то есть его естества. Именно через совершенствование самого человека, а не общественных институтов возможно повышение качества жизни людей. Социальные институты играют вспомогательную роль в данном процессе, способствуя упорядочиванию общественной жизни и поддержания системы общества в стабильном состоянии.

Идея о совершенствовании человека приводит нас к мысли о том, что реализация принципа социальной справедливости невозможна насильственными средствами, путем ее навязывания извне, институциональным путем. Данный принцип должен стать неотъемлемой основой повседневного мышления и одним из ключевых компонентов ценностных ориентаций индивидов, чего невозможно достичь без правильной организации воспитания.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997.
2. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 1 Ростов н/Д, – М., 1999.
3. Перов Ю. В. Этика без религии. СПб., 2002.
4. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права - Перевод с франц. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова. М., 1998 г.
5. Толстой Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? Л., 1990.

А. В. Шаровская
ПГПУ им. В.Г. Белинского

СОЦИАЛЬНОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Многие социальные проблемы современного общества имеют столь же давнюю историю, как и совместное проживание людей: В этом отношении иждивенчество имеет ещё более глубокие, биологические, истоки. И тем не менее, проблема социального иждивенчества в обществе потребления приобретает свой специфический смысл, который не ограничивается лишь исследованием его биологических механизмов и социальных последствий. Общество потребления сформировало целый ряд условий, которые делают феномен социального иждивенчества одним из неотъемлемых аспектов потребительского мировоззрения. Оставляя

исследование биологической и экономической природы феномена иждивенчества области специальных знаний, рассмотрим проявление социального иждивенчества в соотношении с особенностями самоактуализации личности в современном обществе.

Социальная среда консюмеризма сама по себе не является фактором безусловной стимуляции иждивенчества: эта связь не так очевидна, чтобы определить детерминацию потребительства потреблением. К тому же, и феномен социального иждивенчества не является однородным: он объединяет различно детерминированные ситуации как вынужденной, так и сознательной зависимости.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой проводит различие понятий, подчеркивающих объективный и субъективный характер этого явления. Так, из общего церковно-славянского глагола «иждивать» («иждивить») в значении «расходовать, проживать» образовано существительное «иждивение», которое подчеркивает объективный характер зависимости – это «обеспечение неработающего (как правило, неработоспособного: больного, престарелого, несовершеннолетнего) средствами, необходимыми для существования». Производным по смыслу является чаще официально употребляемое понятие «иждивенство» («состояние на чьем-нибудь иждивении»). А в определении «иждивенчества» указывается неодобренный оттенок и следующее значение: стремление во всем рассчитывать не на свои силы, а на помощь других, вообще жить за чужой счет [3: 232].

Именно иждивенчество представляет собой осознанное социальное поведение, основанное на эксплуатации и потребительском мировоззрении. Во многом ценности общества потребления сходны с мотивами иждивенчества, поскольку делают акцент на конечной цели - обладании, а не обуславливающей его деятельности. Кроме того, в обоих случаях велик компонент естественного начала (биологический паразитизм и удовлетворение потребности за счет среды), приобретающего качественную характеристику.

Таким образом, и потребление, и иждивенчество в определенный момент перестают быть объективно обусловленными явлениями, представляя собой закономерные этапы в становлении самосознания современного человека, но не являющиеся по определению его родовой сущностью. В то же время, превращение потребления в качественную характеристику формирует ограниченное самосознание, связывая единство бытия с обладанием.

Данная взаимосвязь подчеркивает, что социальное иждивенчество, приобретая качественную характеристику, отражает сущностные черты ложного самоосуществления (актуализации искаженной ограниченным самосознанием сущности). Когда возможность своего существования в обществе поддерживается за его счет и приобретает характер самоопределения, то в определенном смысле это начинает выражать

особый способ утверждения человеком своей сущности (самоактуализации).

Следует отметить, что на любом этапе развития общества проявлялось ценностно обусловленное иждивенчество и как сознательная социальная позиция, и как неявно выраженное социально-пассивное преобладание потребления над производством. При этом современное общество потребления создает особые условия для формирования социального иждивенчества как осознанной, целенаправленной социальной позиции: воссоздаваемая взаимосвязь концентрируется в нескольких аспектах, одним из которых выступают преобладающие ценностные ориентации.

Традиционно иждивенчество рассматривается в контексте проблем социального неравенства и пауперизации, при этом экзистенциальные аспекты и вопросы ценностных оснований иждивенческой установки отходят на второй план. Очевидная выгода сознательной иждивенческой позиции находит свое особое проявление в патерналистском обществе, в то время как в обществе потребления основную роль в её сохранении принадлежит потребительскому мировоззрению. Здесь оно проявляется не столько в абсолютизации роли государства, сколько в преувеличении значимости своей деятельности, сверхожиданиях потребителя.

Социальное иждивенчество непрерывно транслирует установку на то, что удовлетворение тех или иных потребностей – сущностная обязанность системы. В обществе потребления акцент этой установки смещается больше в несоразмерность вложений и ожиданий – утилитарная установка начинает проявляться на уровне самоутверждения и продлевается во всех сферах деятельности.

Общество потребления, основным критерием успешной деятельности устанавливая конкурентоспособность, постепенно переводит её из количественного в качественное превосходство, что отчасти должно способствовать преодолению иждивенчества. В этом отношении следует уточнить, что именно экзистенциальный аспект феномена социального иждивенчества сохраняет его актуальность в любых социальных условиях – сознательная зависимость от минимального уровня гарантированного социального обеспечения укладывается в структуру жизненных ценностей и не отрицает возможности искаженного самоосуществления. Иными словами, в этой пассивной включенности в социальную систему обнаруживается потенциал для формирования удовлетворительного уровня самосознания.

Также в обществе потребления сложилась особая тенденция к массовизации индивидуальной иждивенческой позиции – как сознательного экзистенциального выбора. В этом случае проблема социального иждивенчества также проявляется в контексте самоактуализации современного человека, реализации его смысловых устремлений. В формировании зависимости всей деятельности индивида от процесса потребления начинает четко

воспроизводится система ценностей «обладания», замещающая ориентир бытия.

Э. Фромм определял такую систему ценностей как смыслоориентирующую для современного человека [См.: 5: 31–50], т.е. определяющую стиль его жизни, деятельности, мышления, языка – в конечном счете, она реализуется во всех сферах и вызывает качественные изменения в самом человеке. Ограничивая жизненный мир модусом обладания, из системы жизненных ценностей исключается деятельность в её экзистенциальном аспекте – как самоценный способ бытия.

Происходит своеобразная механизация социальных отношений и производственной деятельности, ограниченная уже не идеалами, а социокультурно детерминированными целями. Общество потребления больше ориентирует на достижение конкретных целей, при этом прагматизм данной установки не регулирует деятельность, дезориентирует индивидуальное развитие.

Помимо того, что общество потребления стимулирует высокую потребительскую активность, оно создает предпосылки для того, чтобы актуализировать в индивидуальном сознании ценности обладания и символической самореализации. Мировоззрение общества потребления само по себе предполагает определенную степень ожиданий от среды, которая является источником удовлетворения разноуровневых потребностей – в этом отношении эти ожидания начинают ассоциироваться с потребительской позицией.

Тем не менее, не следует рассматривать эту тенденцию в отрыве от других актуальных ценностных ориентиров консюмеризма: идея индивидуального развития и самоутверждения, прагматичной вовлеченности в деятельность могут формировать противоречивые основания актуализации сущностного потенциала человека.

Социальное иждивенчество, не обращаясь к его вынужденным формам, в широком смысле представляет собой сформированный по различным причинам отказ от индивидуального развития и достижения социально значимых целей. Иждивенчество как осознанная социальная позиция представляет собой реализацию ценностей и смыслов общества потребления в их проблемном выражении: ограничение инструментальной функции потребления его самоценной значимостью, замыкание круга потребностей, прагматичная осмысленность деятельности, исключая экзистенциальную вовлеченность индивида.

Тесная взаимосвязь с утратой (или изначальным отсутствием) индивидуальных смыслов в деятельности проявляет пассивную позицию человека по отношению к социальной реальности. Очевидно, что доминанта потребительского мировоззрения снимает возможность подлинной самоактуализации, но поскольку сформированные индивидуальные смыслы подлежат масштабной реализации, индивидуальное сознание, не способное к трансцендированию, утверждает свою сопричастность миру посредством ложной самоактуализации.

Именно сознательное социальное иждивенчество искажает индивидуальные смыслы и сталкивает человека в сознании не с «идеальным Я», но с целями, которые выступают критерием индивидуальных достижений.

Социально значимые результаты, которые для самоактуализирующегося человека являются побочными, исключенными из мотивации, в искаженном способе самоосуществления оказываются доминирующими, представляющими компонент цели. Ценность такого рода деятельности оказывается минимально значимой в смыслоформирующем аспекте – в определенной мере её исключение стимулировало бы социальное развитие.

Таким образом, ложная самоактуализация как способ искаженного самоосуществления, ориентированного на конкретные цели, представляет собой одну из форм социального иждивенчества, поскольку затрагивает такой смыслоформирующий аспект личности, который приводит не к её самосовершенствованию и росту, но проблематизирует ценности консюмеризма. Такая актуализация искаженных ценностей раскрывает противоречивый характер самого общества потребления, трансформирует возможности индивидуального самоосуществления в перспективу потребительской ориентации сознания.

Ещё одним выражением проблемы самоактуализации в обществе потребления является ресентимент индивида к среде потребления. Отчаянное переживание своей подчиненности системе потребления встраивается в структуру личности, оседает в её моральных установках и может как способствовать принятию ценностей консюмеризма, так и отрицать их. Являя собой потенциальный контекст самореализации, общество потребления оказывается противопоставленным индивиду в том смысле, что оно не удовлетворяет его потребности по факту наличия в нем человека, но демонстрирует при этом его неограниченные возможности.

Подобное противоречие может разрешаться в том, что создается система ценностей, сознательно снижающая значимость и зависимость от объектов потребления – будучи тесно включенной в контекст потребительства, она бессильно отрицает его перспективы, но не утверждает деятельной альтернативы. Это переживание раздвоенности устремлений к возможностям и ценностным установкам на потребление создает предпосылки для того, чтобы вновь были поставлены вопросы о сущности человека.

По мнению М. Шелера, противоречие возникает не в самой системе моральных норм, а в системе их оценки, в «правилах предпочтения ценностей» [6: 91–92], т.е. обнаруживаемое противоречие оказывается результатом недостаточной осмысленности утвердившейся системы ценностей, которое, тем не менее, может создать серьезный нравственный диссонанс в самосознании. Тем не менее, подобный отказ от ценностей общества потребления не становится свободным, лишь утверждая его в символическом отрицании.

Другой возможностью «примирения» с обществом потребления является конформное включение в него, безусловное некритичное принятие ценностей, утверждающих индивидуалистические и утилитарные принципы. Подобная альтернатива нивелирует противоречия в индивидуальном сознании, но в аспекте сущностного самоутверждения они обостряются, становятся неразрешимыми. Подобный экзистенциальный компонент в структуре феномена социального иждивенчества может проявляться неявно, но он всегда присутствует, поскольку затрагивает смысло-жизненное поле индивидуального сознания, позволяя отграничить «чуждые» и утвердить «свои» ценности и смыслы.

Основная особенность утверждения ценностей потребления в том, что они не могут выступить целостной и непротиворечивой основой для самоосуществления и развития самосознания. Жизненная практика, конструируемая смыслами потребления, в моментах столкновения с непривычной действительностью, пограничными ситуациями произвольно актуализирует подлинные ценности, обостряет самопознание и выявляет внутренние противоречия мнимо реализованной сущности.

Если система ценностей не разрушается, позволяет вместить в себя новое, нестандартное и неожиданное для сознания, то она создает возможность утвердить выбранные критерии развития. В области экзистенциального выбора личности сохраняются бесчисленные возможности, которые так или иначе могут быть скрытыми, недоступными сознанию, но не переставшими быть актуальными.

Всегда оставаясь частью общества, только человек несет ответственность за конструирование своей сущности – вне зависимости от той доли влияния, которую он приобретает от усвоенных ценностей, «подобранных» в готовом виде смыслов. По словам Ж.-П. Сартра, именно такая степень ответственности за себя и за судьбу всего человечества оказывается подлинным гуманизмом [См.: 4: 324], позволяющим развиваться, находить смысловые скрепы индивидуального бытия, а значит, преодолевать удобные, но тесные рамки потребительских ценностей.

А. Камю писал: «Первое дело разума – отличать истинное от ложного. Однако стоит мышлению заняться рефлексией, как сразу же обнаруживается противоречие. Здесь не помогут никакие убеждения» [1: 232], но стоит добавить, что хотя любое решение и не выходит за границы индивидуального сознания, но именно «вторжение» реальности позволяет корректировать индивидуальные смыслы и их актуализацию. В этом отношении самоактуализация в любых её проявлениях остается процессом сотворчества личности и общественной системы, в которую она включена.

Актуализация ложной сущности тесно связана как с индивидуальными ценностями, так и объективными социальными условиями, но становится она выраженной в виде иждивенческой позиции тогда, когда социокультурный контекст не создает выраженного конфликта установок

общественного и индивидуального сознания. При этом ложная самоактуализация, представляя собой компромисс между сформированной обществом потребностью в развитии и требованием удовлетворения нефункционального спроса, в сущности, выражает противоречие данных установок.

Так, социальное иждивенчество является индикатором, отражающим этическую неопределенность, рассогласование декларируемых и ориентирующих представлений о ценностях и благе. А в частности, феномен социального иждивенчества ещё более четко проявляет проблему ограниченного самосознания, демонстрирует несопоставимость идей самоосуществления и реализации ценностей консьюмеризма. Основным механизмом снятия подобного противоречия является поиск адекватного критерия, смысловых узлов, которые могли бы создать преемственность и цельность в развитии от критического усвоения ценностей консьюмеризма к подлинному самоосуществлению.

Ещё одним аспектом взаимосвязи проблемы самоактуализации и социального иждивенчества является идея «конкурентных взаимоотношений» в обществе. Представая во внешнем своем проявлении как общество изобилия, современный социум, по сути, представляет собой арену конкурентной борьбы – этот момент социальных отношений наиболее ярко отражен в работах К. Лоренца.

По его словам, «под давлением соревнования между людьми уже почти забыто все, что хорошо и полезно для человечества в целом и даже для отдельного человека. Подавляющее большинство ныне живущих людей воспринимает как ценность лишь то, что лучше помогает им перегнать своих собратьев в безжалостной конкурентной борьбе» [2: 294]. При этом социальное иждивенчество является механизмом, утверждающим определенное превосходство, способом подтверждения своего социального статуса, значимости в иерархической системе по аналогии с тем, как эта позиция формируется в животном мире.

Человек, безусловно, не лишаясь биологических механизмов регуляции поведения, проявляет их в сложном слиянии с культурой. К животному началу в человеке добавляется проявление его духовной и социальной сущности, формируя истинно человеческий способ организации жизнедеятельности. Ориентируясь на внешние критерии развития, осмысливая его с позиции обладания, современный человек в своих сущностных основаниях не совершенствуется, а претерпевает вынужденные культуросообразные изменения, глубоко усваивая ценности общества потребления.

В иждивенческой позиции личности выражается девальвация ценности роста и развития, которая сама по себе является признаком овнешненного проявления сущности, качественно ориентированной на потребление. Таким образом, проявление социального иждивенчества в условиях современного общества становится демонстрацией наиболее ярких черт консьюмеризма, выражает тенденции и сущность идеальных

установок современной личности, свидетельствует о глубоком ценностном рассогласовании в современном обществе.

Библиографический список

1. Камю А. Миф о Сизифе (Эссе об абсурде) // Сумерки богов. Под. ред. А. А. Яковлева. М., 1989.
2. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. / Перевод с немецкого А. И. Федорова, Г. Ф. Швейника. М., 1998.
3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Хрестоматия. Под. ред. А. А. Яковлева. М., 1989э
5. Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Пер. с нем. Э. Телятниковой. М., 2010.
6. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей // Социологический журнал. 1997. № 4.

ПЕТР ШТОМПКА О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ВООБРАЖЕНИИ

Сегодня вряд ли найдется социолог не знакомый с социологическим воображением Чарльза Райта Миллса, суть которого американский ученый усматривал в неординарном подходе социолога к исследованию рутинной практики повседневной жизни. В основе такого подхода лежала идея о том, что индивид может осмыслить свой жизненный опыт только в контексте своего времени и своего общества. Миллс утверждал, что индивидуальную судьбу творит история, но сама она складывается из миллионов личных биографий, подчеркивая: «Общественная наука имеет дело с биографиями, историей и их пересечениями в социальных структурах. Эти три измерения - биография, история и общество – составляют систему координат для объективного изучения человека». [1: 165]

Размышляя о профессиональном мастерстве социолога, Миллс приходит к выводу, что его должно, прежде всего, интересовать, как «общественные проблемы», обусловленные социальной структурой и не поддающиеся индивидуальному контролю индивида, преломляются в «личных трудностях», которые определяются характером индивида, находятся в его компетенции и поддаются его личному контролю. Именно в понимании того, что личные трудности должны восприниматься индивидом в контексте общественных проблем и состоит главный смысл социологического воображения Миллса.

По его мнению, социологическое воображение присуще не только социологам, но вообще всем, кто воспринимает факты личной биографии через призму развития общества. Подчеркивая его практическую значимость социологического воображения, он утверждал, что только тот, кто им обладает, «способен понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей». [1: 13] Согласно Миллсу посредством социологического воображения не только социолог, но вообще любой человек может понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим в точке пересечения биографии и истории общества.

Сегодня солидарность с концепцией социологического воображения Миллса демонстрируют многие известные и влиятельные социологи, среди которых одно из первых мест принадлежит польскому социологу Петру Штомпке. Можно с уверенностью утверждать, что он существенно развил концепцию социологического воображения, дополнив её новым оригинальным положением о визуальном воображении.

Прежде всего, размышляя над тем, что может добавить социологическое воображение к столь необходимой в жизни социологической компетенции, чем обогатить её, Штомпка, следуя за Миллсом, расширяет само определение социологического воображения, утверждая, что «это очень сложная способность и непростое умение». [4: 35]

Ученый приходит к выводу, что социологическое воображение противостоит различным мнимым, искаженным представлениям о социальной жизни, разрушает сложившиеся мифы и стереотипы.

Во-первых, социологическое воображение противостоит фатализму, детерминизму и представлениям о роли провидения, потому что, по утверждению ученого, «оно определяется представлением о том, что все социальные феномены являются результатом и последствием каких-либо действий, преднамеренных или непреднамеренных, результатом мгновенным или постепенным, «отложенным во времени», непосредственным или опосредствованным».[4: 35] Во всех случаях, по замечанию Штомпки, речь идет об определенных предварительных действиях, о выборе и решениях, принимаемых действующими социальными субъектами, будь то отдельные личности или группы.

Во-вторых, социологическое воображение разрушает миф об абсолютной свободе человека и противостоит волюнтаризму, поскольку основано на осознании глубоких, скрытых структурных и культурных границ, которые определяют шансы и перспективы субъективных действий людей.

В-третьих, социологическое воображение противостоит презентизму, так как, включает в себя историзм, предполагающий понимание различных социальных феноменов, являющихся запоздалым, «отложенным во времени» наследством прошлого, или той социальной и культурной традиции, которая различными способами оказывает своё влияние на современные действия людей.

В-четвертых, социологическое воображение отказывается от статичных подходов, делая акцент на динамике, поскольку формирует представление о социальной жизни, включающей разного рода внешне представительные и как будто бы прочные, постоянные институты, организации, политические режимы и экономические системы, как о постоянно меняющемся, непрерывно развивающемся процессе становления.

В-пятых, социологическое воображение учит толерантности и направлено против догматизма и этноцентризма, так как означает понимание, способность принять и понять огромное разнообразие форм, в которых находит своё проявление социальная жизнь.

Соединяя все эти положения, Штомпка формулирует определение: «социологическое воображение – это способность распознавать и чувствовать взаимосвязь всего, что происходит в социальной жизни, со всеми структурными, культурными и историческими условиями и

предпосылками, а также с действиями, предпринимаемыми в этих условиях отдельными или коллективными социальными субъектами, образующими в конечном итоге социум (общество) во всей его сложности и разнородности». [4: 35-36]

Подчеркивая практическое значение социологического воображения для ориентации людей в повседневной жизни, Штомпка ссылается на Миллса, который считал, что оно необходимо, например, для довольно банальной процедуры - умения читать газеты. Миллс полагал, что это совсем непросто, поскольку для понимания того, о чем идет речь в газете, нужно уметь связывать друг с другом факты, имеющие относительное значение, уяснять их в сопоставлении с более широкими социальными концепциями, теориями общества, в котором эти факты существуют, с историческими тенденциями, в формировании которых они участвуют.

Штомпка разделяет мнение Миллса о том, что, социологическое воображение необходимо не только социологам, но и всем просвещенным гражданам. Он убежден в том, что оно помогает и позволяет им рациональным способом найти смысл жизни, определить собственную идентичность, занять своё место в обществе, выявить возможные шансы и последствия своих действий. Оно вооружает их картой мира, в котором они живут, помогает лучше ориентироваться в хаосе происходящих событий, способствует более рациональной интерпретации всего, что происходит вокруг.

Ученый считает потребность в социологическом воображении своего рода императивом, принятом в каждом обществе, при любом строе и укладе. Однако, на его взгляд, эта потребность неизмеримо возрастает в демократическом обществе, в котором гражданские действия гораздо сильнее сказываются на судьбах людей. Это обусловлено, по его мнению, тем, что «демократия требует знаний, нуждается в просвещенных гражданах, не только привыкших мыслить в узко эгоистических категориях, в рамках так называемого горизонта, ограниченного «собственными шорами», но и способных к охвату широких общесоциальных проблем и вызовов, готовых к использованию открывающихся перед ними шансов, к преодолению противоречий, а также к тому, чтобы вписать свою собственную судьбу в течение времени, согласовать её с историческим развитием своего общества и представить её в сравнительном контексте с иными современными социальными системами» [4: 36].

Более того, по прогнозу Штомпки, потребность в социологическом воображении будет возрастать по мере того, как сама демократия будет развиваться и эволюционировать от доминирующих пока ещё представительских форм в сторону демократии «участия», «дискурса», «диалога», при которой социальные проблемы будут последовательно и непосредственно решаться голосом и участием самих граждан.

Особое внимание Штомпка уделяет роли социологического языка как основного инструмента социологического мышления. Ученый замечает,

что именно язык включает запас наиболее точных, однозначных понятий, поэтому, чем он богаче, тем шире возможности познания. При этом он подчеркивает, что практические потребности существенно способствуют обогащению языка, подтверждая это известными фактами, в частности, тем, что эскимосы различают и выражают на своем языке соответствующими словами более десятка разновидностей снега, бедуины – столько же разновидностей и видов ветра, пилоты – разнообразные типы облаков и туч.

Это, по мнению Штомпки, присуще и социологии. Он убежден, что для того чтобы охватить и постичь всю сложность и тончайшие нюансы социальной жизни, социолог тоже нуждается в терминах, более многочисленных и более богатых, чем те, которыми располагает обычный, обыденный язык. Ученый констатирует, что за время своего существования социология выработала своеобразный язык, приходя к выводу: «Исходной точкой формирования социологического воображения является овладение этим языком, каноническими понятиями, получившими сегодня широкое признание и уже независимыми от их прежнего, забытого происхождения. Чтобы дать простор социологическому воображению, надо, прежде всего, научиться мыслить и говорить социологическим языком» [4: 37].

Согласно взглядам Штомпки, именно в усвоении, систематизации и анализе языка современной социологии и заключается главная задача социологического образования, цель которого во многом состоит в формировании социологического воображения.

Концепцию социологического воображения Миллса Штомпка дополняет концепцией визуального воображения. Он замечает, что «в мире, сильно пропитанном различными образами, необходимой составляющей компетенции современного социолога должно быть визуальное воображение – существенный элемент социологического воображения» [2: 16–17].

Ученый дает определение визуального воображения через понятие социологического воображения. Интерпретируя последнее как «восприятие общественных явлений и событий как результатов человеческой деятельности, предпринимаемой в существующих условиях, оставляющих структурные эффекты (институциональные, организационные, нормативные, культурные), которые сами подвергаются постоянному изменению вследствие предпринятому в их границах очередных действий», он определяет визуальное воображение «как восприятие тех аспектов общественной жизни, которые являются внешними, наблюдаемыми показателями субъективной активности, общественной структуры, культурной регуляции и изменчивости общества» [2: 17]. К этим аспектам, по его мнению, принадлежат, с одной стороны, визуальные представления, а с другой стороны, визуальные проявления.

Штомпка убежден в том, что визуальное воображение, визуальная компетенция, острый взгляд, повышенная зрительная восприимчивость – представляют императивы проблемной ситуации, в которой находится социолог в современном мире. Поэтому «понимание и использование визуальных данных становится необходимым умением каждого, кто интересуется общественными и общекультурными процессами» [2: 17].

Между тем ученый признает, что в современной социологии доминируют вербальное воображение, опирающееся на вербальные методы: анкеты, вопросники, интервью, зондаж. Поэтому для обоснования обязательности визуального воображения для социолога он обращается к традиции родственных дисциплин: культурной антропологии и/или этнографии и характерных для них методов исследования, в которых наблюдение играет главную роль. Он предлагает использовать разработанные ими и соответствующим образом модифицированные правила наблюдательного подхода к новой реальности, в которой мы живем, и в которой образность имеет большое значение.

Для обоснования важности формирования визуального воображения у социологов Штомпка также прибегает к выдающимся авторитетам в социологии. В качестве вдохновляющего примера он ссылается на одного из классиков социологии Георга Зиммеля, выдвинувшего тезис о главной роли зрения среди других чувств, которыми пользуется исследователь общества. Комментируя его высказывание: «Человеческий глаз выполняет уникальную социологическую функцию», Штомпка замечает, что Зиммель описывает, как взаимный зрительный контакт служит сигналом распознавания партнера или исходным пунктом для установления взаимодействия, как наблюдение мимики, жеста, позы позволяет узнать намерения других [2: 18]. Ученый обращает внимание также на то, что, по мнению Зиммеля, общественная жизнь в большом городе повышает значение зрительных впечатлений, что является следствием модернизации.

Другим авторитетом, на мнение которого опирается Штомпка, является современный немецкий социолог Эрвин Шойх, который, выйдя на пенсию после работы, наполненной применением метода зондажа и рафинированных статистических техник, поделился с аудиторией одной из социологических конференций парадоксальной мыслью: «Всю жизнь я писал анкеты и проводил опросы. Но когда хочу понять характер общества, то иду в итальянскую кофейню, немецкую пивную или английский паб и попросту смотрю вокруг» [2: 18]. Как считает Штомпка, это лучший совет для культивации визуального воображения как составной части социологического воображения.

В качестве основного средства или технического инструмента визуального воображения, Штомпка выбирает фотографию, полагая, что она уже несколько десятков лет помогает регистрировать, представлять и увековечивать образы людей и их социальный мир. Заметим, что будущее визуальной социологии он связывает также с другими средствами создания

изображений, такими как кинематограф, видео, сотовая телефония с передачей изображений, интернет.

Штомпка подчеркивает необходимую связь визуального воображения с определенными социологическими теоретическими направлениями, которые, во-первых, признают, что фотография является полезным инструментом познания, а во-вторых, указывают, что и как именно нужно фотографировать или как следует интерпретировать фотографии. К таким теориям он относит феноменологическую социологию Альфреда Шютца, этнометодологию Гарольда Гарфинкеля и драматургическую социологию Ирвинга Гофмана. Только в свете этих теорий, по его мнению, фотографический метод обретает смысл и применение, поскольку они могут преобразовать хаос зрительных впечатлений в социологические визуальные данные.

Вместе с тем Штомпка указывает на то, что фотография не только инспирируется теорией, но и сама может влиять на неё. Он пишет: «В отношении социологических теорий фотография, существующая или сделанная социологом, может, вообще говоря, выполнять двоякую роль. Во-первых, эвристическую, предлагая новые гипотезы, новые понятийные категории, более выразительно иллюстрируя вербальные формулировки. Таким образом, она может способствовать обогащению и развитию теорий. Во-вторых, она может выполнять проверочную, доказательную роль, предоставляя эмпирические свидетельства, подтверждающие гипотезы или утверждения, сформулированные в рамках теории» [2: 102].

С присущей ему научной интуицией Штомпка высоко оценивает потенциал и перспективы визуального воображения. Он находит этому подтверждение во всё большем насыщении общественной жизни визуальным содержанием, визуальными представлениями и визуальными проявлениями. «Глобализирующийся общественный мир, – заявляет ученый, – становится все более зрелищным и разноцветным, а экспансия новых средств массовой информации необыкновенно обогащает образы повседневной жизни. Фундаментальные, глубокие и скрытые свойства общественной структуры или закономерности функционирования общества будут все отчетливее проявляться в социальных явлениях. Поэтому все большее значение для социологического познания будет иметь наблюдение, и многие тайны общества можно будет открыть, просто внимательно глядя вокруг. Общедоступная визуальная компетенция будет все более важной для участников общественной жизни, как и визуальное воображение для исследующих общество социологов» [2: 129].

В возрастании внимания социологов к визуальной социологии, в связи с повышенным интересом к повседневной жизни, к иконографическим методам и источникам, Штомпка усматривает знак теоретического и методологического поворота к настоящему парадигмальному сдвигу в социологической науке. Ученый связывает это с рождением «третьей социологии», социологии социальной экзистенции (социального существования), которая следует за «первой социологией» социальных

целостностей – организмов, систем, практиковавшейся классиками социологии Огюстом Контом, Гербертом Спенсером, Карлом Марксом, а позднее Толкотом Парсонсом, и «второй социологией» социальных «атомов» – поведений, действий, начало которой положил Макс Вебер, а продолжили Джордж Герберт Мид, Клод Леви-Стросс и другие.

Описывая теоретическое содержание «третьей социологии», Штомпка утверждает, что она «в качестве главного объекта исследования берет социальные события: человеческое действие в коллективных контекстах, ограниченное, с одной стороны, агентным (активным) потенциалом участников, с другой стороны, структурной и культурной окружающей средой действия... Идея социальной экзистенции сфокусирована на реально происходящем в обществе людей, на уровне между структурами и действиями, где ограничения структур и динамика действий производят реальные, проживаемые и наблюдаемые социальные события, социально-индивидуальные практики, составляющие повседневную жизнь, фактически – единственную жизнь, которая есть у людей, и которая ни полностью детерминирована, ни полностью свободна. В понятии социального события агентные (личные) влияния действующих индивидов и структурный (ситуационный) контекст, в котором они действуют, сводятся в один неделимый феномен»[3: 4–5]. В становлении «третьей социологии» Пётр Штомпка видит перспективы развития, как социологического воображения, так и социологической науки в целом.

Библиографический список

1. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 1998
2. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. М., 2007.
3. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии. // Социологические исследования, 2009. № 8.
4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М, 2005.

А. В. Очкина

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ЖЕНЩИНА КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Последнее время для серьезных политиков и у нас в стране стало обязательным для поддержания имиджа проявлять озабоченность вопросами гендерного равенства. Инициировать принятие соответствующего закона, в котором еще раз (в дополнении к Конституции) будет записано, что мужчины и женщины равны. Назначить на высокую должность женщину разрекламировать это во всех СМИ. Проявлять в публичных выступлениях озабоченность проблемами материнства и детства и т. п.

При этом это пресловутое «материнство и детство» как-то ненавязчиво объявляется «женской проблемой», которая и решается в рамках женского вопроса. Кстати, в случаях обсуждения этих специфически «женских проблем» проблема гендерного равенства уже не поднимается, вроде не к месту. Но зато нередко поднимается вопрос о привлечении женщин к государственным делам именно для решения, в первую очередь, проблем «материнства и детства». И на практике реализуются такие идеи: например, Татьяна Голикова четыре с лишним годом была министром здравоохранения и социального развития РФ, ведала «женским вопросом» по должности.

Действительно, особые интересы женщин в сфере социальной политики вроде бы не бином Ньютона, вполне очевидно, что они связаны с репродуктивной функцией женщин. Рожая и воспитывая детей, женщина не может полноценно, по крайней мере, какое-то время, работать в общественном производстве, заниматься профессиональной и служебной карьерой, получать трудовой доход. Следовательно, она нуждается в особой сфере социальной защиты — защите материнства и детства — в этом и состоит её особый интерес в сфере социальной политики. Но прежде чем окончательно укрепиться в мысли о необходимости повышения её действенности социальной политики, неплохо бы подумать, что именно мы собираемся совершенствовать? Каковы рамочные принципы социальной политики российского государства относительно женщин, и каковы степени свободы внутри них, могущие обеспечить успех самым что ни на есть женственным или женолюбивым министрам?

Государство, как правило, своей социальной политикой в отношении женщин стремится снизить риски, связанные с выполнением ими репродуктивной функции. А риски вполне серьёзные: потеря трудового дохода и карьерных перспектив, во всяком случае, ближайших, возможные проблемы со здоровьем, снижением социального статуса и прочие. Если государство заинтересовано в оптимизации параметров воспроизводства населения, то снижение рисков будет дополнено поощрением определённого типа репродуктивного поведения, что выражается в своеобразных премиях за «нужное» число детей, определённое поведение во время беременности (например, раннюю постановку на учёт) и т.п. Подобные меры тех или иных масштабов и эффективности могут быть включены в социальную политику почти независимо от содержания концепции социального развития, которая явно или неявно в ней заложена.

Проводя социальную политику, связанную с поддержкой репродуктивной функции женщин, государство вынуждено учитывать факт внутрисемейного планирования семьи, которое даёт людям возможность просчитывать судьбу будущего ребёнка. Поэтому, формируя социальную и демографическую политику, государство вынуждено предоставлять поддержку на более или менее длительный срок и в более или менее разных сферах: патронаж во время беременности, организация тех или иных видов поддержки для рожениц, единовременные пособия при

рождении ребёнка, пособия по уходу за ребёнком, дошкольные учреждения, организация присмотра за младшими школьниками после окончания школьного дня и т. п.

Таким образом, в социальной политике относительно женщин действует принцип компенсационного подхода и определённой комплексности. Конечно, это идеальная схема. Реальная социальная политика реализует оба эти принципа частично. С компенсацией периодически возникают проблемы: детские пособия низкие, здравоохранение не на уровне, дошкольные учреждения и питание в школе не лучшего качества. То же самое происходит с пресловутой комплексностью, то и дело «провисает» одно или другое направление. Неизбежно встаёт вопрос о совершенствовании этой социальной политики.

Конечно, сам собой он не встаёт. Социальная политика в отношении женщин всегда рассматривается в контексте политики демографической. Действительно, есть поддержка и поощрение, ведь реализация репродуктивной функции государству выгодна. Если с точки зрения государства стимулирование необходимых моделей репродуктивного поведения недостаточное, то компенсация становится больше и разнообразнее. Однако рыночный характер экономики и соответствующая ориентация государства приводят к тому, что или компенсация всё равно оказывается недостаточной и не препятствует относительно большей социальной уязвимости семей с детьми, или появляются варианты альтернативной занятости для женщин. Альтернативная занятость означает, что перед женщиной ставится выбор: строит она свою профессиональную карьеру или занимается детьми и домом, получая то или иное вознаграждение. Одно время в Думе всерьёз рассматривался вопрос о «заработной плате» женщинам, имеющим троих или более детей.

Казалось бы, что в этом плохого? Репродуктивный труд получает статус общественно значимого, поддерживается социальный статус материнства, решается вопрос о финансовой независимости женщин и материальной обеспеченности семей с детьми. Всё так, да не так. И дело не только в том, что пособий или предполагаемой заработной платы всё равно не будет хватать на обеспечение среднего уровня социальных потребностей. Даже не в том, что подобная альтернативная занятость невозможна как массовое явление — без женщин наша экономика просто остановится, среди занятых в ней около 50% женщин. И не в том, что репродуктивный период и срок, необходимый для достижения детьми совершеннолетия, всё же короче средней продолжительности жизни женщин. Или потом она будет заниматься внуками — тоже за заработную плату или уже за пенсию?

Сам альтернативный подход как продолжение и доведение до логического завершения принципа компенсации в социальной и демографической политике предполагает противопоставление, более или менее жёсткое, репродуктивной функции женщины и её собственной личности. Это противоречие снимается в идеологическом сопровождении

демографической политики разговорами о «вечном предназначении» женщины, святости материнской любви и материнского долга. Знаменательной в свете этого становится трансформация праздника 8 марта — международного женского дня. День, предназначенный для декларации солидарности женщин-тружениц, для подведения итогов борьбы женщин за свои права, постепенно стал у нас альтернативой западным Дню святого Валентина и Дню матери. О чём поют дети на утренниках 8 марта? О маме, о маминой заботе, о маминой любви и т.п. Мужчины дарят женщинам цветы и освобождают их (часто только на этот день) от домашней работы. Вот такая метаморфоза революционного праздника.

Разумеется, нельзя забывать, что, несмотря на разговоры о постиндустриальном и информационном обществе, в российской экономике ещё значительна доля рабочих мест, связанных с тяжёлым или просто рутинным, нетворческим трудом, уход от которого в домашнее хозяйство покажется благом многим женщинам. Но реально существующие формы поддержки семей с детьми, повторяю, не являются достаточными, и семьям, как правило, нужно две заработные платы для более или менее нормального существования. Часто именно для выживания, а не для процветания. Я проводила опрос среди сотрудниц высших учебных заведений с невысокими зарплатами, имеющих детей. Из 69 опрошенных мною женщин только две сказали, что работают для удовольствия и с перспективой построить карьеру в вузе. Остальные утверждали, что их заработная плата (от 3 500 до 6 000 рублей) — серьёзное подспорье для семейного бюджета. По крайней мере, необходимое дополнение.

Если женщина вынуждена работать ради заработка, на неё сваливается груз двойной занятости, как ни распределяй обязанности. Чем беднее семья, тем сложнее быт, а многие обязанности, связанные с домом и детьми, объективно или в силу традиций ложатся на женщину. Если муж человек совестливый, то в условиях дешёвого труда, типичных для большинства регионов России, он должен вкалывать с утра до вечера. Если же муж с ленцой и безответственный, то тем более женщине суждено метаться по маршруту «дом – работа – дом». Казалось бы, здесь может помочь компенсация, тем более — альтернативная занятость. Но, повторю, компенсация не может быть сколько-нибудь большой, а альтернативная занятость — сколько-нибудь массовой по объективным причинам (например, размеры государственного бюджета, высокая доля занятости (и нужности) женщин в общественном производстве).

Кроме того, мы не можем забывать, что семья — среда первичной социализации детей. И, предлагая альтернативную занятость, мы должны хорошо понимать, что такое решение будет приниматься преимущественно в небогатых семьях и женщинами со скромными профессиональными перспективами. Усаживая маму дома, мы, так или иначе, снижаем шансы этой семьи на накопление и развитие культурного

капитала, хотя бы тем, что сильно ограничиваем социальный опыт мамы. Можно возразить, что есть такие сферы деятельности, приобретённый на которых опыт пойдёт только во вред и маме, и детям. Но гуманизация труда — это отдельная задача, органичная часть социальной политики, связанная уже с развитием общества, а не с эксплуатацией различных сторон личности и сглаживанием наиболее острых углов в социальных отношениях.

Казалось бы, здесь может помочь система образования. Но, во-первых, первичная мотивация, в том числе относительно образования и культуры, формируется всё-таки в семье, становясь базовым элементом культурного капитала индивида. А, во-вторых, конечно, необходимо целенаправленно развивать воспитательную и социализирующую функции системы образования. Но сейчас система образования развивается в абсолютном отрыве от демографической политики, независимо от политики в отношении женщин. И сегодня реформа формирует систему образования таким образом, что элементы, которые должны развивать эмоционально-волевую сферу индивида, его мотивацию к получению знаний и развитию своих способностей, вовлекать его в общественно-полезный труд и творчество просто не могут получить в ней массового развития.

Информационно-культурная среда, в которой находятся молодые люди, скорее препятствует нормальному развитию, чем помогает ему. Логично было бы утверждать, что в таких условиях детям необходимо больше внимания уделять именно в семье, для этого и нужна свободная от профессиональной нагрузки мама. Но что сегодня значит «уделять внимание»? Современные дети не включаются более или менее органично во взрослую жизнь с раннего возраста, помогая родителям во всё более и более сложных делах, как это было в традиционном обществе. Они довольно долго развиваются вне процесса общественного производства, готовясь к нему. И основная их, взрослая, жизнь будет происходить вне родительской семьи. А ситуация складывается так, что именно на семью сегодня возлагается наибольшая ответственность за подготовку детей к этой взрослой жизни и их социализацию. И в этих условиях особенно важно, каким социальным опытом и социальным авторитетом обладает мать.

Одна моя студентка, изучая социальное самочувствие детей в ситуации развода, обнаружила, что девочки, живущие с одной мамой, больше ориентированы на социальные и профессиональные достижения; независимость и самореализация для них большие ценности, чем для тех, кто живёт с обоими родителями. Мальчики же, живущие с одним родителем (как правило, это мама), имеют значительно более эгалитарные представления о распределении домашних обязанностей, о роли женщины в семье и обществе. Другая моя студентка, анализируя положение монородительских (у нас не церемонятся и говорят «неполных») семей выяснила, что наиболее доверительные и гармоничные отношения с

детьми складываются как раз у интенсивно и успешно с профессиональной точки зрения работающих матерей, которые увлечены своей работой и дорожат ею. Время, проводимое женщиной дома, не является определяющим фактором формирования взаимоотношений родителей и детей. То же самое я обнаружила в качестве побочного результата, когда исследовала осенью–зимой 2008–2009 года механизмы формирования и трансляции культурного капитала городской семьи. Таким образом, мы можем сказать, что в современных условиях организация материнской деятельности как альтернативной занятости может привести к ослаблению социализирующей функции семьи, а не к её укреплению.

Но чаще всего компенсационные средства, выделяемые в рамках демографической политики, настолько невелики, что реального выбора — семья или работа — перед женщиной не встаёт. Точнее, не возникает выбора между этими видами деятельности как видами занятости, а вот вопрос распределения времени между работой и семьёй вынуждена решать почти каждая женщина. И решение это отягощается не только скудостью большинства семейных бюджетов россиян, не только стереотипами и идеологией «женского предназначения», которые неизбежно следуют рука об руку с компенсационным принципом демографической политики. Этот выбор осложняется и существенной слабостью тех социальных институтов и элементов социальной инфраструктуры, которые должны обеспечивать помощь женщинам в домашней работе и воспитании детей: системы бытового обслуживания (которая почти умерла в постсоветское время, да так и не возродилась, по крайней мере, на качественном и доступном уровне), системы образования, особенно дошкольного, системы здравоохранения.

Различные компенсационные выплаты распыляют средства, предназначенные для поддержки семей с детьми, и не попадают в те сферы, развитие которых является необходимым условием такой поддержки. И дело здесь не только в расширении сети детских садов, детских поликлиник или женских консультаций, не в покупке дорогостоящего оборудования и реализации очередных программ и национальных проектов. Дело в таком подходе к социальной политике, при котором обеспечивались бы условия для органического сочетания родительских и профессиональных обязанностей.

И вот тут пора вспомнить о следующем принципе социальной политики в отношении женщин, объективно вынужденном для государства в условиях регулируемой рождаемости, его особенно стремятся развивать при совершенствовании социальной и демографической политики. Мы говорим о принципе комплексности. Сколько бы ни говорили о комплексном или даже о системном подходе, в условиях рыночной экономики ни разговоры, ни старательные потуги чиновников не приводят к тому, чтобы в радиус действия демографической политики попадало бы всё больше сфер, связанных с осуществлением репродуктивной функции женщин. Более того, в сочетании с излюбленным либеральным принципом

социальной политики — адресностью — пресловутый комплексный подход порождает семейную политику, смысл которой в том, что семьи получают средства, которые используют по своему усмотрению или, как в случае с материнским капиталом, по определённой схеме. При этом объекты социальной сферы, на которые могла бы ориентироваться семья, должным образом не финансируются, не развиваются так, чтобы вызывать доверие и быть доступными. Средства, полученные семьями, в большинстве своём идут потом на латание дыр в социальной сфере. Приходится оплачивать ремонты в школах и детских садах, обращаться в платные поликлиники, потому что в бесплатных не хватает специалистов, многие семьи вынуждены тратить немалое время на обслуживание семьи, компенсируя труднодоступность сферы бытового обслуживания, дороговизну продуктов, стремясь выкроить часть бюджетов на всё дорожающие образование и здравоохранение для тех же детей.

Кроме того, никоим образом не развивается направление социальной политики, напрямую связанное с обеспечением условий для сочетания родительских и профессиональных обязанностей. В частности, не развиваются система бесплатной переподготовки и переквалификации женщин, которые не работали в профессии в период ухода за детьми, а также службы, подыскивающие работу для женщин с маленькими, больными или ослабленными детьми. Не создаются условия для нормального функционирования групп продлённого дня, кружки и секции в школах держаться, в основном, на энтузиазме педагогов и родителей. Вместо части детских пособий, которые даже небогатым семьям погоды не сделают, неплохо было бы обеспечивать участковых педиатров транспортом для регулярных посещений детей на дому — прекрасная экономия времени и сил вышла бы для мам. Да и детям это было бы на пользу.

Действующие сейчас в социальной политике подходы к поддержке репродуктивной функции женщин ни компенсации реальной не обеспечивают, ни комплексности. Они приводят к тому, что часто семьи остаются один на один со своими проблемами, а женщина — один на один с выбором: работа или семья. Кроме того, стремление к пресловутой адресности способствует увеличению бюрократического аппарата, занимающегося перераспределением средств и определением кому, что и сколько причитается. В качестве дополнительного эффекта такой подход узаконивает идею абсолютности репродуктивной, материнской функции для женщин и переносит всю тяжесть решения проблем с детьми на семью при одновременном ослаблении соответствующих социальных институтов.

Слабость существующего подхода к социальной политике в отношении женщин выражается и в том, что совершенно не прорабатываются правовое и идеологическое сопровождение сочетания профессиональной и репродуктивной функций женщин. Правовое сопровождение означает, во-первых, гарантии для женщины, что выполнение ею материнских обязанностей не приведёт к сокращению её

трудовых прав: к потере пенсии, сокращению трудового стажа и т.п. Должна существовать и действенная система контроля над соблюдением работодателем трудовых прав и социальных гарантий для женщин. Кроме того, трудовая деятельность женщины не должна иметь в общественном сознании образ прихоти или, напротив, тяжкой необходимости, не должна оправдываться только относительно высоким заработком.

В правовой, социальной, экономической и идеологической сферах необходимо снятие противопоставления: материнство или профессия; семья или работа. Именно снятие, а не сглаживание пособиями или даже привилегиями. Вся социальная политика в отношении женщин должна быть построена на абсолютном общественном признании того, что женщина — не машина для деторождения и выхаживания детей. Она полноправная человеческая личность. И её репродуктивные обязанности могут и должны быть вписаны в её личностную жизнедеятельность. Кстати, именно в этом случае репродуктивное поведение женщин будет соответствовать общественным потребностям без какой-либо специальной внешней мотивации со стороны государства и общества.

Всё это потребует существенного увеличения масштабов общественного сектора и развития социальной сферы, жёсткого контроля над собственниками в части соблюдения прав и гарантий работников-родителей, отказа от назойливой пропаганды традиционных семейных ценностей. Словом, потребует ориентации всей социальной сферы на развитие человеческой личности, а не на обеспечение выполнения людьми тех или иных функций — производственной или репродуктивной. По сути, это означает отказ от рыночных принципов в экономике и от либеральных — в социальной политике или, по крайней мере, их существенное ограничение. Иначе говоря, надо менять принципы социальной политики, а не пол министра социального развития.

И. Савинова

(Научный руководитель доцент Н. Б. Долгова)

ПГПУ им. В.Г. Белинского

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ПРОБЛЕМЕ РАЗВОДА

Велико значение семьи в жизни каждого человека, общества и государства. В семье закладываются основы нравственности, духовности и терпимости. Здоровая, крепкая семья – залог стабильности и процветания любого общества.

Семья — это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью [См.: 1: 107].

Семья - это та общественная структура, в которой, прежде всего, происходит воспроизводство человека как члена общества. Именно в семье

первоначально складывается мировосприятие человека, формируются его социальные качества.

Все чаще в СМИ можно услышать о «кризисе семьи», связываемом непременно с увеличением числа разводов. Эта проблема наиболее актуальна сейчас, когда из года в год рождаемость в России, как и в других развитых европейских странах, неуклонно падает. В последнее время государство все больше уделяет внимания институту семьи, оказывает всяческую поддержку молодым семьям, осуществляет материальную помощь многодетным семьям. Но все же прочность брачных союзов продолжает падать.

Под словом «развод» кроется дестабилизация и распад отношений, влекущих за собой нарушение привычного жизненного уклада. Развод – результат нравственной смерти в браке. [2: 16].

Группу причин, объективно существовавших до момента создания семьи, называют факторами риска, так как наличие их в период добрачного знакомства уже таит в себе опасность будущего развода.

Факторы риска связаны как с личностью человека, его происхождением, воспитанием, так и с условиями заключения брака. К факторам риска относятся:

- большая разница в образовании и в возрасте между супругами (особенно если женщина намного старше);
- склонность к алкоголизму одного из супругов;
- легкомысленное отношение к браку, семье вообще;
- слишком ранний возраст вступления в брак;
- вероятность скорого рождения ребенка;
- небольшой срок знакомства;
- резкое несогласие родителей на заключение брака;
- брак по принуждению, без взаимного согласия.

Эти факторы дают о себе знать буквально в первые годы совместной жизни и во многом обуславливают то обстоятельство, что более трети разводов приходится на семьи, имеющие стаж совместной жизни от одного до трех лет. Перечисленные факторы как силы, подтачивающие основы семьи и сводящие на нет ее главную функцию – продолжение рода, [3: 217]

Среди причин разводов встречается такая, как разочарование в партнере и утрата на основе этого первоначального чувства любви. Эта опасность подстерегает в первую очередь тех супругов, срок знакомства которых до свадьбы был непродолжителен (от трех до шести месяцев).

Большая часть разводов происходит из-за причин, возникающих в результате совместной жизни.

Наибольшее число расторгнутых браков приходится на возраст 25—30 лет, когда супруги становятся достаточно самостоятельными в материальном плане, успели неплохо узнать недостатки друг друга и убедиться в невозможности жить вместе. В то же время они достаточно

молоды, чтобы создать новую полноценную семью и иметь детей. Также большое количество разводов приходится на возраст около 40 лет. Это связано с тем, что дети выросли, и нет необходимости сохранять семью ради них, а у одного из супругов фактически имеется другая семья.

Максимальная доля разводов падает на первые пять лет супружеской жизни. Наличие в семье детей прямым образом влияет на прочность брака. В многодетных семьях, где количество детей более трех, процент разводов ниже среднего уровня.

С целью более углубленного изучения данной проблемы мной было проведено интервью на тему: «Отношение студенческой молодежи к проблеме развода». Среди 20 опрошенных представлены студенты 1-го курса факультета социологии и социальной работы ПГПУ им. В. Г. Белинского.

Респондентам были предложены следующие вопросы:

1. Как вы понимаете "кризис семьи"?
2. Какие отрицательные черты, на ваш взгляд, несет развод?
3. Рассматриваете ли вы возможность развода в случае возникновения конфликта между супругами, угасания чувств и т.д.?
4. Встречали ли Вы, чтобы воспитание общих детей происходило так же успешно, как в хороших полных семьях?
5. Как Вы думаете, почему в нашей стране увеличивается число разводов?
6. В каких случаях, на ваш взгляд, можно сохранить семью?

Большая часть опрошенных считает, что кризис семьи включает отсутствие взаимопонимания, ссоры из-за расхождения взглядов, угасание былых чувств. Некоторые сюда еще относят возникновение трудной жизненной ситуации в семье, а 10 % опрошенных – конфликт между родителями и детьми.

К отрицательным чертам развода студенты отнесли нарушение психики супругов и детей, недостаточное воспитание детей, возникновение чувств одиночества у одного из супругов, а один человек считает, что ничего страшного развод не несет, это нормальное явление, если в семье нет детей.

Многие рассматривают возможность развода в случае возникновения конфликта между супругами, угасания чувств и т. д., но считают, что нужно постараться сохранить брак.

Студенты, участвующие в опросе считают, что очень редко в разведенных семьях воспитание общих детей происходит так же успешно, как в хороших полных семьях.

По мнению опрошенных на рост разводов в нашей стране влияют такие факторы: нравственная распущенность, безответственность, ранние браки, нестабильность российской экономики, политическое бесправие, безработица, а также алкоголизм и наркомания.

На вопрос: «В каких случаях, на ваш взгляд можно сохранить семью?» большинство респондентов считают, что семью нужно сохранять,

если в семье есть ребенок. Часть студентов рассматривает все случаи, кроме измены, а один человек ответил, что семью можно сохранить при обращении к психологу.

В целом, студенты, участвующие в опросе, выделили большое количество причин для развода, но все они считают, что семью нужно стараться сохранить, хотя бы ради детей.

Я тоже придерживаюсь такой точки зрения, ведь развод - обычно драма как минимум для одного из супругов и, безусловно, моральная и психологическая травма для ребёнка, имеющая далеко идущие последствия. Есть удачное сравнение развода с хирургической операцией - саму операцию обычно перенести проще, чем выздоровление, требующее значительных физических и моральных сил. И перед мужчиной, и перед женщиной развод ставит ряд проблем: например, жилья, адаптации к новому социальному положению. Ребёнку же приходится проходить через эти испытания всю жизнь: разрыв отношений с одним из родителей (который, как правило, после развода живёт отдельно), чувство брошенности, ущербности, незащищённости калечат неокрепшую психику ребёнка, а отсутствие примера семейных отношений в здоровой полноценной семье в дальнейшем увеличивает трудности при создании его собственной семьи. И, наконец, развод является не только личной, но и социальной проблемой: увеличивается количество неполных семей, разводы влияют на демографическую ситуацию, на решение жилищной проблемы и т. д.

Библиографический список:

1. Кравченко А. И. Социология. Учебник. М., 2001.
2. Черняк Е. М. Социология семьи: Учебное пособие. М., 2004.
3. Социология: Учебник / Под ред. проф. Ю. Г. Волкова. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003.

Е. С. Удалова

ПГПУ им. В. Г. Белинского

СОВРЕМЕННОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Изучение личности, различных аспектов проявления её деятельности традиционно является актуальным. А в условиях преобразований социального, экономического, духовного характера, усиления проблемы гуманизации социума интерес к теме самоопределения лишь усиливается. Актуальность изучения профессионального самоопределения связана и с практическими запросами современного рынка труда, обусловленных объективной реальностью – ускорением и усложнением всех социальных процессов. Увеличившийся обмен информацией имеет место во всех

сферах социальной реальности, включая и профессиональную деятельность человека. Все чаще и быстрее появляются профессии, возникает необходимость изменения профессии и/или дополнения другими, перехода из одной сферы в другую, повышения квалификации и т. д.

Опираясь на деятельностное понимание сущности человека, под *профессиональным самоопределением* мы понимаем деятельность субъекта (личности), реализующего свою свободу, по отношению к объекту (знания, умения, навыки, опыт той же личности); предполагающая изменение, преобразование объекта и достижение личностью состояния социально-профессиональной стабильности, определённости. Данная трактовка термина позволит нам рассмотреть структуру профессионального самоопределения, выявить его черты в контексте российской действительности, а также, выявить ряд проблем и сформулировать рекомендации по их разрешению.

Глобализация, информатизация изменяют социальный уклад привычной повседневности. Личность вынуждена приспосабливаться к новым условиям, соответственно она должна совершенствовать свои знания, умения, навыки, учитывая их связь с компьютерными технологиями. Социальные связи расширяются, опосредуются техническими средствами, и личность может поступить учиться, трудоустроиваться и работать виртуально. Важнейшее значение приобретает образование человека, возникает потребность в высококвалифицированных кадрах и увеличивается ценность научного знания и его производителей.

Высокий уровень развития техники и технологии детерминирует количество и содержание профессий, уровень квалификации. Причём постоянное совершенствование технологий, техники определяет и возникновение новых, смежных профессий.

Новые тенденции проявились и в российской профессионально-трудовой действительности, что объективно предполагает проявление как общих глобализационных процессов, так и национальных особенностей.

Россияне обладают широкими возможностями внешней свободы действий, формировавшейся на основе существующих «свободных рыночных отношений», пропагандируемой демократии. Но такая свобода предполагает соответствующую ответственность: если человек выбрал не ту профессию или не то учебное заведение – можно считать «издержки» в виде необходимости получения другой профессии, перевода в другое учебное заведение, отчисления, что, как правило, сопровождается дополнительными временными и материальными затратами. Российская профессионально-образовательная действительность богата подобными примерами.

Личность действительно приобрела широкие возможности. В образовательной сфере значительно увеличилось количество учебных заведений – прежде всего вузов: в 1990–1991 учебном году в стране

насчитывалось 514 вузов, в которых обучалось 2 млн. 824 тысяч студентов всех форм обучения. В 2009–2010 учебном году число вузов увеличилось до 1114, а количество студентов до 7 млн. 418 тысяч человек. [См.: 7] Рыночная экономика и конкуренция позволили расширить спектр учебных, познавательных источников получения знаний, но главное – с появлением сети Интернет человек приобрёл широкие возможности поиска любой информации относительно профессии, обучения, состояния на рынке труда, трудоустройства.

Объективно знание о профессиях, да и само количество профессий, значительно увеличились. Но субъективно (знание самой личности о выбираемой профессии, профессионально-трудовой деятельности, рынке труда и т.д.) и фактически самоопределяющиеся зачастую испытывают информационный «голод», что отражено в ряде социологических опросов (главным образом, старшеклассников). Так, в 2005–2010 годах проводились исследования профессиональных ориентаций учащихся школ, ссузов, вузов г. Тулы, Подмосквья, г. Москвы, г. Волгограда и др., в которых был выявлен невысокий уровень информированности о получаемой профессии – 62–67 % знали о своей профессии лишь «в общих чертах» [5: 44]. Большинство опрошенных студентов из Москвы и Волгограда (67 % и 82 % соответственно) и школьников (63 %) высказалось за необходимость проведения ещё в школе уроков по профориентации, занятий, дающих представление о различных профессиях, ситуации на рынке труда и пр. Причём с курсом обучения у студентов потребность в подобных мероприятиях возрастает [5: 47].

Знание о профессии и её содержании усложнилось, что означает повышение требований к её освоению, что чаще всего выражается в дополнении знанием из других смежных и/или совершенно не смежных профессий, а значит необходимостью иметь высокий уровень образования, иногда не одного направления. Профессиональные умения и навыки личности-субъекта самоопределения также зачастую не соответствуют требованиям работодателей, что есть следствие отставания отечественной системы образования от развития современных технологий и требований рынка труда. Помимо существующих профессий появились новые, связанные с компьютеризацией, распространением сотовой связи, рекламной деятельностью и т. д. К соискателям вакансий предъявляются обязательные требования: умение свободно работать на компьютере и быть опытным пользователем Интернет, легко и быстро усваивать новую информацию, умение творчески решать нестандартные задачи. Появление и распространение таких специализаций объясняет, во-первых, нарастающую информатизацию социума, во-вторых – увеличившуюся роль сферы услуг, что в совокупности есть свидетельство внедряющегося в российскую действительность информационного общества с его динамизмом, технологичностью, творчеством, необходимостью совершенствоваться постоянно.

Главной целью профессионального самоопределения личности является достижение состояния определённости – приобретение человеком стабильного, уверенного положения в профессиональной сфере. Как такое положение выражено и в какой конкретной профессии – субъективные мнения индивидов, но которые в совокупности отражены в виде конкретных популярных целей профессионального самоопределения. Одной из особенностей современного профессионального самоопределения в России является ориентация не на конкретную профессию, а на высшее образование вообще, как на некий обязательный минимум, необходимый человеку на рынке труда, как на некое средство, дающее отсрочку от армии и т. п. Ярким подтверждением данной российской особенности является ситуация, имевшая место в 2009 году: абитуриенты подавали документы в несколько вузов по множеству специальностей, зачастую совершенно не близких друг другу: быть «лириком» или «физиком» – для них не важно, главное – поступить в вуз. Нельзя игнорировать и объективный фактор современности – её динамизм и скорость, означающие для конкретного человека невозможность упустить время, слишком быстро текущее сегодня. Человек предпочитает учиться где-нибудь и на кого-нибудь, но сейчас, чем там, где хочет, но потом. Таким образом, цель профессионального самоопределения часто подменяется целью выбора уровня образования.

Впрочем, ориентация лишь на уровень образования характерна именно для «незрелой» профессионально самоопределяющейся личности, совершающей действия в профессиональной сфере впервые. Личность же, которая уже имеет профессию и стремится расширить и/или изменить свою профессиональную роль, действует более осознанно. Отсюда вытекает другая отечественная тенденция – пролонгирование периода получения профессии, связанное скорее не с объективной необходимостью самосовершенствования как следствия развития общества, а с неудовлетворённостью первоначальным профессиональным выбором.

Интересно, что при невнимательном отношении к выбору профессии, самоопределяющиеся лица высоко оценивают такое качество как профессионализм (парадокс – быть профессионалом важно, а выбирать осознанно профессию (а не вуз, город обучения и проч.) не обязательно!). Профессионализм как условие достижения человеком успеха в жизни отмечают 71,2 % респондентов (студенты г. Москвы и г. Волгограда) [5: 57]. Кстати, профессионализм уступает другим факторам успеха в жизни – упорству в достижении цели (90,4 % студентов), связям с «нужными» людьми (78,1 %), удаче (72,6 %), что также демонстрирует национальные особенности – надежда на «авось» и поддержку коллектива-общины традиционно имеет большое значение в миропонимании россиян. А упорство в достижении цели – проявление «могучей силы воли», о которой ещё Н. О. Лосский писал как черте, свойственной русскому национальному характеру [См.: 3].

Нужно отметить, что и опрошенные школьники успех в жизни, получение высшего образования и другие жизненные цели не связывают с получением профессии. [5: 60] В целом все респонденты, профессионально самоопределяясь, ориентируются на материальные ценности – прежде всего, получение работы, хорошо оплачиваемой и/или приближённой к власти. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), размер заработной платы остается для россиян главным фактором при трудоустройстве (72 %) [См.: 2]. Причём близость к власти как черта занимаемой должности и в то же время как критерий выбора профессии, вакансии, даже при условии официально низкой оплаты, предполагает в условиях российской действительности не столько важность различных социальных гарантий, сколько широкие возможности неофициальной наживы.

Первенство материального в ценностных ориентирах современных профессионально самоопределяющихся россиян объясняет популярность в списке наиболее престижных следующих профессий: финансист, экономист, адвокат, политик, чиновник, работник шоу-бизнеса, стоматолог, пластический хирург. При этом в десятку наиболее востребованных профессий в России по данным портала Superjob.ru (данные на май 2011 года) входят: менеджеры по продажам, инженеры, квалифицированные рабочие, продавцы, неквалифицированные рабочие, бухгалтеры, торговые представители, водители, врачи и программисты [См.: 8].

В России, таким образом, престижность профессии определяется, во-первых, доходом, который можно получать от данной профессии, и, во-вторых, близостью к власти, предполагаемой той или иной профессией. Причём, если первый критерий – черта, которая абсолютизировалась скорее в 1990-х годах, прочно укрепилась в настоящее время, то второй критерий традиционно определяет престиж профессий в нашей стране.

Отсюда традиционность престижности профессии чиновника, пользующейся на сегодняшний момент высоким спросом среди профессионально самоопределяющихся. Так, в 2008 году в Хабаровском крае в академию государственной службы отмечался конкурс 18 человек на место [См.: 1], на специальность «государственное и муниципальное управление» в 2010 году в Российском государственном гуманитарном университете претендовали несколько десятков человек на место, в Высшей школе экономики на 60 бюджетных мест было подано 1150 заявлений [См.: 6]. Подобную ситуацию можно наблюдать и в других городах.

Средства профессионального самоопределения как деятельности также трансформировались. Помимо традиционных средств – учебников, пособий, справочников и пр. – используются различные информационные технологии. Современный россиянин может получать различную информацию о профессиях, рынке труда по телевидению, радио, Интернету. Обучаться современный россиянин также может виртуально;

понятие «дистанционное обучение» прочно вошло в перечень образовательных услуг.

«Блат» и «связи» – национально популярные средства профессионального самоопределения россиянина. С помощью нужных знакомств россияне поступают в учебные заведения, обучаются, трудоустраиваются, делают карьеру. В апреле 2011 года ВЦИОМ предоставил данные о том, что 24 % россиян уверены, что успешную карьеру не построить без нужных связей. В подавляющем большинстве случаев с помощью связей люди находят хорошую работу (68 %), получают повышение (9 %) и избегают увольнения (8 %) [См.: 4]. Подобная общинность, взаимоподдержка в профессионально-трудовой сфере – также национальная черта, укрепившаяся в советский период, время дефицита и очередей.

Зависимость россиян от «нужных знакомств» масштабна: 54 % признались в использовании «блата» для построения своей карьеры, так как не было другого выхода, а 50 % из тех, кто связями не пользовался, объяснили это их отсутствием, то есть, если бы знакомые нашлись, они обязательно обратились бы к ним за помощью [См.: 4]. Причём подобная общинность, обращение к «блату» совершенно не свойственны новым профессиональным сферам: наименьшее значение связям придают работники ИТ-сферы (17 %). Видимо, в новом информационном обществе, каким, как планируется, станет российское, не должно быть места «блату», общинности как критериям построения профессионального пути.

Важный элемент профессионального самоопределения – результат, объективно выраженный в социально-профессиональном статусе личности, субъективно – в достижении или отсутствии состояния определённости. Доминирование социально-профессиональных статусов личности можно увидеть в социально-профессиональной структуре российского общества, в которой присутствуют не только традиционные профессии (врачи, юристы, рабочие разных специальностей, творческие профессии), но и новые, связанные с компьютеризацией, а также с возросшей ролью сферы услуг (ИТ-специалисты разных направлений, PR-менеджеры, мерчандайзеры и проч.).

Субъективный результат – достижение/недостижение состояния определённости – характеризует ряд тенденций в российском обществе: рост числа желающих поменять свою профессию, увеличение осознанной потребности студентов в профориентации от курса к курсу, отношение к своей работе прежде всего как способу получения средств к существованию и проч. Таким образом, для многих россиян свойственно состояние неопределённости в профессиональной сфере, следствием чего являются, с одной стороны, нестабильное социально-психологическое состояние личности, с другой – не стабильная социально-экономическая обстановка в стране в целом. Отсюда возникает необходимость помочь самоопределяющимся, прежде всего, посредством профориентационной работы.

Учитывая особенности российской действительности обозначим ряд принципов разработки и реализации профориентационной работы, необходимой современной России.

1. *Принцип гуманизма* – самый главный принцип. Целью гуманистического воспитания в профессиональной сфере является свободная всесторонне развитая личность-профессионал, способная не только легко адаптироваться к быстро меняющимся современным условиям труда, но и творчески эти условия преобразовывать, создавать новое в своей профессиональной области.

2. *Принцип учёта высокой степени свободы личности.* Возникшая высокая степень свободы, прежде всего благодаря информатизации и виртуализации общества, должна быть направлена на развитие личности, её способностей и творчества в профессиональной сфере, на понимание и осмысление ответственности за свои действия.

3. Увеличение знания о профессиях за счёт их усложнения и роста числа ведёт к необходимости применения *принципа высокого профессионализма и регулярного его совершенствования субъектами профориентации.* Высокий профессионализм и компетентность субъектов профориентации предполагают не только широту знаний, но и постоянное самосовершенствование в направлении «быть всегда в курсе последних событий» не только в своей профессии, но относительно образовательных услуг, состояния рынка труда, современных методов по профориентации в рамках своей профессиональной области и т.д.

4. *Принцип тесного и регулярного взаимодействия субъектов профориентации* означает обязательное участие в профориентации и общение специалистов совершенно различных направлений – психологов, педагогов, социологов, экономистов, медиков, программистов, библиотекарей, социальных педагогов и проч.

5. *Принцип воспитания мысли о профессии прежде всего как возможности самореализации, интересной сферы деятельности.* Профессия остаётся, безусловно, и способом добычи средств к существованию; но для достижения состояния определённости важно сместить акценты отношения к профессии, потребительское отношение заменить гуманистическим.

6. *Принцип непрерывной профориентации.* Действительно, если существует непрерывное образование, то в условиях постоянно появляющихся и изменяющихся профессий возникает и потребность (личности и общества) в непрерывной профессиональной ориентации.

Итак, профессиональное самоопределение личности в России детерминируют, главным образом, два ключевых момента – объективное нарастание информационного общества и специфика развития российского социума. Информатизация ведёт к расширению свободы действий, выбора и в то же время к усложнению профессионального самоопределения. Свобода обеспечивается и на фоне активного распространения в нашей стране в течение последних двадцати лет принципов капитализма,

рыночных отношений, культивирования демократии, а также значительного роста количества учебных заведений. Нарастание информационного общества приводит и к росту количества профессий, специализаций, к представителям которых предъявляются и новые требования, зачастую предполагающие творческий подход к профессиональному труду. Но в таких условиях профессионально самоопределяющиеся испытывают зачастую информационный «голод» о профессиях, их содержании и востребованности на рынке труда. Также в профессиональном самоопределении россиян наблюдается подмена ориентации на профессию ориентацией на уровень образования, что влечёт за собой ряд проблем: неудовлетворённость профессией и карьерой, и как следствие пролонгирование обучения. У россиян явно доминируют материальные ценности, выступающие критерием престижности и привлекательности профессии. Важным критерием привлекательности профессии является и близость к власти, что объясняет традиционную уже в нашей стране популярность профессии чиновника. В условиях увеличения роли информатизации, компьютеризации всё больше используются технические средства профессионального самоопределения, но также весьма важными и ключевыми являются и такие социальные средства как «блат» и «связи».

Реализация обозначенных выше принципов профориентационной работы позволит, на наш взгляд, улучшить ситуацию в данной сфере. Но их применение будет наиболее эффективным, да и, пожалуй, возможным в случае развития нашего общества в целом в направлении становления гражданского общества, доминирования принципа гуманизма в разработке и реализации законов, программ в любой сфере общества.

Библиографический список

1. Завод кончается. В профессиональных училищах дефицит абитуриентов, а на производстве – квалифицированных рабочих. // Российская газета. 2008. 22 июля
2. Зарплата, соцпакет или престиж: что важнее при выборе работы / Новости. Пресс-выпуск №1749 от 12 мая 2011 года // www.wciom.ru
3. Лосский Н. О. Характер Русского народа. М: Посев.1957. 98с.
4. На работу – через связи: «блат» как способ трудоустройства. / Пресс-выпуск №1731. Новости от 14.04.2011 // <http://www.wciom.ru/>
5. Семенова Л. А. Кадровый потенциал постсоветской России: потери, обретения, проблемы. Социологический анализ. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG Dudweiler Landstr. 99,66123 Saarbruken, Germany / Официальный сайт Института социологии РАН // <http://www.isrus.ru/publ.html>
6. Туманова О. Поколение «Чи» // Известия. 2010. 18 августа.
7. Электронный ресурс РОССТАТА // www.gks.ru
8. Superjob ТОП 20 – рейтинг наиболее популярных запросов рынка труда / Исследовательский центр портала Superjob.ru. // <http://www.superjob.ru/research/articles/>

М. Щербакова
(Научный руководитель Н.Б. Долгова)
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ПРОБЛЕМЕ НЕОНАЦИЗМА

Неонацизм – это общее название идеологии политических или общественных движений, возникших после Второй мировой войны, исповедующих национал-социалистические или близкие к ним взгляды либо объявляющих себя последователями Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Неонацизм – это одна из актуальных проблем всего мирового сообщества. Неонацисты присутствуют не только в России, но и в других странах мира, они создают свои организации, ведут пропаганду своих идей. Неонацисты преследуют, калечат представителей других наций, рас, а также лишают их жизни! Поэтому эта проблема достаточно серьёзна и требует к себе большого внимания и решения.

Неонацизм вышел из нацизма. Нацизм – это специфическая форма национального самосознания, основанная на гипертрофии национального чувства, идее превосходства собственной нации и пренебрежении к другим [1: 231]. Эти идеи можно найти у древних греков, евреев, китайцев, индийцев, арабов и т. д. Разница между их идеями и современным нацизмом в том, что древние опирались на религиозные воззрения, и их представления не принято считать нацизмом. Хотя представителей окружающих народов грабили и истребляли. Но определённая совместимость культур и характеров могла практически уничтожить агрессивность во взаимных отношениях. Культурный же дискомфорт, наоборот, при возможности экспансии против народа, который вызвал этот дискомфорт, вызывал и вызывает схожие с нацизмом настроения.

XIX век, век прогресса и прагматизма, был полон отвратительных расовых высказываний. Но в нём был и либеральный характер отношения к покорённым народам. Так белые американцы ввязались в гражданскую войну ради освобождения чёрных рабов [См.: 2]. Однако этот либерализм мгновенно забывался, как только покорённые поднимали бунт.

Пресловутый германский нацизм возник в силу определённых причин. Его развитие было вызвано с искусственной накачкой национальных чувств, вызванной приниженностью германской нации, раздробленной на множество мелких государств. Национализм также подпитывался чувством собственной неполноценности относительно Британии. После второй мировой войны во всём мире, в том числе и в России остались и стали возникать сторонники взглядов, сходных нацистским. Их стали называть неонацистами.

В настоящее время неонацистские движения распространены в большинстве европейских стран и в странах бывшего СССР, включая Россию, Украину, Белоруссию, а в последнее время и Грузию, и

Азербайджан, в ряде стран Ближнего Востока (например, Турция, Иран), Америки, в Южно-Африканской Республике (среди белого меньшинства), Австралии и Новой Зеландии. [См.: 3]

В идеологии неонацистов присутствует крайняя форма расизма, проявляющаяся в открытом выражении неприязни и ненависти по расово-национальному признаку, как путём лозунгов, призывов, надписей, рисунков, символики, так и путём прямых действий, стычек, столкновений, массовых драк, акций устрашения. Все эти действия направлены в отношении негроидных и азиатских рас. Но в принципе от их рук может пострадать любой «нерусский» человек, «неславянской» внешности, с более или менее тёмным цветом кожи. Объекты воздействия определяются на глазок, преимущественно по визуальному признаку: цвет кожи, черты лица, разрез глаз, волосы.

У определённой части неонацистов господствуют антисемитские и антикавказские настроения, присутствует желание применения крайних форм геноцида, особенно сильно выраженные в отношении лиц «кавказской национальности». Иногда могут произноситься угрозы в адрес жителей Средней Азии, бывшего СССР и нынешней России. Имеет место агрессивная ксенофобия (неприязнь к иностранцам), главным образом по расовому признаку, особенно к иностранцам иммигрантам (беженцам, вынужденным переселенцам из стран ближнего зарубежья). Агрессивная ксенофобия выражается в оскорблениях и насильственных действиях.

В идеале неонацистов государство должно быть унитарным, в котором существует значительное социальное и имущественное неравенство по цвету кожи и самая явная расовая дискриминация. В российском варианте в этом государстве должен существовать и приоритет русской (славянской) нации над остальными. Они выступают против неконтролируемой волны «нерусских» нелегальных эмигрантов. Среди большинства членов этого направления существует мнение, что меры социальной защиты, такие, как бесплатное образование и бесплатное здравоохранение, социальное страхование и пенсионное обеспечение, должны в первую очередь быть предоставлены русскому (славянскому) населению.

С чем же связано распространение этой субкультуры? А, прежде всего, с экономическими, политическими, социальными и другими условиями в стране. Слом сложившихся социальных структур, распад прежней системы ценностей, ценностная дезориентация, широкое распространение квазиценностей, упадок морали, углубляющийся экономический и социальный кризис, осознание населением реального ухудшения условий своего существования, ослабление государственной власти, отчуждение населения от административных органов, чувство ущемлённого национального достоинства, ставшее фактором массового сознания, рост пьянства, наркомании, преступности. Все эти факторы являются благоприятной почвой для возникновения и развития

неонацистских чувств и идей. Все выше перечисленные признаки характерны для российской действительности.

Но кроме этого, присутствуют усиленные миграционные процессы, рост конфликтов культур и этносов. По мнению неонацистов, нелегальные иммигранты и мигрирующее «нерусское» население самой России захватывают рабочие места, предназначенные для русских, так как согласны работать за более низкую плату. Так обилие мигрантов из Средней Азии – бесправных и живущих на положении коллективных рабов – одновременно, и пугает нацию, и провоцирует на то, чтобы выместить свой испуг на беззащитных людях. Но проблема России в том, что многие из тех, против кого направлен неонацизм, такие же граждане России, как и мы, а у других нет паспорта и не понятно из какой они страны вообще родом и что с ними делать.

С целью более детального изучения проблемы неонацизма мною было проведено интервью. В качестве респондентов выступили 20 студентов первого курса направления «социология» факультета социологии и социальной работы ПГПУ им. В. Г. Белинского. Вопросы были следующими:

1. Какой смысл Вы вкладываете в понятие «неонацизм»?
2. Как Вы относитесь к представителям иных государств (например, Средней Азии)?
3. Если негативно, то какие эмоции Вы испытываете?
4. Как Вы относитесь к мигрантам, беженцам «нерусской национальности»?
5. Как Вы считаете, такое явление как неонацизм несёт ли в себе отрицательные последствия для общества? Если да, то какие?
6. Как Вы считаете, такое явление как неонацизм несёт ли в себе положительные последствия для общества? Если да, то какие?
7. Какие меры, на Ваш взгляд, необходимо предпринимать для устранения национальных противоречий?

Опрошенные под неонацизмом понимают расовую неприязнь, агрессивные действия фашистов, скинхедов, движение, восхваляющее Гитлера и фашизм, жестокие действия по отношению к людям другой расы, которые показывают отсутствие моральной этики.

На второй вопрос большинство респондентов ответило «нормально» и «хорошо». Некоторые – «нейтрально» и лишь один человек сказал, что плохо.

Так как плохо к представителям других государств относится лишь один студент, то ответ на третий вопрос был только у него: «раздражение».

В своём большинстве студенты к мигрантам и беженцам «нерусской» национальности относятся нейтрально, но несколько опрошенных ответили, что плохо.

Почти все опрошенные считают, что неонацизм несёт в себе отрицательные последствия, такие как конфликты национального характера, волнения в обществе, аморальность среди людей, насилие.

По мнению двух респондентов, положительные последствия неонацизма существуют, например, конкуренция.

На взгляд студентов, меры способные устранить национальные противоречия следующие:

- совершить изменения в политике государства;
- прививать понимание равенности между людьми, пропагандировать толерантность между нациями, например, с помощью рекламы;
- создание содружеств народов;
- ужесточение визового режима, ограничение въезда в страну.

Таким образом, можно сделать вывод, что в своём большинстве респонденты относятся к представителям других рас положительно и видят в неонацизме отрицательные последствия. Также опрошенные предлагали пути ликвидации данной проблемы. Я считаю, что неонацизм – очень страшное явление современности. Ведь, что же за ним стоит? А вот что – это межнациональные конфликты, стычки, следствием которых являются ущемление личного достоинства людей, огорчения, агрессивность между разными народами, а также избиения и гибель невинных людей. На эти явления нельзя смотреть равнодушно! Явление неонацизма – это опасная проблема современного общества и с ней необходимо бороться, принимать действенные меры по её ликвидации или, по крайней мере, ослаблению. Конечно, законодательством предусмотрены наказания за подобную деятельность. Но, чтобы эффективнее бороться с этим явлением, необходимо выявление глубины кризисных процессов в различных сферах общественной жизни, их влияния на сознание основной массы населения; определение сдвигов в структуре массового сознания, удельного веса в них элементов, которые могут быть опорой праворадикалистских установок и соответствующего им политического поведения; вычленение политических организаций и движений, которые могут стать той силой, в рамках которой возможна реализация массовых настроений такого рода; инвентаризация всех социальных, политических, идеологических и юридических форм противодействия подобному развитию. И, возможно, такие действия приведут к положительному решению этой проблемы.

Библиографический список:

1. Волков Ю.Г. Социология. М., 2003.
2. www.ej.ru/?a=note&id=11448
3. dokx.ru/blog/nacional_socializm_neonacizm/2011-08-18-24.

Д. Е. Мартынов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ В КИТАЕ 1920-х гг.

После Синьхайской революции 1911–1913 гг. множество китайских мыслителей самых разных направлений занялись рассмотрением конечных целей и результатов революции. Характерно, что китайские мыслители всех направлений, не исключая и «отца китайской революции» – Сунь Ят-сена (1866–1925), связывали конечный результат революции с достижением состояния Великого Единения (*Да тун*), описанного в конфуцианских канонических книгах.

Сунь никогда специально не обращался к учению *Да тун*, но подспудно в его доктрине этот идеал присутствовал всегда [2: 7]. До 1905–1906 гг. можно проследить влияние лидера китайских реформаторов Кан Ю-вэя (1858–1927): собственное учение в те годы Сунь Ят-сен называл либо «принципом *Да тун*» (*Да тун чжуи*), либо социализмом. На восприятие традиционного идеала Сунем большое влияние оказали миссионерские интерпретации *Да тун*. Именно миссионеры стали последовательно проводить аналогии между традиционным конфуцианским идеалом и космополитическими теориями мирового государства, которые оказали воздействие и на Кан Ю-вэя, и на Сунь Ят-сена. В основе аналогии *Да тун* — *Cosmopolitanism* лежал глобальный подход к переустройству всего человечества, и движения мировой цивилизации к совершенству. Интересно, что Л. Н. Борох изыскивает причину привлекательности этого идеала для Китая во внешней политике: идеал позволил бы избавить Китай от агрессии великих держав, а в более широком смысле и снять конфликт Китай – Запад [1: 36].

Президент Сунь Ят-сен в своей инаугурационной речи 1 января 1912 г. говорил, что «Китай будет придерживаться принципа согласия во имя того, чтобы мир постепенно двигался к *Да тун*» [1: 36–37]. Весьма примечательна речь «Объединим усилия пяти национальностей во имя интересов всего человечества» 3 сентября 1912 г., когда Сунь уже отказался от президентской должности. В этой речи приводятся тезисы, удивительно напоминающие суждения Кан Ю-вэя, высказанные за год до их первой публикации! – основная тенденция мирового развития проявляется в создании крупных государств. В самом конце развития слиянием 6–7 крупнейших государств образуется единственное в мире большое государство, это и будет мир Великого Единения. Путь к Великому Единению поистине нелёгок, для его достижения необходимо, чтобы люди превыше всего ставили добродетель (*дао дэ*) и понимали всеобщие законы (*гун ли*). Достижение *Да тун*, однако, связывалось и с

распространением по всей планете принципов свободы, равенства и братства и распространением норм человеческих отношений (*жэнь дао*) [1: 37].

Идеал *Да тун* был включён Сунь Ят-сеном в его концепцию прогресса. При этом вполне в традиционном духе, идея поступательного исторического движения была сопряжена с представлениями о мире гармонии, упорядоченном состоянии Поднебесной и всеобщем единении. Однако Великое Единение по Суню не тождественно *Да тун* по Кан Ю-вэю, несмотря на использование общих концептов и общее понимание роли Китая в мире. Главное различие касается взглядов на функцию государства (для Кан Ю-вэя, – это орудие насилия и удовлетворения личных потребностей правителя; для Суня — инструмент преобразования общества). Методы достижения Великого Единения, впрочем, тоже похожи: соблюдение моральных установок и выработка универсальных норм поведения. И для Кан Ю-вэя, и для Сунь Чжун-шаня Великое Единение – это раскрытие универсальной идеи, лежащей в основе мира, и составляющей его главную сущность. В обоих случаях данный принцип – человеколюбие-*жэнь* по Кану и сотрудничество людей по Суню – противопоставляется социал-дарвинистской идее борьбы за существование и выживании сильных. Общим был и тезис, что только достижение Великого Единения во всём мире позволит спасти Китай как самостоятельную нацию.

Гораздо более последовательно, чем у Кан Ю-вэя, в выступлениях Сунь Ят-сена проводится идея, что *Да тун* есть социализм, или, по крайней мере, наступление Великого Единения и построение социализма – процессы взаимно обусловленные. При этом не избежал вождь революции и собственно утопического проектирования, которое очень интересно представлено в речи «Принцип народного благосостояния и социальная революция», произнесённой после ухода с поста президента 3 апреля 1912 г. Здесь многое может напомнить об идеале Кан Ю-вэя: «Закон, согласно которому мальчики 5–6 лет поступают в школу, после чего государство их обучает и содержит до 20-летнего возраста включительно, является реализацией одного из прав каждого китайского гражданина...» [1: 40]. В выдвинутой в этом выступлении социальной программе Л.Н. Борох выделяла три основных пункта: а) обязательное обучение мальчиков в возрасте от 5 до 20 лет; б) труд на пользу общества от 20 до 50 лет; в) обеспечение престарелых и нетрудоспособных пенсиями по английскому образцу [1: 40]. Однако, по мнению Л. Н. Борох, это только программа приближения к *Да тун*, а внешнее сходство с идеалами Кан Ю-вэя объясняется лишь тем, что оба мыслителя в своих проектах были вынуждены решать одинаковые проблемы воспитания, обеспечения нетрудоспособных и организации труда [1: 41]. В деталях совпадений почти нет: у Кан Ю-вэя государственные институты находятся на страже жизни и здоровья каждого человека от его рождения и до смерти.

Нетрудоспособные члены общества содержатся в домах престарелых, куда попадают в 60-летнем возрасте. У Сунь Ят-сена пенсионный возраст начинается с 50 лет, соответственно, не совпадают сроки трудовой деятельности активного члена общества: 30 лет против 40 лет. Есть и ещё одна важная особенность: у Сунь Ят-сена очевиден националистический подтекст – он упоминает о возможности обогнать Запад по уровню обеспечения престарелых, и вообще идея «догнать и перегнать» Европу и Америку прямо противоречит универсалистским представлениям Кан Ю-вэя. Вдобавок, Кан Ю-вэй полагал, что полная реализация его проектов откладывается в чрезвычайно отдалённое будущее, а Сунь Ят-сен разрабатывал концепцию ускоренного прогресса и, по-видимому, искренне полагал, что реализация его социальных проектов вполне возможна в ближайшее время [1: 41].

Начиная с 1912 г. основной стратегической идеей Сунь Ят-сен становится построение государственного социализма. В цикле лекций о разновидностях социализма, он сформулировал тезис, что социальные преобразования в период государственного социализма являются этапом на пути к Великому Единению [3: 295]. В лекции «Разновидности социализма и их критика», он писал: *«В тот день, когда осуществится социализм у нашего народа, юные смогут получать образование, старцы иметь содержание, все будут трудиться, разделившись по профессиям, каждый получит своё место»* [3: 296]. Здесь мы вновь сталкиваемся с параллелями рассуждениям Кан Ю-вэя: ратуя за государственный социализм, Сунь Ят-сен в период Синьхайской революции полагал, что в Китае сами собой произойдут важные социальные процессы: все члены общества будут уравнены (*тун*) в правах и одинаково счастливы [3: 299]. Иными словами, представления о стратификации общества остались традиционными, более того – конфуцианскими: общество рассматривалось как совокупность различных возрастных групп, в отношениях между которыми необходимо поддерживать гармонию. Позже, в 1920-е гг. он не только полностью отождествит социализм и коммунизм с Великим Единением и собственным принципом народного благосостояния, но и свяжет их с идеалом древних моистов – «равной ко всем любовью» (*цзянь ай*) и западным понятием «братства» – третьим лозунгом Великой французской революции.

Китайские анархисты, чьи группы существовали исключительно в эмиграции – в Париже и Токио, используя традиционную китайскую терминологию, тем не менее, отмежёвывались от традиционных идеалов, провозглашая себя последователями Кропоткина и Прудона [3: 264]. Общественный идеал формулировался так: «Все люди равны и свободны, но из-за этого они не стали необузданными. Никакие законы и правила не связывают их, но никто не нарушает высоких принципов справедливости. То, что люди делают добро, находится в полном соответствии с природой и никоим образом не объясняется принуждением. Поэтому не существует никаких воинов и никакого оружия, а также никаких правительств, не

существует никаких границ между расами и странами, и, наконец, рухнут преграды между индивидуумами. Все обеспечены и рады, сыты и веселы, не знают споров и забот, а также не знают ни зависти, ни конкуренции. Все люди среди четырех морей процветают и чувствуют себя молодыми — такова картина *Да тун*» [4: 98]. Характерно, что китайские анархисты прямо связывали установление Великого Единения со всемирной революцией и мгновенным установлением нового мирового порядка. Последний описывался формулой «высшей справедливости и бескорыстия» (*чжигун усы чжуи*) [4: 99].

Важнейшим признаком коммунизма профессор Чжу Цянь-чжи (1899 – 1972) полагал отсутствие правительства (*у чжэнфу*), учение об отсутствии правительства является у него центральным диагностическим признаком подлинно коммунистической мысли [6: 148–149].

В трактате «Коммунизм Великого Единения» (*Да тун гунчаньчжуи*, 1926) Чжу Цянь-чжи писал, что к Великому Единению приведёт раскрытие истинной человеческой природы, только тогда будет создано совершенное общество, основанное на *Дао* и *Дэ*. В этом обществе будут иметь наилучшее применение музыка и церемонии (*ли юэ*), расцветут изящные искусства, в это время прекратятся мятежи и восстановится порядок (*бо луань фань чжэн*).

Чжу Цянь-чжи предложил и пять основ преодоления хаоса и восстановления порядка:

1. Раскрытие истинной человеческой природы;
2. Наступление Великого Единения;
3. Создание основы совершенного общества;
4. Наилучшее применение музыке и ритуалу;
5. Опора на изящные искусства [6: 150–152].

Двигаясь по этим пунктам последовательно.

Чжу Цянь-чжи разработал собственную «философию только лишь чувства» (*вэй цин чжэ сюэ*). Она основана на антропологии Мэн-цзы (в трактовке Чжу Си), т. е. постулате, что человеческая природа в основе своей добра, а все негативные стороны — суть внешние проявления. Однако в отличие от Чжу Си (1130 – 1200), утверждавшего, что хотя в основе природа человека блага, но его чувства равно стремятся к добру и злу, Чжу Цянь-чжи утверждал абсолютность благой природы человека. Соответственно, абсолютно благая природа человека в условиях свободы и независимости/автономии (*цзыю цзычжи*) позволяет полностью реализовать общество Великого Единения. В этом обществе закон сменится свободным договором (*цзыю ци юэ*), а свободное сотрудничество (*цзыю хэцзо*) заменит институты власти. Здесь отчётливо видно воздействие на Чжу Цянь-чжи идей П. А. Кропоткина и концепции синдикализма (*гунтуаньчжуи*), а также британского «гильдейского социализма» (*цзиэртэшэхуйчжуи*) [5: 282].

Таким образом, Великое Единение есть одновременно и коммунизм, и анархизм, и Три принципа Сунь Ят-сена, поскольку составляет их внутреннюю сущность. *Да тун* есть то общее, что связывает эти идеологии воедино, и общее их обозначение. Одновременно Великое Единение не может не быть космополитической утопией.

Чжу Цянь-чжи считал возможным построение Утопии, но она должна была основываться на традиционном базисе. В классической конфуцианской доктрине существенную роль играют представления о социальной роли музыки и ритуала. Философ утверждал, что человеческая природа пластична, и поддается культивированию, а роль изящных искусств будет только возрастать, ибо она будет способствовать организации индивидуумов на рациональной основе, минуя при этом любые правительственные учреждения. Малые ассоциации и будут связаны творческим трудом [6: 152].

Общественная организация Великого Единения по Чжу Цянь-чжи базируется на шести институтах (*лю юань чжи*) [6: 153]:

1. Палата труда (*ши у юань*): «отвечает за 10 000 дел»;
2. Палата просвещения (*цзяюй юань*): организует образование и воспитание населения;
3. Палата музыки (*иньюэ юань*). Благодаря музыке осуществляется ненасильственное воздействие на весь народ, и он морально перевоспитывается;
4. Палата мира (*пинхэ юань*). Поддерживает мир и порядок в обществе, армия же имеет минимальный размер;
5. Палата церемоний (*ли чжи юань*). Осуществляет принцип «управления народа милостью и убеждением, перевоспитывая его нравственно добродетелью и этикетом» (*дэ чжичжуи*). Основной закон общества: «кто не работает, тот не ест» (*бу цзогун, бу пэй чифань*);
6. Палата техники и искусств (*гун и юань*). Способствует выявлению и использованию талантов на службу коммунизму.

По мнению Чжу Цянь-чжи, по природе человек стремится к практической деятельности, однако понятие «труда» эквивалентно искусству. Потому-то общество Великого Единения основано на институтах труда, просвещения и музыки. Учение *Да тун*, с его точки зрения, базируется на следующих Трёх великих принципах:

1. Труда и искусства (*лаодунишу*);
2. Организации и мастерства (*и нэнцзучжи*);
3. Свободы и самоуправления (*цзыюцзычжи*) [6: 153].

Ограничение и саморегулирование заложены в природе человека. Чжу Цянь-чжи объявил, что эти принципы организации общества намного привлекательнее, чем описанные У. Моррисом в романе «Вести ниоткуда» (1890). Более того, согласно Чжу Цянь-чжи, методы регулирования описаны и в «Каноне церемоний» (II в. до н.э.), где говорится, что «для управления выбирали самых мудрых и способных». Вся жизнь общества будет осуществляться в трудовых и творческих коллективах. Следует

отметить, что эти идеи, в общем, не противоречат ранним идеям К. Маркса и Ф. Энгельса о нации-ассоциации, описанной в «Манифесте Коммунистической партии».

Чжу Цянь-чжи в 1926–1928 гг. проповедовал анархические идеи, что отразилось как минимум в трёх опубликованных им работах. Однако он категорически утверждал, что это общество, во-первых, отражает действительный идеал Конфуция; во-вторых, является истинно коммунистическим; в-третьих, выражает сущность Трёх народных принципов Сунь Ят-сена. Чжу Цянь-чжи всю жизнь отстаивал тезис, что его трактовка Великого Единения – это и есть подлинный идеал Конфуция. Правильнее было бы сказать, что его идеал ближе всего лежит к «Да тун шу» (1913 г.) Кан Ю-вэя (1858–1927) и роману «Ожидание сбывшегося» Беллами (1887): отрицание классовой борьбы, переход к космополитизму под началом единого мирового правительства, отрицание насилия в этом процессе, и полное уравнивание богатства и бедности, что и составляет в его понимании коммунизм.

Библиографический список

1. Борох Л. Н. Интерпретация Сунь Ятсеном конфуцианского идеала Датун (синьхайский период) // Сунь Ятсен: 1866–1986. М., 1987.
2. Гарушянц Ю. М. Эволюция социально-утопической мысли в Китае (80-е гг. XIX — первое десятилетие XX в.) // XVI науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1985.
3. Китайские социальные утопии. М., 1987.
4. Фельбер Р. Концепция Датун в новое и новейшее время // Китай: государство и общество. М., 1977.
5. Чжу Цянь-чжи вэнь цзи / Бянь чжэ Хуан Ся-нянь (Собрание сочинений Чжу Цянь-чжи в 10 т. / Ред.-сост. Хуан Ся-нянь). Фучжоу, 2002. Т. 1.
6. Takeuchi Huroyuki, Chen Wei-feng. Zhu Qianzhi's Thought on Great Harmony: A Preliminary Exploration into Zhu Qianzhi's Datong Gongchan Zhuyi, Guomin Geming Yü Shijie Datong, and Dao Datong Zhi Lu // Newsletter of the Institute of Chinese Literature and Philosophy. 2007. Vol. 17, №1.

Т. Г. Скороходова
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМАТОРСТВА КРИШНОМОХАНА БАНЕРДЖИ

Восточные общества, вовлечённые в колониальный период в орбиту «культурной радиации» (А. Дж. Тойнби) Запада и процессы социальной модернизации традиционных общественных структур и институтов, с разной степенью глубины трансформируются, осваивая мир современности [См.: 5]. Немаловажную роль в этом играет социальное реформаторство – феномен, связанный с деятельностью представителей «творческого меньшинства» (А. Бергсон) из местных образованных элит,

которые берут на себя ответственность за выбор адекватного пути своего общества в современность.

Феномен реформаторства может быть описан как целенаправленная сознательная рациональная деятельность, ориентированная на преобразование одной или ряда сторон социальной жизни через инновацию. Общей целью этой деятельности является синтезирование традиции и новации, включая момент рационального разрушения устаревших общепринятых установлений и утверждение новых, более соответствующих современности. В феномене реформаторства чётко различимы три аспекта: 1) личностный, связанный с деятельностью инициатора реформ; 2) групповой, проявляющийся в деятельности единомышленников реформатора и 3) общественный, отражающий отношение общества к предлагаемым новациям (от полного неприятия до одобрения и понимания). Социальное реформаторство в незападных обществах касается самых разных сфер жизни и институтов и может быть связано скорее с активностью конкретных слоёв общества (общественная разновидность реформаторства), нежели с активностью правящих кругов (государственная разновидность), которые чаще отзываются на реформаторские инициативы, нежели по собственной воле проводят преобразования.

Вместе с практикой социального реформаторства развивается теоретическое осмысление общественных проблем незападных обществ, и в этом контексте происходит становление социологической мысли. Хорошим примером этой взаимообусловленности является развитие индийской социологии, выросший из критики реалий индийского общества [См.: 1; 7; 8].

Индийские мыслители XIX века, получившие западное (английское) образование, вместе с ним осваивают векторный историзм и идею прогресса, представления о «естественном социальном устройстве» и гражданском обществе, пришедшие из западной социально-политической мысли, и обращаются к эмпирии индийской действительности, которая противоречила как западным просветительским идеалам, и их собственным рациональным представлениям о *должном* в обществе.

В зарождающейся социальной мысли Индии на уровне эмпирии происходит поистине революционный прорыв к осознанию наличия в обществе *социальных проблем* и — шире — к осознанию *проблемности* самой социальной жизни. Если понимать под социальной проблемой противоречие между сущим и должным в обществе, то само её решение возможно только при условии, что общество четко осознаёт, во-первых, само это противоречие (т. е. у него существует понимание должного), во-вторых — неприемлемость текущего состояния. В традиционном индийском обществе проблемы были таковыми только с точки зрения европейцев и той части местного населения, которая получила европейское образование и восприняла западные ценности. Для элит, придерживавшихся ортодоксальных взглядов, социальные проблемы как

таковые *не существовали*, но являлись *должной* частью социального порядка. В индуистской социальной доктрине сущее и должное отождествляются и обосновывается разнообразными ссылками на священные тексты (в том числе поздние, противоречащие древним). Импортированный с Запада гносеологический принцип рационализма вместе с христианскими по происхождению социальными ценностями (абсолютное достоинство личности, неразрывная связь между верой и социальным служением, порыв к совершенствованию социальной системы, идеал моногамного брака и др.) радикально изменили представление бенгальских мыслителей о должном и сущем в жизни общества. Поэтому социологическая мысль в Индии и развивается от анализа социальных проблем к обобщениям теоретического уровня.

Развитие практики социального реформаторства в Индии первоначально восходит к деятельности философа и реформатора Раммохана Рая (1772–1833), – «отца современной Индии», родоначальника национально-культурного ренессанса. Его борьба за запрет самосожжения индусских вдов, против полигамии, бесправия женщин, за распространение западного современного образования, свободу слова и печати, улучшение положения крестьян, введение суда присяжных, требование равенства перед законом и многие другие инициативы [См.: 3] сформировали традицию социально-реформаторской практики, продолженную его духовными наследниками – реформаторами Бенгальского Ренессанса. Однако уже в трудах его младших современников – группы выпускников Хинду колледжа, объединившихся в 1828 г. в кружок «Академическая ассоциация» («Молодая Бенгалия»), которые были убежденными сторонниками радикальных социальных реформ [См.: 2] – можно найти попытки теоретически осмыслить процесс реформирования различных сторон жизни общества.

В этом плане особый интерес представляет лекция младобенгальца Кришномохана Банерджи (Бонддопадхай 1813–1885) «Реформы гражданские и социальные», произнесённая в 1839 г. на одном из заседаний «Общества содействия приобретению всеобщих знаний».

Кришномохан Банерджи – общественный деятель, философ и лингвист, один из первых бенгальцев, не просто критиковавших индуизм и его установления, но и порвавших с ним и осознанно принявших христианство [См.: 4; 9]. Священник и богослов Кришномохан Банерджи ведёт активную просветительскую работу, убеждённый в том, что усвоение ценностей христианства способно возродить Индию и предотвратить социальную деградацию её народа.

В основании социологических воззрений Кришномохана Банерджи находится идея развития, понимаемого как нравственное и интеллектуальное совершенствование общества. Эта идея связана у него с активной преобразовательной деятельностью социальных групп, не желающих мириться с социальным злом, а также с усвоением позитивного опыта разных народов. «Мы никоим образом не можем удовлетвориться

тем состоянием вещей, которое окружает нас. Мы желаем, чтобы нас окружали не настолько несчастные и деградирующие соотечественники, чтобы мы могли гордиться более мудрыми и совершенными умами и вдохновляться стойким народным духом» [6: 22], – говорит Кришномохан соотечественникам, выдвигая освоение западных ценностей и норм в качестве современного императива развития.

В лекции «Реформы гражданские и социальные» Кришномохан Банерджи выстраивает теорию социального реформаторства в контексте проблемы изменений в жизни общества. Важно подчеркнуть, что он пересмотрел свой юношеский радикализм и убеждение в необходимости разрушить индуизм как систему. «Они (младобенгальцы. – Т. С.) ожидали дня, когда индуизм падёт, “падёт с громким треском”, — пишет Т. В. Филипс. — Но индуизм не рухнул ожидаемым путём, и к концу 1830-х годов мы замечаем постепенное изменение в размышлениях молодых радикалов о реформах. И Кришномохан был тем, кто ясно на это указал» [9: 45]. Он встаёт на позиции социального реализма, считая, что сложившиеся социальные отношения и структуры подлежат постепенной рациональной коррекции, и связывая с нею прогресс общества.

Под реформами Кришномохан понимает «улучшение гражданских и социальных институтов», в которых обнаруживаются пороки, препятствующие развитию цивилизации [6: 183], поэтому его подход к проблемам социального усовершенствования условно я назову институциональным. Все социальные изменения – это прежде всего институциональные изменения.

По мысли Кришномохана, институты, возникшие в древности²⁴ и упорядочивающие жизнь, со временем приобретают авторитет, подтверждённый апелляцией к древней традиции, но также приобретают и черты упадка. Цивилизация развивается благодаря тому, что в её институтах происходят изменения в сторону их усовершенствования.

На этом пути Кришномохан Банерджи предлагает руководствоваться идеей меры, избегая крайностей. Принцип отвержения всяких установлений по причине их «древности» скорее может сделать общество реакционным, чем продвинуть по пути цивилизации и просвещения, поскольку заставляет отбрасывать все усовершенствования, сделанные предшествующими поколениями, и каждый раз начинать работу с нуля. Такой подход ниспровергает «самые основания человеческого счастья». Другая крайность — рабская покорность институтам, навязывающим человеку пассивность. «Цивилизация оказывается в мёртвой точке, когда ей не позволено сделать любой следующий шаг, кроме того, который древность выбрала и определила для неё, – и люди живут и умирают, как если бы они были способны только к тому, чтобы быть ведомыми другими

²⁴ Возникновение институтов К. Банерджи связывает с деятельностью философов, которые предлагают их основной массе народа; здесь возможно, прослеживается влияние античной философии, равно как и теорий общественного договора.

и никогда не были способны к любому оригинальному мышлению или действию», – заключает Кришномохан, подчёркивая, что люди обладают «естественным правом думать и действовать самостоятельно» [6: 185]. И радикальное разрушение институтов, и их некритическая консервация одинаково тормозят развитие. Поэтому следует вовремя реформировать существующие установления таким образом, чтобы сохранить в них «мудрость предков», но освободить их от всех обычаев, препятствующих достижению счастья и свободы [6: 186–187]. Счастье и свобода оказываются критериями позволяющими соотнести традицию и новацию в итоге реформы.

«Прежде чем внутренние – гражданские и социальные – реформы в нравственном отношении не будут иметь места в нашем сообществе, было бы нелепо ожидать нашего подъёма как нации; и преимущества, которые могли бы нашими стараниями накапливаться в других сферах, могут быть сведены на нет или прерваны теми бесчисленными пятнами позора, которые физически уродуют наши жизни и которые пресекают в корне каждое наше усилие по достижению прогресса» [6: 182–183]. Теория социального реформаторства строится у Кришномохана Банерджи прежде всего для соотечественников, поэтому и модель действия, и общие принципы иллюстрируются индийскими реалиями.

Институциональные изменения, т. е. реформы, должны инициировать образованные элиты, способные анализировать ситуацию и разрабатывать правила, регулирующие гражданскую и социальную жизнь. Элитистский характер теории Кришномохана очевиден, но вписан в контекст социального реализма. «У большинства людей нет ни времени, ни способностей выработать законы для надлежащего упорядочения своей жизни в качестве членов сообщества и, следовательно, обязанности составлять эти правила для руководства гражданской и социальной жизнью передаются немногим, которые способны выполнить это с успехом [6: 184], – так мыслитель объясняет роль элит. Эта идея подпитывается, с одной стороны, английской социально-политической мыслью, оказавшей серьёзное воздействие на Кришномохана, с другой стороны – пониманием фундаментальной роли элит в индийской традиционном обществе. Объективно этот элитистски ориентированный проект реформаторской деятельности (а именно к «творческому меньшинству» апеллирует Кришномохан) показывает реальное движение сектора социального развития в условиях медленной модернизации индийского общества в исторической перспективе.

«...С тех пор как вы преодолели предрассудки, которыми связаны ваши соотечественники, на вас лежит высокая ответственность перед вашей страной за каждую возможность, которой вы пренебрегли, освобождая её от современного рабства, – заявляет Кришномохан. – Кто откликнется на этот зов Индии о помощи, если её просвещённые дети позволят себе вялую праздность и невыносимое бездействие? Разве невежественные, ограниченные, непросвещённые, необразованные и

неграмотные могут вести великую работу реформирования? Может ли слепой вести слепого?» [6: 193]. «Просвещённость» и «ответственность» необходимы, поскольку в реформаторском действии присутствует два этапа: научное исследование институтов и соответственно труд реформирования.

В лекции Кришномохан выстроил модель социологического анализа современных институтов: 1) анализ происхождения институтов; 2) выяснение их негативных (repñicious) воздействий на общество и 3) возможностей и трудностей, существующих на пути реформ, которые следует преодолеть [6: 183]. На индийском материале это выглядит следующим образом.

В индийских условиях общественное устройство было санкционировано немногими представителями элит и, по сути, навязано народам и племенам, находившимся в состоянии невежества и неспособным к самостоятельной организации общества. «Доктрины Ману и Вьясы были, соответственно, признаны полезными в определённой степени, и духовный деспотизм был терпим, чтобы избежать более невыносимых зол анархии и беспорядка. Но то, что полезно в варварские и весьма тёмные эпохи, может стать в дальнейшем застывшим образцом, — и затем абсолютная власть его должна переродиться в тиранию, когда люди начинают понимать и ценить свои права» [6: 186]. По убеждению Кришномохана, состояние людей должно соответствовать их знаниям и опыту, и для просвещённой эпохи следовать священным установлениям может означать деградацию, предотвратить которую могут реформы.

Современные принципы прав человека, счастья и свободы помогают выявить последствия устаревших обычаев и установлений, тормозящих развитие общества. В индийских условиях эти обычаи касаются семьи и кастовой системы, а также положения женщин — три из множества примеров, которыми Кришномохан иллюстрирует свою теорию. Во-первых, это браки, заключаемые таким образом, что вместо счастья и мира они становятся источником бед: «чему виной порочная привычка соединять двоих людей, которые никогда не знали друг друга, и многожёнство, дозволяемое индуизмом», а также детские браки, заключаемые из соображений семейной чести и приносящие в жертву духовную свободу и свободу выбора дочери [6: 189–190]. Во-вторых, это отсутствие доступа женщин к образованию с самых ранних лет, что мешает развитию цивилизации, поскольку половина её населения находится в состоянии невежества и деградации. «Мы должны признать в наших девочках человеческих существ, которые наделены не меньшими способностями мышления и действия, чем наши мальчики, и мы должны придать равную важность их обучению и воспитанию, что и воспитанию наших сыновей», — заключает Кришномохан [6: 191]. В-третьих, это кастовое деление по принципу рождения, а не таланта, достижений и личных достоинств. Эта система привела к тому, что Индия утратила многих гениев, которые, обладая способностями, так и не выходили из

состояния дикости из-за своей кастовой принадлежности [6: 193]. Традиционная система кастовой стратификации представляется Кришномохану в современных условиях безусловным злом, препятствующим росту благосостояния страны. «Как долго эти умножающиеся различия вели к ослаблению национального характера, можно понять, размышляя о том, что положение каждого лица в жизни самим его рождением непреложно зафиксировано посредством действия таковой системы» [6: 192].

Итак, все традиционные установления в существующих институтах — семье, образовании и социальной структуре — должны быть отброшены, исходя из современного правосознания и идеи свободы. Кришномохан Банерджи не отвергает институты, но выступает против традиционализма в лице брахманского священства, которое держится за свои форпосты, ссылаясь на священные традиции и тексты. Сам по происхождению брахман, Кришномохан-христианин полностью отрешается от малейших следов кастовой идеологии в сознании и беспощадно критикует брахманов. Его теория элит, движущих социальное развитие, если и признаёт позитивную роль брахманов в упорядочении социальной системы в древности, отказывает им в праве играть эту роль в XIX веке. Её должны играть здоровые, просвещённые силы общества. «Работа внутренних и нравственных реформ должна начаться и направляться жителями этой земли, — заявляет Кришномохан, — Иностранцы могут в лучшем случае содействовать и поощрять вас — но вы должны лично броситься в самое пекло и выдержать удар. Чужие, если они и будут благосклонны, могут в лучшем случае стать вашими помощниками и покровителями...» [6: 193–194]. Кришномохан явно критикует тех своих единомышленников, которые уповают на активные действия правителей в деле совершенствования общества, но и прекрасно сознаёт грядущие трудности.

Первая и важнейшая трудность — оппозиция влиятельных членов индусской общины *самой идее* реформ и, соответственно, возможности гонений на реформаторов с их стороны. Главное средство против ретроградных сил — негибкая сила духа, поскольку на стороне реформаторов — истина, а не ложь, принцип, а не предрассудок [6: 194–195]. Кришномохан предлагает вдохновляться примерами Брута, Сократа и Лютера в борьбе за благосостояние своей страны. Другая же трудность — непонимание со стороны народа, но такова судьба всех реформаторов, о которых впоследствии вспоминают с благодарностью.

В собственно реформаторском труде, по мысли Кришномохана, необходимо неуклонно придерживаться избранных принципов-идеалов, но для их обоснования допустимо ссылаться на традиционные священные тексты, чтобы доказать оппонентам-ортодоксам свою правоту. «Я настаиваю на том, что даже самый строгий последователь индуизма, не может подобрать никакого аргумента против реформирования для устранения неправильного применения священных законов» [6: 197]. В

этом смысле Кришномохан подчёркивает важность метода реформирования, применённого Раммоханом Раем: критиковать взгляды ортодоксов «на их собственной территории» [6: 197] – находить аргументы в поддержку инновации в священном тексте, объявляя современные установления позднейшими наслоениями на чистых и древних принципах традиции.

В лекции о реформах Кришномохан не говорит подробно о *содержании* реформаторской деятельности, однако его труды, посвящённые социальным вопросам, позволяют завершить описание его теории реформаторства.

На образованных элитах лежит ответственность за выход народа из состояния социальной деградации, поэтому реформы должны развиваться как интеграция позитивных нововведений, пришедших в Индию из Англии и Запада как такового – развития образования (особенно женского), распространения справедливых законов, и «беспристрастного отправления правосудия, в котором доверие к страдающим возрастает благодаря христианскому руководству», развитие благотворительных учреждений, основание больниц, технические усовершенствования, обеспечивающие жизненные удобства, развитие наук, в том числе гуманитарных, изучающих литературу и историю Индии²⁵, — не говоря уже о проникновении самого духа «христианской энергии и христианской предприимчивости» [9: 178–179]. Всё, что приходит в противоречие с традиционными принципами – угнетённое положение женщин, детские браки, кастовые ограничения и собственно кастовая система (основание индийского традиционного общества) – должно быть искоренено.

Вместе с тем в предложении Кришномохана полностью уничтожить кастовую систему как главный источник деградации знания, религии, социальной солидарности и социального единства [9: 4–5] содержался элемент утопизма. Уничтожение этой системы, обладающей удивительными свойствами трансформации и воспроизведения в меняющихся условиях, было совершенно нереальным и приходило в противоречие в его общим принципом сохранения социокультурной системы.

Теория социального реформаторства Кришномохана Банерджи, имеющая, несомненно, влияния идей шотландского Просвещения, утилитаризма Дж. Бентама и особенно христианства, представляет собой проект деятельности элит, берущих на себя ответственность за будущее страны и ведущих её по пути вестернизации, целенаправленно и постепенно меняя традиционные социокультурные институты. Этот проект вырастает на идее свободы человека, которая обоснована ценностью его жизни, достоинства и прав и императивом постоянного духовного

²⁵ Кришномохан специально подчёркивает, что «урегулирование» индийской хронологии оказалось возможным именно на основе христианских представлений о времени [9: 178].

совершенствования и социального развития общества. Реалистический подход к идее реформирования позволил обосновать подвижный синтез наследия социальности и культуры с новыми идеями и нормами, – без пагубного разрушения социокультурного фундамента жизни людей.

Библиографический список

1. Скороходова Т. Г. Из истории индийской социологической мысли: наследие Бенгальского Возрождения // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. № 12 (16). Пенза, 2009.
2. Скороходова Т. Г. Младобенгалцы: наследники Раммохана Роя // Вехи минувшего. Вып. 4. Учёные записки Липецкого гос. пед. ун-та. Липецк, 2007.
3. Скороходова Т. Г. Раммохан Рай, родоначальник Бенгальского Возрождения (Опыт аналитической биографии). СПб., 2008.
4. Скороходова Т. Г. Христианская теология для индуистов: Кришномохан Банерджи // Asiatica: Труды по философии и культурам Востока. Вып. 5 / Отв. редактор С. В. Пахомов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. С. 126–147.
5. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв. ред. Л. И. Рейснер, Н. А. Симония. М., 1984.
6. Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century. Selected Documents / Ed. by G. Chattopadhyaya. Calcutta, 1965.
7. The Bengali Intellectual Tradition: From Rammohun Roy to Dhirendranath Sen / Ed. by A. K. Mukhopadhyay. Calcutta, 1979.
8. Flora Guiseppe. The Evolution of Positivism in Bengal: Jogendra Chandra Ghosh, Bankimchandra Chattopadhyay, Benoy Kumar Sarkar. Napoli, 1993. 58. p. (Annali/Institute Universario Orientale. Vol. 55. Fasc. 2. Suppl. № 75).
9. Krishna Mohan Banerjea: Christian Apologist / Ed. with Introd. by T. V. Philip. Bangalore, 1982.
10. Forrester D. B. Reformation, Renaissance and Enlightenment: Scottish Ideas of Nationalism in Bengal Renaissance // www.sociology.ed.ac.uk/sas/papers/panel32forrester.rtf (дата обращения: май 2006 года).

А. Б. Тугаров, А. С. Дудкин
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ФОРМ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ²⁶

С точки зрения теории социальной работы, формы социально-педагогического сопровождения детей с отклоняющимся поведением могут быть рассмотрены как с позиций качественного своеобразия содержания каждого фактора социальной адаптации таких детей, так и с точки зрения его количественных характеристик. В частности, предметом теоретических и эмпирических исследований становится специфика диагностических показателей социокультурных факторов адаптации детей с отклоняющимся поведением, выявляемая в процессе кейс-менеджмента их социально-педагогического сопровождения.

Мы исходим из того, что в случае возникновения трудной жизненной ситуации каждый из последовательно сменяющих друг друга видов социальной интервенции в жизнедеятельность ребенка и его семьи – профилактический, терапевтический, патронажный – имеет свои диагностические показатели. В рамках процесса кейс-менеджмента эти виды социальной интервенции принимают соответствующую форму социально-педагогического сопровождения детей с отклоняющимся поведением.

По результатам проведенного прикладного социологического исследования нами предложена методика формирования *диагностических показателей* детей, находящихся в отдельно взятой базовой (исходной), актуально-типичной трудной жизненной ситуации, требующей профилактической, срочной терапевтической или патронажной форм социально-педагогического сопровождения.

Формирование показателей начинается с определения социокультурного фактора и пресуппозиции социальной адаптации конкретной базовой (исходной) трудной жизненной ситуации детей с отклоняющимся поведением. Затем каждый вид социальной интервенции в жизненную ситуацию детей (форма социально-педагогического сопровождения детей с отклоняющимся поведением) – социально-профилактический, срочного социально-терапевтического вмешательства, социальный патронаж – рассматривается на уровне процессов и явлений,

²⁶ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (Государственное задание по тематическому плану; регистрационный номер 660162011).

требующих диагностической (квалиметрической) оценки в данной ситуации.

Такие явления или процессы в каждой отдельной трудной жизненной ситуации ребенка с отклоняющимся поведением и/или его семьи выступают факторами (субъективными или объективными, целенаправленными или случайными) социальной адаптации таких детей. Рассматриваются подобные факторы с помощью специально созданного в процессе нашего исследования классификатора трудных жизненных ситуаций:

Проблема в классификаторе трудных жизненных ситуаций детей с отклоняющимся поведением:

Беспризорность и безнадзорность, оставление детей без попечения родителей.

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

1. Бродяжничество.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: Педагогическая запущенность детей и деформация их ценностных ориентаций. Общее семейное неблагополучие.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: Бродяжничество детей в большинстве случаев выступает следствием безнадзорности и проявлением беспризорности, поэтому целесообразно рассматривать сам факт бродяжничества как диагностический критерий. Уличная (аутрич) социально-педагогическая работа с детьми, склонными к бродяжничеству, должна проводиться с использованием социальных технологий, направленных на достижение в первую очередь доверительных отношений с детьми (работа в команде).

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* - замечания и предупреждения, а также другие поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования; случаи ухода ребенка из дома.

Факторы социальной адаптации детей – количество замечаний и предупреждений, вынесенных ребенку в учреждении образования; количество случаев ухода ребенка из дома; форма семейного неблагополучия; наличие конфликта с родителями; формы девиантного поведения ребенка.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* – выявление ребенка, занимающегося бродяжничеством.

Факторы социальной адаптации детей – степень сформированности «синдрома уличного поведения» ребенка; отношение ребенка к референтной группе (уличному сообществу); отношение ребенка к возможности возвращения в учреждение образования и/или в семью.

3. *Социальный патронаж* – нахождение семьи ребенка, занимающегося бродяжничеством, в социально опасном положении.

Факторы социальной адаптации детей – социальный статус семьи, включая жилищно-бытовые условия, уровень дохода, образование

родителей, занятость членов семьи и др.; опыт социальной работы учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства с данной семьей; степень готовности семьи ребенка взаимодействовать со специалистами учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства. [См.: 1]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

2. Уход детей из дома.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: злоупотребление родителями алкоголем, насилие в семье; семьи с повторными браками и сводными детьми; общее семейное неблагополучие; низкий уровень социализации ребенка в школе.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: педагогическая подготовка родителей; необходимость регулярного проведения обучающих тренингов для родителей, опекунов и попечителей, организации семинаров с участием специалистов.

Родительскую компетентность повышает проведение психолого-педагогических тренингов на темы: «Как хорошо я знаю своего ребенка?», «Как распознать, понять и принять эмоции», «Ошибки воспитания: как их исправить или избежать?» и др.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – случаи семейных конфликтов с проявлением насилия.

Факторы социальной адаптации детей – характер и частота семейных конфликтов; выявление факта насилия в семейном конфликте; состав семьи.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* – уход ребенка из дома.

Факторы социальной адаптации детей – причины ухода из дома по версии членов семьи и по версии ребенка; обстоятельства ухода ребенка из дома; предполагаемый маршрут ребенка; возможность сознательного ухода ребенка в уличное сообщество с последующим бродяжничеством.

3. *Социальный патронаж* – повторный уход ребенка из дома.

Факторы социальной адаптации детей – характер и частота семейных конфликтов; наличие факта насилия в семейном конфликте; особенности опыта бродяжничества и уличной жизни ребенка. [См.: 2]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

3. Уход детей из учреждения системы образования, социальной защиты.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: некомпетентность, низкий профессионализм сотрудников учреждений.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: наличие движущих сил, побуждающих ребенка оставлять учреждения; разнообразие причин ухода ребенка из учреждения (от баловства до угрозы насилия); преобладающий заверченный характер ситуаций подобного рода и их успешная превенцируемость.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. Социально-профилактический - замечания и предупреждения, а также иные поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования

Факторы социальной адаптации детей – количество замечаний и предупреждений, вынесенных ребенку в учреждении; количество попыток самовольного ухода ребенка; форма семейного неблагополучия; наличие конфликта с родителями; формы девиантного поведения ребенка.

2. Срочное социально- терапевтическое вмешательство – уход ребенка из учреждения системы образования, социальной защиты

Факторы социальной адаптации детей – состояние здоровья ребенка; мотивы самовольного ухода ребенка из учреждения; обстоятельства конфликта с детьми (одноклассниками), в том числе насилие со стороны других детей; обстоятельства конфликта с учителем, воспитателем, другими должностными лицами учреждения (в том числе насилие со стороны взрослых); обстоятельства лишения (ограничения) родительских прав.

3. Социальный патронаж – повторный уход ребенка из учреждения системы образования, социальной защиты.

Факторы социальной адаптации детей – степень сформированности «синдрома уличного поведения» ребенка; уровень развития коллектива учреждения; уровень востребованности в учреждении технологий социально-педагогического сопровождения детей и действий медиатора (посредника); мобильность информирования правоохранительных органов о самовольном уходе воспитанников из учреждения; эффективность работы в учреждении систем внутреннего и внешнего контроля за качеством социально-педагогических услуг и профессиональных действий специалистов, направленных на социальную профилактику и социальную поддержку детей. [См.: 3;4]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

4. Попрошайничество детей.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: недостаточный уровень социализации ребенка в школе; общее семейное неблагополучие.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: преимущественное занятие попрошайничеством детьми, которые не посещают учреждения образования; социализация ребенка в школе, сочетание нахождения ребенка в учебном классе с индивидуальной социальной работой с малоимущими родителями или родителями, уклоняющимися от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. Социально-профилактический – ребенок воспитывается в малоимущей семье, находящейся в социально опасном положении.

Факторы социальной адаптации детей – социальный статус семьи, включая жилищно-бытовые условия, уровень дохода, образование

родителей, занятость членов семьи и др.; степень алкоголизации (наркотизации) членов семьи; опыт попрошайничества членов семьи.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* – выявление ребенка-попрошайки.

Факторы социальной адаптации детей – стаж попрошайничества ребенка; условия попрошайничества; выявление фактов насильственного принуждения к попрошайничеству со стороны взрослых; уровень образованности ребенка; продолжительность непосещения ребенком школы.

3. *Социальный патронаж* – рецидивы попрошайничества у ребенка.

Факторы социальной адаптации детей – семейные ценности и нормы; профессиональные действия сотрудников органов опеки и попечительства. [См.: 5]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

5. Безнадзорность.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: Неисполнение родителями (опекунами, попечителями) своих обязанностей по содержанию ребенка и его воспитанию. Общее семейное неблагополучие.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: большинство ситуаций данного рода требуют социального патронажа семьи и социально-педагогического сопровождения ребенка в учреждениях систем образования и здравоохранения; поскольку именно безнадзорность является источником многих трудных жизненных ситуаций ребенка, то базовой технологией социальной адаптации должна выступать социальная профилактика.

Одно из возможных решений в случаях, когда профилактический момент не реализован, связано с переходом на «патронажные социальные контракты», то есть с заключением долгосрочных договоров на осуществление социально-педагогического сопровождения ребенка (семьи) в течение продолжительного времени (измеряемого годами); такая система позволяет повысить персональную ответственность специалистов за своих клиентов, углубить индивидуальный подход к удовлетворению потребностей и нужд детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – замечания и предупреждения, а также иные поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования

Факторы социальной адаптации детей – социальный статус семьи, включая жилищно-бытовые условия, уровень дохода, образование родителей, занятость членов семьи и др.; степень алкоголизации (наркотизации) членов семьи; характер семейных ценностей; формы девиантного поведения ребенка; относительный и абсолютный показатели пропущенных ребенком учебных занятий.

2. Срочное социально-терапевтическое вмешательство - безнадзорность как состояние, угрожающее жизни, здоровью и нормальному развитию ребенка.

Факторы социальной адаптации детей – степень и характер неисполнения родителями (опекунами, попечителями) своих обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка; формы вреда, причиняемого здоровью и нормальному развитию ребенка; особенности семейных отношений.

3. Социальный патронаж – безнадзорность как следствие систематического неисполнения родителями своих обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка; изъятие ребенка из семьи и лишение (ограничение) родительских прав.

Факторы социальной адаптации детей - степень и характер неисполнения родителями (опекунами, попечителями) своих обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка; степень готовности семьи взаимодействовать со специалистами учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства; наличие членов семьи, соблюдающих нормы криминальной субкультуры; степень конфликтности семейных отношений; основания для изъятия ребенка из семьи. [См.: 6]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

6. Беспризорность.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: Неисполнение родителями (опекунами, попечителями) своих обязанностей по содержанию ребенка, его обучению и воспитанию. Общее семейное неблагополучие.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: непризорность, часто являясь следствием безнадзорности, требует комплексного подхода в социальной диагностике и профилактике; общее семейное неблагополучие включает различные критерии объективного и субъективного, экономического и социального характера.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. Социально-профилактический – замечания и предупреждения, а также иные поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования; сиротство; бродяжничество; безнадзорность ребенка.

Факторы социальной адаптации детей - особенности ситуации безнадзорности; социальный статус семьи, включая жилищно-бытовые условия, уровень дохода, образование родителей, занятость членов семьи и др.; степень алкоголизации (наркотизации) членов семьи; самовольный уход ребенка из учреждений систем образования, здравоохранения, социальной защиты; формы девиантного поведения ребенка.

2. Срочное социально-терапевтическое вмешательство – бездомность ребенка, отсутствие контроля за поведением и воспитанием ребенка со стороны родителей.

Факторы социальной адаптации детей – состояние здоровья ребенка; степень его педагогической запущенности; качество межведомственного взаимодействия в социально-педагогическом сопровождении беспризорного ребенка; ход исполнения правоприменительных процедур по восстановлению необходимых документов и защите имущественных прав ребенка.

3. *Социальный патронаж* – беспризорность как вследствие систематического неисполнения родителями своих обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка; изъятие ребенка из семьи и лишение (ограничение) родительских прав.

Факторы социальной адаптации детей – степень и характер неисполнения родителями (опекунами, попечителями) своих обязанностей по содержанию, обучению и воспитанию ребенка; степень готовности семьи взаимодействовать со специалистами учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства; наличие членов семьи, соблюдающих нормы криминальной субкультуры; степень конфликтности семейных отношений; основания для изъятия ребенка из семьи; соответствие педагогов, занимающихся с беспризорными детьми, профессиональным квалификационным требованиям; качество межведомственного взаимодействия в социально-педагогическом сопровождении беспризорного ребенка. [См.: 7; 8]

Проблема в классификаторе трудных жизненных ситуаций детей с отклоняющимся поведением:

Алкоголизм, наркомания, токсикомания детей.

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

7. Алкогольное (наркотическое) пристрастие ребенка.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: Низкий культурный уровень родителей, общее семейное неблагополучие. Местные традиции употребления алкоголя. Непонимание ребенком опасности употребления наркотических веществ.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: отсутствие контроля со стороны родителей на фоне ограниченных возможностей для детей интересно и полезно проводить свободное время; как следствие, достаточное количество свободного времени и однообразное его проведение; формирование у детей соответствующих представлений о наркотиках как необходимом, но не ключевом элементе социальной профилактики.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – замечания и предупреждения, а также иные поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования; поступление ребенка в образовательное учреждение (школу); воспитание ребенка в семье, где родители злоупотребляют алкоголем (наркотиками).

Факторы социальной адаптации детей – уровень полной информированности детей (в образовательном учреждении, районе и т. п.)

о наркотических средствах, негативных последствиях их употребления и распространённых случаях приобщения к наркотикам; специальные формы передачи социально-профилактической информации «группам риска»; использование в социально-профилактических мероприятиях всего комплекса аудиовизуальных средств; эмоциональный уровень ребенка, вызванный социально-профилактическим мероприятием; уровень доступности детям наркотического сырья и готовых наркотиков; вхождение ребенка в неформальную группу сверстников, занятую поиском «нетрадиционных развлечений»; количество свободного времени у ребенка; степень однообразия в проведении ребенком свободного времени.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* – выявленный факт употребления ребенком алкоголя (наркотиков).

Факторы социальной адаптации детей – условия выявления факта употребления алкоголя или наркотика; особенности употребленного алкоголя или наркотика; уровень контроля за ребенком со стороны родителей; проживание ребенка и его семьи в наркотизированном (алкоголизированном) районе (местности).

3. *Социальный патронаж* – алкогольное (наркотическое) пристрастие ребенка.

Факторы социальной адаптации детей – знакомство ребенка с лицами, употребляющими наркотики и знающими технологию их изготовления и приёма; источники средств на приобретении алкоголя (наркотиков); субкультурные особенности употребления (специальные ритуалы, праздники, дружеские споры, клубно-дискоотечные развлечения и др.) [См.: 9]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

8. Алкогольное (наркотическое) пристрастие родителей (опекунов, попечителей).

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: низкий культурный уровень родителей; общее семейное неблагополучие; субкультурные особенности употребления алкоголя.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: ситуации данного рода на каждой из стадий их развития требуют регулярного социально-педагогического сопровождения; социальное сопровождение и патронаж являются основными технологиями оказания помощи ребенку.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – ребенок воспитывается в семье, в которой родители употребляют алкоголь (наркотики).

Факторы социальной адаптации детей – материальное положение семьи; степень алкоголизации (наркотизации) членов семьи; состояние здоровья членов семьи; постановка семьи на учет в учреждениях социального обслуживания (учетные данные).

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* – ребенок воспитывается в семье, в которой родители употребляют алкоголь (наркотики); ребенок подвергается насилию (жестокому обращению) со

стороны родителей (близких родственников, опекунов, попечителей), употребляющих алкоголь (наркотики).

Факторы социальной адаптации детей – факты употребления ребенком спиртных напитков (наркотиков); характер семейного воспитания (степень педагогической запущенности ребенка); степень безнадзорности ребенка; успеваемость и поведение ребенка в школе.

3. *Социальный патронаж* – ребенок воспитывается в семье, где родители злоупотребляют алкоголем (наркотиками) и постоянно подвергают его насилию (жестокому обращению).

Факторы социальной адаптации детей – факты постоянного употребления ребенком спиртных напитков (наркотиков); характер семейного воспитания (высокая степень педагогической запущенности ребенка); высокая степень безнадзорности ребенка; низкая успеваемость и неудовлетворительное поведение ребенка в школе. [См.: 10]

Проблема в классификаторе трудных жизненных ситуаций детей с отклоняющимся поведением:

Ранние половые связи, вовлечение детей в проституцию.

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

9. ВИЧ-инфекция, гепатит, туберкулез и другие социально значимые заболевания, требующие длительного комплексного лечения детей.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: общее семейное неблагополучие; низкая культура здорового образа жизни родителей; вредные привычки, пренебрежение опасностью заражения инфекционными заболеваниями; гигиеническое воспитание и пропаганда здорового образа жизни; этно-региональные особенности семейного воспитания.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: дискриминация ребенка по поводу заболевания; пассивность социальных служб в предоставлении ему соответствующих услуг; активность общественных некоммерческих организаций в продвижении технологии социальной адвокатуры и ранней интервенции.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – поступление ребенка в образовательное учреждение (школу); воспитание ребенка в семье, в которой родители злоупотребляют алкоголем (наркотиками).

Факторы социальной адаптации детей – уровень овладения ребенком основами здорового образа жизни; состояние здоровья ребенка; факты употребления ребенком спиртных напитков (наркотиков); характер семейного воспитания (степень педагогической запущенности ребенка); степень безнадзорности ребенка.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* – социально значимое заболевание ребенка, требующее длительного комплексного лечения, оказывает основное негативное влияние на нормальное течение его социализации в целом и продуктивной социальной адаптации.

Факторы социальной адаптации детей – степень тяжести заболевания ребенка; характер ограничения жизнедеятельности ребенка, вызванного заболеванием; степень участия членов семьи ребенка в его социальной поддержке.

3. Социальный патронаж – хроническая форма социально значимого заболевания ребенка; психосоциальное исключение ребенка из образовательной среды (дискриминация) из-за социально значимого заболевания.

Факторы социальной адаптации детей – качество межведомственного взаимодействия в социально-педагогическом сопровождении ребенка; уровень и качество поддержки родителей ребенка социальными адвокатами; уровень и качество поддержки родителей ребенка социальными службами. [См.: 11]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

10. Детская проституция.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: Отсутствие ценностных ориентаций; искажение норм морали и нравственности, принятых в обществе; социокультурная и поведенческая установка ребенка на зарабатывание денег проституцией.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: необходимость перехода от «стратегии борьбы» к «стратегии предупреждения», от социальной работы на стадии решения острой социальной проблемы ребенка к социальной работе с социальными рисками, от социальной работы «по выявленному факту» к социальной работе «на опережение факта».

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. Социально-профилактический – ребенок воспитывается в малоимущей семье, находящейся в социально опасном положении; замечания и предупреждения, а также иные поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования.

Факторы социальной адаптации детей – материально-бытовые условия семьи; степень алкоголизации (наркотизации) членов семьи; характер семейного воспитания (степень педагогической запущенности ребенка); степень безнадзорности ребенка; успеваемость и поведение ребенка в школе.

2. Срочное социально-терапевтическое вмешательство – выявленный факт занятия ребенка проституцией.

Факторы социальной адаптации детей – обстоятельства выявленного факта; побудительные мотивы проституирования; социальная активность ребенка; степень безнадзорности или беспризорности ребенка; вовлеченность ребенка в криминальную жизнь; степень алкоголизации (наркотизации) ребенка.

3. Социальный патронаж – неоднократно выявленные факты занятия ребенка проституцией.

Факторы социальной адаптации детей – степень утраты ребенком социальных навыков; уровень и характер возможной задержки психического развития и психосексуальных отклонений ребенка; степень деструктивности ценностных ориентаций членов семьи. [См.: 12]

Проблема в классификаторе трудных жизненных ситуаций детей с отклоняющимся поведением:

Неблагоприятные отношения в семье ребенка.

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

11. Насилие (жестокое обращение) со стороны родителей (близких родственников, опекунов, попечителей).

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: общее семейное неблагополучие; деструктивные и эмоционально-конфликтные отношения супругов, родителей и детей.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: знание родителями, специалистами систем учреждений образования и социальной защиты вреда, приносимому насилием физическому и психическому здоровью ребенка; правильное распознавание изменений в поведении ребенка, указывающих на попадание ребенка в сложную ситуацию; наличие у ребенка представления о том, куда и к каким специалистам следует обратиться в такой ситуации; активность позиции органов опеки и попечительства в межведомственном взаимодействии с учреждениями социального обслуживания, поскольку последние непосредственно аккумулируют социально-диагностическую информацию и работают с семьями.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – ребенок воспитывается в семье, в которой родители употребляют алкоголь (наркотики)

Факторы социальной адаптации детей – доступность для ребенка информации о том, куда можно обратиться за помощью в случае совершения насилия со стороны взрослых; проведение мероприятий по формированию общественного мнения о роли и месте семьи в обществе и негативном отношении к насилию и жестокости в семье.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* – ребенок подвергается насилию (жестокому обращению) со стороны родителей (близких родственников, опекунов, попечителей)

Факторы социальной адаптации детей – состояние здоровья ребенка; наличие в действиях взрослых по отношению к ребенку состава преступления; опыт социальной работы учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства с семьей, совершающей насилие в отношении ребенка; степень алкоголизации (наркотизации) членов семьи.

3. *Социальный патронаж* – ребенок подвергается насилию (жестокому обращению) со стороны родителей (близких родственников, опекунов, попечителей); изъятие ребенка из семьи и лишение (ограничение) родительских прав.

Факторы социальной адаптации детей - исполнение правоприменительных процедур по защите прав и законных интересов ребенка (ограничения в родительских правах, лишение родительских прав и др); характер семейного воспитания (степень педагогической запущенности ребенка). [См.: 13]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

12. Семейное неблагополучие, связанное с конфликтными отношениями между родителями (включая развод).

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: низкий культурный и общеобразовательный уровень родителей.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: Неблагоприятные отношения в семье становятся тревожным симптомом тогда, когда это начинает отражаться на ребенке, что в первую очередь должно диагностироваться специалистами (психологом, социальным педагогом, классным руководителем). Будучи выявленным, данный симптом требует корректной интервенции в пространство частной жизни семьи. Критерии целесообразности вмешательства должны вырабатываться командой специалистов.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – получение диагностической информации о семейном неблагополучии, связанном с конфликтными отношениями между родителями (включая развод), которое может привести к выраженной социальной дезадаптации ребенка; предразводное состояние родителей ребенка.

Факторы социальной адаптации детей – социальный статус семьи, включая жилищно-бытовые условия, уровень дохода, образование родителей, занятость членов семьи и др.; степень готовности семьи взаимодействовать со специалистами учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* – семейное неблагополучие, связанное с конфликтными отношениями между родителями (включая развод), приводит к выраженной социальной дезадаптации ребенка.

Факторы социальной адаптации детей – степень конфликтности семейных отношений; опыт социальной работы учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства с данной семьей; степень алкоголизации (наркотизации) членов семьи.

3. *Социальный патронаж* – послеразводное состояние родителей ребенка.

Факторы социальной адаптации детей – характер отношений между ребенком и родителями; наличие и характер договоренности между родителями о взаимных обязанностях по воспитанию и содержанию ребенка. [См.: 14;15]

Проблема в классификаторе трудных жизненных ситуаций детей с отклоняющимся поведением:

Неблагоприятные отношения детей с окружающими.

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

13. Конфликт с детьми (одноклассниками, соседями), препятствующий нормальной социализации и продуктивной социальной адаптации (в том числе насилие со стороны других детей).

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: педагогическая запущенность ребенка; искажение у детей дихотомии моральных ценностей «эгоизм-альтруизм».

Пресуппозиция социальной адаптации детей: доминирование в подростковом возрасте социокультурных факторов межличностных конфликтов; проявление в юношеском возрасте в действиях, связанных с субъективной оценкой сверстников как значимых или не значимых («друзей, пацанов, авторитетов» или «жертв, лохов, ботанов»), эгоистичности, агрессии и нетерпимости, сформированных в детстве; определение многообразия форм конфликтов между детьми основным критерием: насколько данное, неразрешимое силами ребенка противоречие в отношениях со сверстниками полезно или вредно для развития его личности

Развитие института посредничества в урегулировании конфликтов между детьми, в том числе с помощью специальных социальных технологий (например, школьная служба примирения); необходимость внедрения в юридическую и социальную практику технологий примирения, осуществляемых профессиональными и добровольными (или традиционными для данной культуры) посредниками (медиаторами).

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – замечания и предупреждения, а также иные поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования.

Факторы социальной адаптации детей – интересы и увлечения ребенка; место ребенка в школьном коллективе; круг друзей ребенка в школе, по месту жительства.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* - конфликт с детьми (одноклассниками, соседями), препятствующий нормальному течению социализации в целом и продуктивной социальной адаптации (в том числе насилие со стороны других детей).

Факторы социальной адаптации детей – форма и содержание конфликта между детьми; причастность к конфликту взрослых (родителей, учителей и др.); присутствие элементов насилия в конфликте; наличие в действиях конфликтующих состава правонарушения.

3. *Социальный патронаж* – хронический (затяжной) конфликт между детьми (одноклассниками, соседями), препятствующий нормальному течению социализации в целом и продуктивной социальной адаптации (в том числе насилие со стороны других детей).

Факторы социальной адаптации детей – опыт примирения конфликтующих сторон; оценка конфликта референтной группой; степень

готовности ребенка и его семьи взаимодействовать со специалистами учреждений системы образования и социальной защиты. [См.: 16]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

14. Конфликт ребенка с учителем, воспитателем, другими должностными лицами, препятствующий нормальному течению социализации и продуктивной социальной адаптации (в том числе насилие со стороны взрослых, кроме родителей, опекунов, попечителей).

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: отсутствие достаточного педагогического опыта или недостаточное педагогическое мастерство учителей, воспитателей, других ответственных за воспитание детей лиц; педагогическая запущенность ребенка, искажение морально-нравственных норм; отсутствие у ребенка навыков правильного общения.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: Трудные жизненные ситуации, возникшие из-за педагогически неправильного или противоправного поведения взрослых. В случаях, когда администрация учреждения образования необоснованно защищает своего коллегу, специалист социальной службы выступает защитником интересов ребенка.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – замечания и предупреждения, а также иные поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования.

Факторы социальной адаптации детей – соответствие специалистов профессиональным квалификационным требованиям; место ребенка в школьном коллективе; круг друзей ребенка в школе, по месту жительства;

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* - конфликт с учителем, воспитателем, другими должностными лицами, препятствующий нормальному течению социализации в целом и продуктивной социальной адаптации (в том числе, насилие со стороны взрослых, кроме родителей, опекунов, попечителей)

Факторы социальной адаптации детей – форма и содержание конфликта с участием ребенка; присутствие элементов насилия в конфликте.

3. *Социальный патронаж* – хронический (затяжной) конфликт с учителем, воспитателем, другими должностными лицами, препятствующий нормальному течению социализации в целом и продуктивной социальной адаптации (в том числе, насилие со стороны взрослых, кроме родителей, опекунов, попечителей).

Факторы социальной адаптации детей – опыт примирения конфликтующих сторон; уровень готовности ребенка и его семьи взаимодействовать со специалистами учреждений системы образования и социальной защиты; позиция руководства учреждения, специалист которого вовлечен в конфликт с ребенком. [См.: 17]

Проблема в классификаторе трудных жизненных ситуаций детей с отклоняющимся поведением:

Делинквентное поведение детей.

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

15. Уголовно наказуемые преступления детей.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: ценности и стереотипы криминальной субкультуры; популяризация через масс-медиа проявлений криминального образа жизни и деструктивных мотивов поведения; недостаточное проявление в практике социальной работы с детьми созидательной культуры и семейных ценностей; криминальная активность детей как результат их бесцельного времяпрепровождения вне дома; присутствие членов семьи, имеющих судимости и приверженных криминальной субкультуре.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: полное отсутствие или недостаточное внимание и контроль за детьми со стороны родителей; низкий уровень информированности детей об ответственности за совершенные противоправные деяния; социальная активность детей, измеряемая количественно и качественно; постепенность перехода к ювенальной юстиции как тенденции социальной политики, учитывающей технологии социальной коррекции детей, которые основаны на педагогической теории и принципах бихевиоризма.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – ребенок воспитывается в семье, находящейся в социально опасном положении; замечания и предупреждения, а также иные поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования; случаи ухода ребенка из дома.

Факторы социальной адаптации детей – социальный статус семьи, включая жилищно-бытовые условия, уровень дохода, образование родителей, занятость членов семьи и др.; опыт социальной работы учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства с данной семьей; уровень готовности семьи взаимодействовать со специалистами учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства; частота девиантных проявлений в поведении ребенка; степень обеспокоенности родителей ходом социализации ребенка; криминальное прошлое членов семьи.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* - осуществление в отношении ребенка следственных действий в связи с совершенным правонарушением (ситуация совершения преступления)

Факторы социальной адаптации детей – социально-правовая, консультационная поддержка семьи ребенка; характеристика на ребенка с места учебы; возможность использования социальных технологий примирения обвиняемого и потерпевшего; степень раскаяния ребенка в совершенном преступлении.

3. *Социальный патронаж* – осуждение ребенка за совершенное преступление; его освобождение из мест лишения свободы.

Факторы социальной адаптации детей – жизненные установки ребенка; степень раскаяния ребенка в совершенном преступлении; уровень образования родителей ребенка; уровень доходов семьи; степень участия членов семьи ребенка в его социальной поддержке. [См.: 18]

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

16. Преступления детей по мотивам и соображениям, связанным с контркультурными движениями.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей: националистические, экстремистские, лево- и право-радикальные, деструктивные, террористические группировки или организации, вовлекающие в свою деятельность детей; пропаганда через масс-медиа антисоциальных идей и действий; контркультура насилия и псевдогероизма.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: включенность специалиста в суб-/контр культуру на правах участника движения (или сочувствующего) с целью качественного исследования позволяет выявить ряд скрытых элементов в характеристике делинквентности конкретного движения; доступность большинства суб/контр-культур для изучения качественными методами с помощью интернета; выявление с помощью включенного наблюдения социально и психологически уязвимых мест в подростковых группировках, объединенных данной контркультурой; содействие в приобретении детьми навыков определения социально значимых жизненных целей как важнейшая практическая задача.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – замечания и предупреждения, а также иные поводы постановки на профилактический учет и/или исключения из учреждения образования.

Факторы социальной адаптации детей – отнесение ребенком себя к субкультурным течениям и объединениям; степень конфликтности ребенка по отношению к окружающим сверстникам и взрослым; интересы и увлечения ребенка.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* – постановка ребенка на учет в связи с радикальной деятельностью, разжигающей националистическую, расовую и иную рознь.

Факторы социальной адаптации детей – характеристика с места учебы, отзывы одноклассников; идеологическое содержание движения, к которому принадлежит ребенок; степень деструктивности действий ребенка; форма участия ребенка в движении.

3. *Социальный патронаж* – рецидивные проявления негативных социальных действий ребенка, обусловленных суб-/контр-культурными движениями.

Факторы социальной адаптации детей – правовая оценка негативных социальных действий ребенка; жизненные цели и мотивы

поступков ребенка; связь действий ребенка с виртуальными или уличными сообществами; количество единомышленников в социальном окружении ребенка. [См.: 19]

Проблема в классификаторе трудных жизненных ситуаций детей с отклоняющимся поведением:

Материнство несовершеннолетних.

Базовая (исходная) трудная жизненная ситуация детей:

17. Материнство несовершеннолетних.

Социокультурные факторы трудной жизненной ситуации детей:
Социокультурные стереотипы сексуального поведения. Недостаточные знания ребенка по вопросам планирования семьи в целом и половых отношений в частности.

Пресуппозиция социальной адаптации детей: недостаток знаний по вопросам планирования семьи в целом и половых отношений в частности устраняется системными мерами образовательного характера: специальные учебные дисциплины в школе, тренинги для будущих матерей и отцов, экскурсии и т.п.

Социокультурные стереотипы сексуального поведения и безответственное отношение детей к половым связям труднопреодолимы, они продолжают формироваться в массовом сознании, несмотря на применяемые меры психолого-педагогического воздействия. Беспорядочные половые связи и отсутствие знаний о контрацепции детей преодолеваются их адаптацией к современным условиям до наступления материнства и отцовства.

Виды социальной интервенции в жизненную ситуацию детей:

1. *Социально-профилактический* – ребенок воспитывается в семье, находящейся в социально опасном положении.

Факторы социальной адаптации детей – характер полового воспитания в семье; степень участия родителей в личной жизни ребенка; социальный статус семьи, включая жилищно-бытовые условия, уровень дохода, образование родителей, занятость членов семьи и др.; характер семейного воспитания (степень педагогической запущенности ребенка); успеваемость и поведение ребенка в школе.

2. *Срочное социально-терапевтическое вмешательство* - выявление беременности несовершеннолетней (особенно при последующем уходе из дома, конфликте беременной с родителями, попытках самоубийства и т.п.)

Факторы социальной адаптации детей – состояние здоровья несовершеннолетней беременной; степень педагогической запущенности ребенка; качество межведомственного взаимодействия в социально-педагогическом сопровождении беременной; степень готовности семьи взаимодействовать со специалистами учреждений системы социальной защиты; характер и формы трудных жизненных ситуаций, с которыми сталкивается несовершеннолетняя мама (бездомность, отсутствие средств к существованию и др.)

3. *Социальный патронаж* – разнообразные трудности, наступающие после рождения ребенка.

Факторы социальной адаптации детей – уровень образования несовершеннолетней мамы; характер и формы трудных жизненных ситуаций, с которыми сталкивается несовершеннолетняя мама (бездомность, отсутствие средств к существованию и др.); качество межведомственного взаимодействия в социально-педагогическом сопровождении ребенка; опыт социальной работы учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства с семьей несовершеннолетней мамы; степень готовности семьи ребенка взаимодействовать со специалистами учреждений системы социальной защиты и органов опеки и попечительства. [См.: 20]

Созданный в ходе исследования классификатор трудных жизненных ситуаций, требующих профилактической, срочной или патронажной форм социально-педагогического сопровождения, позволяет детально проанализировать сложность, подвижность, определенность и пресуппозиции процесса социальной адаптации детей с отклоняющимся поведением. При этом каждая трудная жизненная ситуация, в которой оказывается ребенок, рассматривается с точки зрения полученных эмпирических данных и ситуационных характеристик, что позволяет достичь практико-ориентированной полноты анализа проблем социальной диагностики детей с отклоняющимся поведением в трудной жизненной ситуации.

Выявленные в ходе исследования предварительные допущения относительно условий или факторов социальной адаптации ребенка, которые следует считать исходными для того, чтобы его социально-педагогическое сопровождение выступало целесообразным процессом, дают возможность на последующих этапах исследования рассмотреть детерминирующее влияние субъективных и объективных, целенаправленных и случайных факторов процесса социально-педагогического сопровождения детей с отклоняющимся поведением.

Библиографический список

1. Рычкова Н. А. Деадаптивное поведение детей: диагностика, коррекция, психопрофилактика. М., 2000.
2. Бреева Е. Б. Социальное сиротство в социально-ориентированном государстве // Социологические исследования, 2004. №4. С. 44-51.
3. Селиванова О. А. О неформальных объединениях безнадзорных подростков // Педагогика, 2005. № 10. – С. 49-52.
4. Ящук А. В. Социальная дезадаптация у беспризорных детей в приюте // Высшее образование сегодня, 2006. № 9. – С. 60-62.
5. Кудрявцева М. О. Драматургия попрошайничества // Невидимые грани социальной реальности. Сборник статей по материалам полевых исследований / Под ред. Воронкова В., Паченкова О., Чикадзе Е. Труды. Вып. 9. СПб.: ЦНСИ, 2001. – С. 37-49.

6. Профилактика социального сиротства в Пензенской области. Из опыта работы призеров и дипломантов Всероссийского конкурса на выявление лучшего регионального опыта по профилактике социального сиротства. Пенза, 2010.
7. Арефьев А. П. Беспризорные дети России // Социс, 2003. №9. - С.61-72.
8. Мирсагатова М. Н. Система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: аспекты управления // Отечественный журнал социальной работы, 2008. № 3. – С. 50-55.
9. Акимова М. К., Семёнов С. Ю. Стили защитно-совладающего поведения у зависимых и независимых от психоактивных веществ подростков // Вопросы психологии, 2009. № 5. С. 54-63.
10. Осипова И. И. Установление контактов с семьей в процессе патронажа: методики и технологии. // Отечественный журнал социальной работы, 2005. № 3. - С. 56-65.
11. Бовина И. Б. Социальные представления молодежи о больных СПИДом // Вопросы психологии, 2008. № 5. С. 96-104.
12. Шустова Н. Е., Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация молодежи и отношение к социальным нормам // Психологический журнал, 2007. № 1. - С. 46-57.
13. Ревенко Н.В. Насилие в семье — актуальная проблема теории социальной работы. // Сборник научных статей МГТУ. Мурманск: МГТУ, 2003. – С.37-43.
14. Алексеева Л.С. Дети из неполной семьи в трудной жизненной ситуации // Социальная педагогика, 2009. №4. – С. 21–29.
15. Смехов В. А. Опыт психологической диагностики и коррекции конфликтного общения в семье // Вопросы психологии, 1985. № 4. - С. 83-92.
16. Волянская Е. В., Пилипенко В. Е., Сапелкина Е. В. Социокультурная детерминация подростковой агрессии. Киев, 2004.
17. Товуу Н. О., Цой Л. Н. Как различить профессиональные, межличностные и функциональные конфликты // В контексте конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией. Вып. 3. М.: ИС РАН, 2000. С. 15-16.
18. Арсеньева М. И., Ермаков В. Д., Панкратов В. В. Изучение преступности несовершеннолетних и деятельности по ее предупреждению. М., 1990.
19. Горбулева М, Шабанов Л. Маргинальность как симптом срыва социальной адаптации // Высшее образование в России, 2008. № 9. С. 109–113.
20. Гурко Т. А. Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин // Социологические исследования, 2002. № 11. - С. 83-91.

Т. И. Лаврёнова
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Важнейшим условием для успешной социальной адаптации детей-инвалидов является реализация их права на образование. Нормативно-правовая база решения этой задачи в Российской Федерации включает международные, федеральные и региональные документы. В первую очередь следует упомянуть такой фундаментальный документ, как «Конвенция о правах ребенка» [1]. Основным Федеральным законом в России, обеспечивающим развитие специального образования лиц с ограниченными возможностями здоровья, пока служит закон РФ «Об

образовании». Центральное место в нормативно-правовом обеспечении образования, в том числе специального, занимает закон N 124-ФЗ от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [2]. Закон устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией РФ. Важной составляющей нормативно-правовой базы специального образования являются федеральные правительственные документы, определяющие общеобразовательную и профессиональную подготовку лиц с ограниченными возможностями здоровья. Наиболее значимо в этом плане постановление Правительства РФ от 12 марта 1997 г. «Об утверждении Типового положения о специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии» [3]. Гарантии прав детей с ограниченными возможностями здоровья на получение образования закреплены в Федеральных законах от 22 августа 1996 г. N 125-ФЗ "О высшем и послевузовском профессиональном образовании" [4], от 24 ноября 1995 г. 181-ФЗ "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" [5]. Но, несмотря на достаточную правовую базу, существуют сложности с получением образования слепыми и слабовидящими детьми, детьми, имеющими нарушения опорно-двигательного аппарата (ОДА), перенесшими детский церебральный паралич (ДЦП). Попытки реализовать концепцию инклюзивного образования не приносят ожидаемых результатов. На наш взгляд, решать эту проблему надо дифференцированно, с учетом реальной потребности семей с детьми-инвалидами, которые должны сами определиться, что для них более приемлемо – обучение на дому, обучение в специализированном образовательном или в массовой школе.

Создание педагогических условий на основе личностно-ориентированного подхода, оптимальных для каждого воспитанника, предполагает формирование адаптивной социально-образовательной среды, включающей все многообразие различных учреждений. **Органом**, который фактически решает вопрос оценки образовательных возможностей ребенка, в настоящее время является психолого-медико-педагогическая комиссия (ПМПК). К ее полномочиям относятся следующие действия:

- проведение комплексного психолого-медико-педагогического обследования детей в возрасте от 0 до 18 лет с целью выявления недостатков в физическом и (или) психическом развитии и (или) отклонений в поведении детей, определение их резервных возможностей;
- определение специальных образовательных условий развития, воспитания, обучения детей с ограниченными возможностями здоровья и (или) отклонениями в поведении;
- подготовка по результатам обследования рекомендаций по оказанию детям психолого-медико-педагогической помощи;

- подтверждение, уточнение или изменение ранее установленных комиссией рекомендаций в связи с изменением состояния ребенка и целесообразностью перевода его из одного типа учреждения в другое;
- оказание консультативной помощи родителям (законным представителям), работникам образовательных учреждений, здравоохранения, другим организациям, непосредственно представляющие интересы ребенка по вопросам воспитания, обучения и коррекции нарушений развития детей с ограниченными возможностями здоровья и (или) отклонениями в поведении;
- оказание государственным учреждениям медико-социальной экспертизы содействия в разработке индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида;
- рассмотрение диагностически спорных и сложных случаев, возникающих в работе школьных и дошкольных психолого-медико-педагогических консилиумов и принятие соответствующих решений.

Своевременное оказание необходимой психолого-медико-педагогической помощи в дошкольном возрасте позволяет обеспечить коррекцию основных недостатков в развитии ребенка к моменту начала обучения на ступени начального общего образования и подготовить его к обучению в общеобразовательном учреждении. Современные методы диагностики позволяют выявить большинство нарушений у ребенка (хотя бы на уровне группы риска) уже в возрасте до трех лет. Но единая система раннего выявления отклонений детей и ранней коррекционно-педагогической помощи до настоящего времени не создана, и только немногие дети с ограниченными возможностями здоровья, включая детей-инвалидов, получают коррекционно-педагогическую помощь в раннем возрасте. В рамках данного направления необходимо обеспечить развитие дифференцированной сети учреждений, осуществляющих деятельность по ранней диагностике и коррекции нарушений развития у детей, оказанию психологической, педагогической, социальной, медицинской, правовой помощи семьям с детьми, имеющими недостатки в физическом и (или) психическом развитии, по месту жительства, а также информирование населения об этих учреждениях и оказываемых ими услугах.

Для реализации образовательных программ дошкольного образования в РФ функционируют дошкольные образовательные учреждения (ДОУ), обеспеченные специальными программами, вспомогательными техническими средствами, позволяющими осуществлять, в том числе, совместное обучение здоровых детей и детей-инвалидов. Согласно ФЗ «О социальной защите инвалидов», детям-инвалидам дошкольного возраста предоставляются необходимые реабилитационные меры и создаются условия для пребывания в детских дошкольных учреждениях общего типа. Для детей-инвалидов, состояние здоровья которых исключает возможность их пребывания в детских дошкольных учреждениях общего типа, создаются специальные дошкольные учреждения. Обязанность финансировать расходы на обучение и воспитание детей-инвалидов в

дошкольном образовательном учреждении лежит на субъектах Российской Федерации.

Дошкольное образование для детей-инвалидов обеспечивается в следующих формах:

1. Муниципальные и ведомственные дошкольные образовательные учреждения общеразвивающего вида.
2. Детские сады комбинированного и компенсирующего вида.
3. Негосударственные дошкольные образовательные учреждения.
4. Центры реабилитации.
5. Надомное воспитание и обучение с привлечением специалистов.
6. Дома ребенка и дома-интернаты для инвалидов (по желанию родителей дети раннего возраста – до 4 лет – принимаются в специализированные дома ребенка, после 4 лет – в специализированные интернаты, находящиеся в ведении органов здравоохранения).

Основной проблемой дошкольного образования для детей-инвалидов остается поиск наиболее эффективных форм организации интегрированного обучения и воспитания. В настоящее время огромное значение имеет оперативное оказание комплексной систематической помощи нуждающимся детям, осуществление поддержки и сопровождения детей и их родителей, создание таких средовых условий, которые обеспечили бы успешную адаптацию ребенка с особыми образовательными потребностями в социуме.

Не менее сложной задачей для семей с детьми-инвалидами является получение общего среднего образования. В международной практике принята установка на то, что система образования инвалидов должна входить в систему общего образования. В России существуют различные варианты решения этой проблемы.

1. Общеобразовательные школы, включая школы, работающие по программе интегрированного обучения. Развитие интегрированного образования следует рассматривать как одно из наиболее важных и перспективных направлений совершенствования системы образования детей с ограниченными возможностями здоровья. Организация обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательных учреждениях общего типа позволяет избежать помещения детей на длительный срок в интернатное учреждение, создать условия для их проживания и воспитания в семье, обеспечить их постоянное общение с нормально развивающимися детьми и, таким образом, способствует эффективному решению проблем их социальной адаптации и интеграции в общество. Существуют различные модели интеграции. Первая, более распространенная в России, предполагает обучение детей с ограниченными возможностями здоровья в специальных (коррекционных) классах при образовательных учреждениях общего типа. Другим вариантом интегрированного образования является обучение детей с ограниченными возможностями в одном классе с детьми, не имеющими нарушений развития. Например, при сахарном диабете дети учатся наряду

со здоровыми сверстниками и им не требуется особых условий. Но для детей с ОДА, ДЦП необходимо не только создать комфортную среду (пандусы, подъемники и другие приспособления), но обеспечить отдельное помещение для занятий по специальным программам, подготовить учителей-предметников для общения с такими учениками, решить вопрос о привлечении педагогов специального образования для работы в общеобразовательной школе. Интеграция в данном контексте не должна рассматриваться как обязательное совместное обучение здоровых детей и детей-инвалидов, имея в виду их физическое нахождение рядом, в одном классе. Совместное обучение вполне может строиться по такой модели, когда на базе нескольких школ открываются специальные классы для детей-инвалидов (по видам нарушений), причем количество детей в таких классах не может быть большим. Это тоже требует решения, поскольку нормативы количества детей в классе для средней школы неприемлемы для обучения детей с особыми нуждами. Если семья решает, что ребенок может обучаться по такой модели, то вся его учебная деятельность будет осуществляться в одном здании со здоровыми детьми, а внеклассная, внеучебная работа должна строиться с учетом возможностей участия в ней детей-инвалидов. К сожалению, система образования еще не готова решать проблему таким образом, да и в обществе существует разное отношение к подобным идеям. Необходимо вести просветительскую, пропагандистскую работу, направленную на формирование и развитие толерантного, гуманного отношения к людям с ограниченными возможностями. Пока же дети-инвалиды из-за физических и социальных преград ограничены в получении среднего образования, что полностью или частично лишает их возможности участвовать в общественной жизни на равных со здоровыми детьми.

2. Специальные (коррекционные) образовательные учреждения. В зависимости от специфики работы, связанной с формами инвалидности детей, они подразделяются на 8 видов. В соответствии с Типовым положением о специальном (коррекционном) образовательном учреждении для детей школьного возраста могут создаваться следующие виды специальных (коррекционных) образовательных учреждений (групп, классов):

I. Специальное образовательное учреждение для глухих.

II. Специальное образовательное учреждение для слабослышащих и позднооглохших.

III. Специальное образовательное учреждение для слепых.

IV. Специальное образовательное учреждение для слабовидящих и поздноослепших.

V. Специальное образовательное учреждение для детей с тяжелыми нарушениями речи.

VI. Специальное образовательное учреждение для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата.

VII. Специальное образовательное учреждение для детей с задержкой психического развития.

VIII. Специальное образовательное учреждение для умственно отсталых детей.

Следует отметить, что выбор для многих семей предопределен. В зависимости от характера и степени тяжести первичного нарушения (снижения слуха, зрения, поражения ЦНС), последствий в виде ограничения функционирования органов и систем организма, согласно классификации Л. С. Выготского, дети имеют специфические образовательные потребности. Так, дети с задержкой психического развития нуждаются в большем количестве помощи при усвоении нового, в значительном числе повторов и возможности практического использования новых знаний, а также в систематическом контроле взрослым качества их использования. Детям с нарушениями интеллекта необходимы особые методы и приемы коррекционно-педагогической помощи для перехода с одного уровня ориентировки в окружающей среде на другой, т.е. с одного вида мыслительной деятельности к другому более сложному, в обучении социальным нормам и их самостоятельному соблюдению. Для детей с нарушениями слуха особое значение имеет развитие познавательного потенциала путем усвоения нового через знак (т.е. письменную речь), овладение речью через чтение. Дети с нарушениями зрения лучше усваивают новое через использование функциональных возможностей сохранных анализаторов и компенсаторного потенциала (тактильный, двигательный, слуховой), причем основным источником информации становится тактильный и слуховой анализаторы. При нарушениях опорно-двигательного аппарата ведущими информационными источниками являются зрение и слух. Детям с нарушениями речи необходимы специальные условия для развития речевых возможностей путем усвоения нового с помощью практической ориентировки. Дети с множественными нарушениями и тяжелыми хроническими соматофизическими болезнями нуждаются в индивидуальном подходе к определению методов и приемов, темпа коррекционно-педагогического воздействия.

3. Дома-интернаты для детей-инвалидов. Эти учреждения, как правило, не располагают самостоятельными возможностями для осуществления образовательного процесса в школьном формате. Обучение таких детей происходит путем зачисления в ближайшее специальное образовательное учреждение, либо путем организации учебного процесса непосредственно в доме-интернате с привлечением педагогов образовательных учреждений. Особую тревогу вызывает положение детей, находящихся на «постоянном постельном режиме», а также детей, содержащихся в отделениях для «необучаемых». Они зачастую вообще лишены какого бы то ни было развития из-за отсутствия соответствующих ставок воспитателей. Широко распространена практика неправомерного помещения детей в детские дома-интернаты фактически на пожизненное

проживание, поскольку по достижении совершеннолетия их переводят в аналогичные интернаты для взрослых. Вместе с тем в отношении детей, проживающих в интернатах системы социальной защиты, их гарантированное законодательством РФ право на получение дошкольного и основного общего образования нарушено даже формально, поскольку эти интернаты не являются соответствующим образом лицензированными и аккредитованными образовательными учреждениями, имеющими право на разработку и реализацию специальных коррекционных образовательных программ дошкольного и основного общего образования.

4. Надомное обучение детей-инвалидов. Установление порядка воспитания и обучения детей-инвалидов на дому отнесено к компетенции органов государственной власти субъекта Российской Федерации, которые вправе самостоятельно определять количество учебных часов и нормативы затрат на организацию надомного обучения детей-инвалидов в объеме, позволяющем обеспечить качественное образование и коррекцию недостатков ребенка. Дети-инвалиды, обучающиеся на дому, получают от 8 до 12 часов учебной нагрузки в неделю на все учебные дисциплины. Количество часов зависит от возраста ребёнка. Оно составляет примерно 1/3 от нагрузки, получаемой детьми в обычном классе, что зачастую недостаточно для продолжения образования по окончании школы. Детей-инвалидов, обучающихся на дому, образовательное учреждение бесплатно обеспечивает учебными материалами и педагогами учебного заведения. Однако многие родители не удовлетворены укороченными программами преподавания, отсутствием некоторых предметов, отменой занятий по разным причинам, минимальной работой психологов и логопедов. Родители делают правильный вывод о том, что равнодоступность получения образования декларируется, но не обеспечивается.

5. Дистанционное образование для детей-инвалидов имеет большие преимущества перед традиционными формами, но пока недостаточно развито в России. К достоинствам дистанционного обучения можно отнести возможность сочетания с другими формами обучения, развития и поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья; использование современных технологий и инноваций при решении проблем обучения, воспитания и развития детей; направленность мероприятий дистанционного обучения на достижение измеряемых результатов, оцениваемых целевыми показателями и индикаторами. Сложности с распространением такой формы обучения обусловлены отсутствием учебно-методического и программного обеспечения, а также непроработанностью управленческих и организационных механизмов ее реализации.

6. Школы здоровья. Данный проект адресован не только детям-инвалидам, он направлен на сохранение здоровья обучающихся и восстановление адаптационных возможностей организма ребенка, обучение основам здорового образа жизни, формирования здоровьесберегающей среды. Учреждение осуществляет следующие

основные виды деятельности: организация образовательного процесса с применением здоровьесберегающих технологий; медицинская деятельность; реализация дополнительных общеобразовательных программ (спортивно-технической, культурологической, физкультурно-спортивной, туристско-краеведческой, эколого-биологической, социально-педагогической, социально-экономической, художественно-эстетической направленности); осуществление обучения и воспитания в интересах личности, общества, государства, обеспечение охраны здоровья и создание благоприятных условий для разностороннего развития личности, в том числе возможности удовлетворения потребности обучающегося в самообразовании и получении дополнительного образования; предоставление специальных условий обучения детей с ограниченными возможностями здоровья; выявление семей, находящихся в социально-опасном положении, и оказание им содействия в обучении и воспитании детей; организация работы групп продленного дня. Данный опыт не получил широкого распространения, его внедрение требует больших затрат.

Таким образом, существует несколько форм получения дошкольного и общего среднего образования детьми с ограниченными возможностями здоровья. Однако, практическая реализация права на образование этой категории несовершеннолетних требует решения множества управленческих и организационных задач, направленных на внедрение дифференцированного подхода с использованием современных учебно-методических и технологических средств обучения. Проблемы обеспечения образовательной среды для детей-инвалидов наиболее эффективно можно решить только при активной совместной работе органов исполнительной власти разных уровней, учреждений медико-социальной экспертизы, органов социальной защиты населения, здравоохранения, образования, а также общественных организаций и родителей.

Библиографический список

1. Конвенция ООН о правах ребенка. / Обухова Л. Ф. Возрастная психология. М., 2000.
2. Федеральный закон N 124-ФЗ. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г.
3. Постановление Правительства РФ от 12 марта 1997 г. «Об утверждении Типового положения о специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии».
4. Федеральный закон N 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г.
5. Федеральный закон. 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Выяснение места социальной работы в системе общественных отношений предполагает и рассмотрение соотношения социальной работы со сферой культуры. Главную проблему в этом плане представляет неоднозначность самого определения понятия «культура». Для раскрытия заявленной темы необходимо, прежде всего, выяснить то содержание, которое мы вкладываем в понятие «культура».

Можно сформулировать следующее определение культуры, позволяющее выяснить многообразные аспекты взаимодействия культуры с социальной работой. Культура – это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе.

В свою очередь, П. А. Сорокин, отмечал, что культура не детерминируется экономикой, а выступает как система ценностей, с помощью которой общество интегрируется, поддерживает взаимосвязь своих институтов. Пока эта система ценностей молода, она вызывает энтузиазм, ей верят и ей следуют, что и приводит к ее победе, которая оказывается началом гибели и кризиса культуры [См.: 5: 342].

Ценностный аспект представляется очень важным в процессе организации и проведения социальной работы. Это определяется тем, что социальная работа непосредственно ориентирована на реализацию в обществе определенных нравственных ценностей – справедливости, добра, взаимопомощи и т. п.

Ценностные ориентации выявляют реальные мотивы социального поведения человека, характеризуют взаимоотношения со средой, его важнейшие социальные и нравственные качества. Непротиворечивость ценностных ориентаций – важнейший показатель устойчивости личности, тогда как обратное свидетельствует о ее неустойчивости, незрелости, маргинальности. Духовно-ценностные ориентации как разделяемые и интериоризированные личностью духовные ценности, выступающие в качестве идеала и целей жизни, а также и основного средства их достижения, выполняют функцию важнейших регуляторов социального поведения личности, а в ситуациях нравственного выбора выступают как опорные критерии принятия личностью жизненно важных решений. Отсюда духовность понимается как нравственно-ориентированная воля и разум человека, атрибут его как субъекта [См.: 4: 281]. Бездуховность же выступает как признак утраты личностью её субъективных качеств,

вырождение в простой объект, подобие животного или механизма. [См.: 4: 283].

Явление, обозначаемое термином «ценностные ориентации», выступает одним из факторов, характеризующих личность, и детерминирует её отношение к миру, людям, обществу, к самому себе. Ценностные ориентации представляют устойчивое, социально обусловленное, внутреннее избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как предметы, цели, средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности.

Ценностные ориентации выступают, с одной стороны, как конкретное проявление отношения личности к окружающей среде, а с другой – как система установок, регулирующих поведение личности в каждом конкретном случае. Именно так понимает ценностные ориентации В. В. Водзинская, которая пишет: «Регулятором поведения является система фиксированных установок, система отношений, ценностная ориентация. Среди фиксированных установок есть такие, которые имеют особенный вес, так как они выработаны по отношению к тем элементам действительности, которые имеют особенную ценность для личности. Они-то и составляют относительно устойчивую систему фиксированных установок или ценностную ориентацию личности, организующую поведение по отношению к предметам и явлениям объективного мира, к сфере общественной жизни и к самому себе как члену общества» [3: 38].

Система ценностей – это мир значений, благодаря которому человек приобщается к непреходящему и чему-то более важному, чем его собственное эмпирическое существование, это окультуренная и передающаяся от поколения к поколению с помощью некоторой совокупности условных знаков, или символов, констелляция чувств, эмоций и идей, существенных для данного сообщества [См.: 1: 27].

Система ценностей – важнейший компонент культуры и культурной жизни, поэтому часто систему ценностей называют ценностями культуры [2: 43]. Для них характерно то, что они определяют направленность и характер мировоззрения личности (представления о мире, о человеке, о его месте в этом мире и в конкретном обществе, цели и смысле жизни), то есть вопросы, имеющие смыслоопределяющее и смыслопридающее содержание. Поэтому ценности культуры и выступают в качестве системы базовых высших ценностных ориентаций, в которых находят свое выражение направленность личности, ее мировоззрение.

Чтобы ориентироваться в окружающем мире, человек должен отличать хорошее от плохого. Он должен прогнозировать, какие из его действий и побуждений получат поддержку и одобрение со стороны того сообщества людей, к которому он принадлежит, а какие будут явно не одобрены и даже наказуемы. Понимание критериев самооценки и оценки поступков людей осуществляется благодаря усвоению ценностного и нормативного содержания культуры.

Оценка каждого конкретного поступка приобретает смысл только в соотношении с усвоением человеком понятий добра, правды, справедливости, красоты, достоинства, свободы и иных ценностных категорий. Сообразно этим категориям соответствующие поступки называются добрыми или злыми, героическими или низкими, прекрасными или безобразными, справедливыми или эгоистическими, а люди, их совершающие, рассматриваются как носители соответствующих нравственных и эстетических качеств.

Введение в парадигму теории социальной работы ориентации на культурные ценности возможно лишь на основе формирования соответствующей концепции смысла жизни. В качестве составных элементов комплексного представления о смысле жизни могут выступать власть и богатство, творчество и профессиональные достижения, свобода и служение Богу. Причём нередко один из этих элементов воспринимается человеком как смысл жизни, основной стержень существования.

Следует отметить, что за последние столетия в обществе прогрессирует явление, которое можно охарактеризовать как потерю смысла жизни. Примером этого являются нравственные кризисы, возникающие на различных этапах развития человечества и представляющие собой не что иное, как ощущение огромным числом людей бессмысленности той жизни, которую им приходится вести. Это является отражением кризиса культурных ценностей общества, отсутствия культурологической ориентации социального воспитания, так как именно благодаря приобщению к миру ценностей жизнь отдельного человека приобретает смысл.

Система ценностей – это смыслообразующая сфера общественных отношений. Именно здесь формируются конечные основания выбора действия, связанные с философией данного общества, с его мировоззренческими установками. Благодаря усвоению системы ценностей человек решает для себя вопрос о том, ради чего он живёт. Обретение человеком смысла жизни является необходимым условием его выхода из трудной жизненной ситуации, что, в свою очередь, выступает важнейшей целью социальной работы.

Важную роль в формировании культуры населения играет образовательно-воспитательная система общества. От качества и эффективности ее функционирования в значительной степени зависят процессы социализации и социальной адаптации людей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Известно, что главная цель социальной работы – способствовать нормальной жизнедеятельности человека, удовлетворению и гармонизации его социальных потребностей. Что же касается цели современного образования, специалисты трактуют ее как главное условие, при котором индивид усваивает социальную традицию, получает возможность обрести субъектность (ответственное отношение к собственной жизни) и самореализоваться в определенной деятельности.

Однако воплотить эту идею на практике пока не удастся. Отчужденность и разобщенность субъектов учебно-воспитательного процесса, его абстрактность и отстраненность от реальной жизни, деятельности и личности создают дефицит духовности и гуманности, что, в свою очередь, проявляется в формах девиантного и деликвентного поведения подрастающего поколения, жизненной несостоятельности значительной части молодежи.

Современная молодежь с трудом интегрируется в социальные структуры. Значительная ее часть связывает личный жизненный успех с материальной стороной жизни и не готова рассматривать его как условие для дальнейшего духовного развития собственной личности. Очевидно постепенное прекращение как преобразовательной функции образования в духовной сфере общественной жизни, так и его прогностической функции, то есть возможности влиять на процесс формирования общественных идеалов и ценностей. Перечисленные симптомы социального неблагополучия могут быть сняты посредством усиления демократизации и гуманизации в системе образования, более тесной связи ее с жизнью, усиления личной значимости для учащихся содержания изучаемого материала, а также путем привлечения в сферу образования специалистов в области социальной работы.

Традиционная для социальной философии проблема гуманистического содержания образования приобрела новое социальное звучание: можно ли с помощью гуманизации образования корректировать мировоззрение, мирозерцание, утверждать систему ценностей и нормы поведения человека? Способно ли образование удовлетворить потребность гуманистического проектирования человека как субъекта социальной практики?

В образовательно-воспитательной деятельности с людьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, особенно недопустимы пренебрежение к личности человека, идеологический униформизм и догматизм, а, наоборот, необходимо выдвижение на первый план гуманистических идей, выражающих уважение к личности, заботу о развитии всех ее сущностных сил.

Как уже отмечалось, образование является наиболее значимым социокультурным детерминантом процесса социальной адаптации людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. К началу XXI века в полной мере проявилась глубокая зависимость современной цивилизации от тех способностей и качеств личности, которые закладываются в процессе образования.

Образование выполняет ряд важнейших общественных функций, к числу которых относятся:

- 1) формирование гражданина (реализация этой функции оказывает воздействие на политическую сферу общественной жизни и процесс формирования гражданского общества, что крайне важно для теории и практики социальной работы);

2) воспроизводство социально-профессиональной структуры общества, позволяющей расширять сферу занятости населения, улучшать условия жизни людей, сокращать число нуждающихся в социальной помощи;

3) обеспечение социальной мобильности и социальных перемещений, способных влиять на обеспечение более сбалансированного использования трудовых ресурсов и, вследствие этого, на процесс улучшения жизнедеятельности людей.

Особо следует выделить культурно-воспитательную функцию образования, оказывающую влияние на всю духовную жизнь общества.

Столь важные социальные функции, выполняемые образованием, обуславливают следующую причинно-следственную связь: позитивные изменения в системе образования вызывают прогрессивные сдвиги в самых разных сферах общественной жизни, в том числе и в сфере социальной работы, и наоборот, негативные изменения в образовании имеют тенденцию к социальному репродуцированию и ведут к регрессу общества.

Деятельность специалиста по социальной работе в учреждениях системы образования зависит, с одной стороны, от возрастных особенностей обучаемых, а с другой – от научных представлений о необходимых условиях, способствующих благополучному включению обучаемого в систему образования. Поэтому предметом заботы социального работника являются потребности учащихся и возможности их родителей, особенно в тех случаях, когда поведение обучаемого и его учебная деятельность создают проблему для сверстников и педагогов или он терпит материальные и социальные лишения. В таких ситуациях социальный работник становится участником компании по разработке мер профилактики и устранению симптомов неблагополучия в судьбе учащегося, берет на себя роль посредника и коммуникатора между образовательным учреждением и семьей, ребенком и родителями, учащимся и воспитателями. Это особенно важно, если учащийся часто болеет или не посещает образовательные учреждения без объяснения причин.

Уже более десяти лет в российском обществе обсуждается проблема смены образовательных парадигм. Будучи инициированной, главным образом, логикой политической борьбы за смену общественного строя в России, эта проблема продолжает нести в себе значительное идеологическое содержание. Основным приоритет в официальных кругах отдается американской модели образования, являющейся далеко не лучшей в современном мире. Возможно, эта модель привлекает своих сторонников стремлением к упрощению, ориентацией на интерес и прагматические устремления обучающихся. Думается, что эти установки, при прочих равных условиях, играют положительную роль, однако, будучи абсолютизированы, они начинают выполнять деструктивные функции по отношению к системе образования.

Традиционная концепция образования подчинена развитию рационального, преимущественно логико-вербального, мышления, овладению основами наук. Главное внимание в ней обращается на логическое распределение и последовательность в предметах преподавания. Процесс обучения заключается в составлении учебников, разделённых на логические части, расположенные в известной последовательности, и в преподнесении этих частей обучаемым таким же определённым и последовательным образом, что проявляется в жёсткой регламентации жизни учебных заведений, в догматизации преподаваемых знаний, в формальном вопросно-ответном методе обучения.

Характерный для этой парадигмы авторитарный стиль отношений между учителем и учащимися гасит познавательную инициативу ребенка. Это неотвратно ведет к жёсткой регламентации деятельности обучаемого. В результате преподаватель, исполняющий свой гражданский и профессиональный долг, становится частью учебной машины, её передающим устройством. Его инициатива и творчество строго нормированы, что ограничивает возможности стимуляции познавательных интересов обучаемых. В таких условиях внедрение инноваций происходит только централизованным путём, а педагогическая наука и педагогическая практика оказываются в значительной мере лишёнными самостоятельности, что лишает их способности к саморазвитию.

В отличие от традиционного понимания образования, инновационные концепции строятся по принципу самоорганизующейся системы, основанной на нелинейности протекающих в ней процессов и ориентированной на придание обучению творческого характера. Можно выделить четыре основных направления выхода из кризиса современной образовательно-воспитательной системы: ценностную ориентацию образования на формирование культуры во всех сферах жизнедеятельности личности; гуманизацию процесса образования; введение инноваций лишь при тщательном сохранении традиций воспитания и использование интуитивных возможностей восприятия в процессе обучения.

Необходимость развития такого инновационного направления, как ценностная ориентация образования на формирование культуры во всех сферах жизнедеятельности личности, обусловлена разрушением прежних, традиционных общественных идеалов, что привело к образованию своеобразного духовного вакуума. Школа, потеряв идейные ориентиры, все чаще и чаще отказывается от своей воспитывающей функции.

В таких условиях создаются опасные предпосылки для формирования отклоняющегося поведения учащихся, особенно подросткового возраста, когда, с одной стороны, они начинают чувствовать себя «взрослыми», а с другой – еще не вполне владеют опытом жизни, не понимают ее глубинной сущности. Подростки объективно оказываются в ситуации информационного и ценностного отчуждения, как от национальных, так и от общечеловеческих

приоритетов, что порождает проблемы, затрудняющие социокультурную адаптацию личности ребенка, продуцируют необходимость оказания ему соответствующего вида социальной помощи.

Библиографический список

1. Бондаревская Е. В. Ценностные основания личностно ориентированного воспитания // Педагогика. М., 1995. № 4.
2. Власкин А. Г. Ценности как предмет социологического исследования // Вестник ЛГУ. Серия 6. Вып. 4. Л.: ЛГУ, 1988.
3. Водзинская В. В. Понятие установки, отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании // Философские науки. М., 1968. № 2.
4. Гуревич П. С., Ногинский Е. Л. Антропологическое измерение культуры. Пенза, 1995.
5. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 342.

Н. Б. Долгова

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА В МУНИЦИПАЛЬНОМ РАЙОНЕ

Сиротство как социальное явление существует столько же, сколько человеческое общество, и является неотъемлемым элементом цивилизации. Во все времена войны, эпидемии, стихийные бедствия, другие причины приводили к гибели родителей, вследствие чего дети становились сиротами. Видимо, с возникновением классового общества появляется и так называемое «социальное сиротство», когда дети лишаются попечения родителей в силу нежелания или невозможности осуществлять последними родительские обязанности, в силу чего родители отказываются от ребенка или устраняются от его воспитания. [1: 21]

Ученые выделяют и так называемую категорию «скрытых сирот», к которым относят детей, чье положение скрыто от государства, и они долгое время не получают помощи. Некоторые дети сами покидают свои неблагополучные семьи по причине плохого и даже жестокого обращения с ними. [1: 24]

Таким образом, социальный сирота – это ребенок, который имеет биологических родителей, но они по каким-то причинам не занимаются воспитанием ребенка и не заботятся о нем.

В современном обществе государственные и негосударственные структуры все чаще стали обращать внимание на проблему социального сиротства. Стали создаваться и благотворительные Фонды поддержки детей, находящихся в социально-опасном положении, проводятся конкурсы и раздаются гранты на разрешение данной проблемы.

Так, интересен опыт организации работы по разрешению проблемы социального сиротства на территории Бессоновского района Пензенской

области. Модель профилактики социального сиротства в данном муниципальном районе является одной из передовых на территории Российской Федерации и является победителем в конкурсе муниципальных проектов по направлению «Профилактика социального сиротства», организованном Российским Фондом социальной поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в 2010 году.

Целями данного проекта являются:

- раннее выявление детей и семей, находящихся в социально-опасном положении; мотивация несовершеннолетних и их родителей на конструктивное изменение жизненной ситуации; закрепление развитие социально-позитивной ситуации в семье;

- поддержка и восстановление основных социальных функций семьи, повышение ее позитивного влияния на социализацию личности ребенка;

- индивидуальный подход к решению проблем, возникающих в отдельно взятой семье.

Профилактические мероприятия согласно указанному проекту направлены на работу с:

1. Дети и подростками (относящимися к группе «социального риска» и нет);

2. Семьями, которые объединены в три основные группы:

- нормально-функционирующие семьи (благополучные);

- семьи с явной (открытой) формой неблагополучия: это так называемые конфликтные, проблемные семьи, асоциальные, аморально-криминальные и семьи с недостатком воспитательных ресурсов (в частности, неполные);

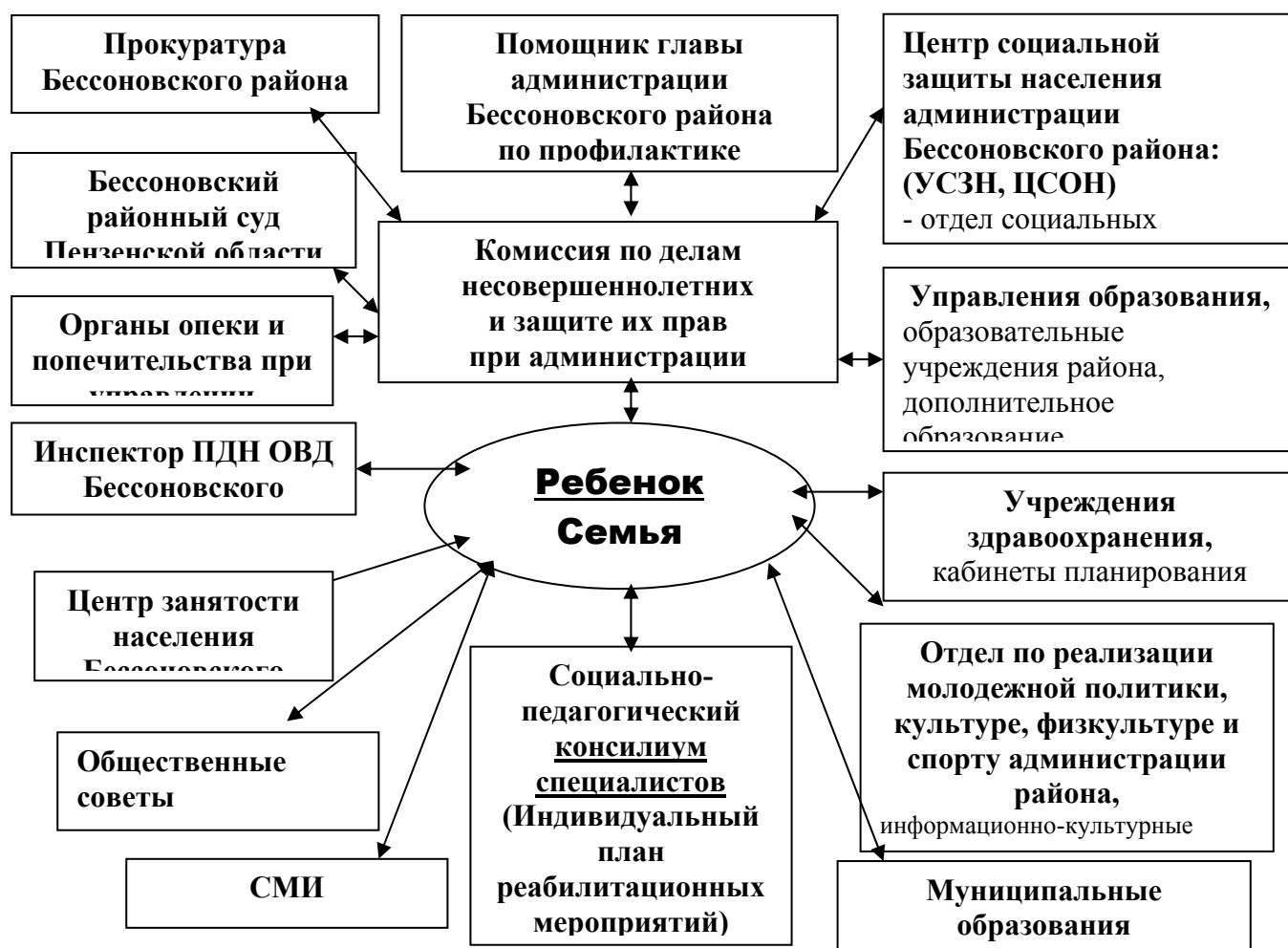
- семьи со скрытой формой неблагополучия: внешне респектабельные семьи, образ жизни которых не вызывает беспокойства и нареканий со стороны общественности, однако ценностные установки и поведение родителей в них резко расходятся с общечеловеческими моральными ценностями (члены семьи не уделяют внимания друг другу, в особенности родители детям; родители плохо относятся к детям, либо вообще их не замечают; вся жизнь характеризуется непостоянством и непредсказуемостью, а отношения между членами - ригидностью и деспотичностью; члены семьи озабочены отрицанием реальности, им приходится тщательно скрывать неприятные семейные тайны от окружающих; в правилах семьи значительное место занимают запреты свободно выражать свои потребности и чувства, часто используются эмоциональные репрессии. Жизнь детей в подобной семейной атмосфере становится невыносимой, превращает их в социальных сирот при живых родителях).

Организационно-управленческой формой координации деятельности по разрешению проблемы социального сиротства в Бессоновском районе Пензенской области является двухуровневая система комиссий. Это Межведомственная комиссия по делам

несовершеннолетних и защите их прав при администрации Бессоновского района (первый уровень) и комиссии при муниципальных образованиях (второй уровень). Подобная структура позволяет комиссиям всех уровней выстраиваться в управляемую вертикаль.

Организация деятельности по решению проблемы социального сиротства в Комплексном центре социальной помощи семье и детям Бессоновского района Пензенской области включает в себя использование различных технологий социальной работы. Необходимо отметить, что данная работа проводится в тесном межведомственном взаимодействии.

Реализация системы социально-педагогических, организационно-правовых, медико-психологических и иных мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, сиротству, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляется органами и учреждениями системы профилактики социального сиротства, связанных отношениями координации и/или субординации, представляющих следующую Модель межведомственного взаимодействия:

Рассмотрим, каким образом реализуется данная модель.

Основным звеном в организации социально-педагогических технологий по защите прав детей, проживающих в семьях группы риска и замещающих семьях, являются учреждения системы образования.

Первым звеном профилактической работы является детский сад.

В каждом дошкольном учреждении на территории района ведется определенная работа, в первую очередь, с семьей. В начале каждого учебного года составляются акты обследования неблагополучных семей. В течение всех лет пребывания ребенка в детском саду с родителями проводится систематическая работа по профилактике негативных явлений: ведутся сигнальные карты неблагополучных семей, имеющих несовершеннолетних детей, проводится активная работа с родителями по вовлечению их в процесс воспитания: совместные мероприятия с детьми (ярмарки, праздники, походы, экскурсии, выставки).

В каждом дошкольном учреждении оформляются стенды «Полезные и вредные привычки», «Если хочешь быть здоров», «Папа, мама, я – здоровая семья» и т.д. Кроме того, систематически проходят семейные дни здоровья, походы, конкурсы рисунков, оформляются папки-передвижки по данным проблемам.

Вторым звеном в системе воспитательно-профилактической работы с детьми все-таки является школа. Эта работа имеет два направления:

1. Меры общей профилактики;
2. Меры специальной профилактики.

Первое направление включает весь потенциал воспитательных мероприятий для всего контингента учащихся, так как все направления воспитательной работы – гражданско-патриотическое, художественно-эстетическое, спортивно-оздоровительное, трудовое – являются альтернативой негативных проявлений в поведении учащихся.

Второе направление предусматривает специальные меры профилактики и охватывает тех учащихся, которых выделяют в особую группу детей с девиантным поведением и детей «группы риска».

Ежегодно в октябре школами района представляется соответствующая информация в Управление образования, где она систематизируется, и это дает возможность Управлению образования владеть ситуацией в целом и по каждой школе отдельно.

Также систематически Управлением образования уточняются в РОВД списки учащихся, задержанных работниками милиции, в т.ч. за употребление спиртного; данные об учащихся, поставленных на учет в ПДН и списки учащихся, совершивших преступления. Данная информация доводится до сведения школ для проведения в дальнейшем индивидуальной работы с каждым несовершеннолетним.

Каждое образовательное учреждение района проводит первичную диагностику социально опасного положения несовершеннолетних и/или их семей через рассмотрение обращений граждан, специалистов учреждений системы профилактики, первичное обследование условий воспитания и проживания несовершеннолетних; организацию социально-

педагогического мониторинга. При необходимости образовательное учреждение осуществляет постановку на первичный учет и специалистами заполняется карта первичного (превентивного) учета несовершеннолетнего и/или его семьи. В негативно развивающихся случаях проводятся дополнительные диагностические мероприятия для получения наиболее полной картины социальной ситуации развития несовершеннолетнего (установление контактов с соседями, родственниками, работодателями родителей и т.д.) и подготовка материалов на заседание КДН и ЗП.

Значительная роль в воспитательно-профилактической работе ложится на классных руководителей, их в районе 212. Работа по профилактике ведётся классными руководителями совместно с родительским комитетом, Советом отцов, Советом бабушек и инспектором по делам несовершеннолетних РОВД. Составляется индивидуальный план реабилитации для ребёнка и его семьи, включающий в себя обследование жилищных условий, организацию ежедневного контроля, закрепление общественного воспитателя, создание условий для занятий несовершеннолетнего спортом и другой позитивной деятельностью. В случае ухудшения ситуации материалы направляются в автоматизированную систему ДЕСОП.

В каждом образовательном учреждении имеется график проведения родительских патрулей в местах массового скопления молодежи. К рейдам привлекаются классные руководители, ОМОД, главы сельсоветов. Результаты рейдов фиксируются в специальный журнал. Администрацией ежедневно осуществляется контроль посещаемости учебных занятий учащимися. С несовершеннолетними, которые систематически пропускают занятия и их родителями, проводится индивидуальная работа, с привлечением социального педагога, педагога-психолога, выясняются причины неблагополучия.

Следующим направлением профилактики социального сиротства на территории Бессоновского района Пензенской области является социально-медицинская помощь. Она осуществляется, как правило, учреждениями здравоохранения. В районной поликлинике функционируют 3 педиатрических участка, 2 участковых больницы, 4 врачебных амбулаторий, 17 ФАПов.

В детской консультации ЦРБ при каждом посещении ребенка с матерью, с целью профилактики социального сиротства, проводятся беседы и даются рекомендации по питанию, уходу, воспитанию, образу жизни ребенка.

Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» на территории Бессоновского района Пензенской области предусматривает следующие виды медицинского обеспечения неблагополучных семей:

- обеспечение бесплатными лекарственными препаратами детей до 3-х лет;
- обеспечение бесплатным питанием до 1 года жизни из малообеспеченных семей;

– дополнительная иммунизация против гриппа, полиомиелита, краснухи, гепатита В.

Участковыми службами осуществляется выявление проблемных семей, имеющих несовершеннолетних детей, после чего над ними организуется патронаж и наблюдение. На вновь выявленные семьи подаются сигнальные карты в учреждения социальной защиты населения.

Кроме того, в ЦРБ организован круглосуточный прием и содержание детей, оставшихся без попечения родителей и оказавшихся в социально-опасном положении. Осуществляется их медицинское обслуживание, оказание лечебной и консультативной помощи.

Медицинские работники постоянно участвуют в чтении лекций о здоровом образе жизни в образовательных учреждениях, учреждениях культуры, социальной защиты населения и т.п.

Особое внимание по профилактике социального сиротства уделяется работе наркологической службы Бессоновского района, деятельность которой осуществляется поэтапно:

1 этап. Своевременное выявление лиц, злоупотребляющих психотропными веществами, и имеющих зависимость к ним, в семьях, где есть несовершеннолетние дети, и мотивация их на лечение.

Выявление указанных лиц происходит с помощью всех ведомств и учреждений, участвующих в профилактике социального сиротства на территории Бессоновского района Пензенской области. Выявленное лицо направляется на консультацию к врачу психиатру-наркологу. Заключение о наличии или отсутствии врач заносит в учетную карточку.

2 этап. Оказание специализированной наркологической помощи.

На данном этапе проводится детоксикация, физиотерапия, индивидуальная психотерапия с установкой на здоровый образ жизни. Курс стационарного лечения, по согласованию с больным и отсутствием противопоказаний, заканчивается «кодированием».

3 этап. Социальная реабилитация и наблюдение за лицом, злоупотребляющим психоактивным веществом.

Диагностическое наблюдение осуществляется не реже 1 раза в месяц с занесением в карточку и паспорт пациента записи о его состоянии. В случае рецидива больной направляется на консультацию и лечение к наркологу.

Помимо этого, совместно с учреждениями социальной защиты района проводится работа с асоциальными женщинами (образ жизни – проституция, алкоголизм, наркомания и т.п.). Женщины вызываются на прием для стерилизации, введения ВМС, выдачи презервативов. Проводится осмотр на дому с целью исключения беременности, сопровождения на комиссию по прерыванию беременности (в случае согласия).

Деятельность органов и учреждений социальной защиты района направлена, как правило, на выявление социально неблагополучных семей, находящихся в социально опасном положении, в которых проживают

несовершеннолетние; осуществление социального патроната и социальной реабилитации; организацию сотрудничества с семьей с целью обеспечения условий для жизни и развития ребенка, контроль.

При Комплексном центре социальной помощи семье и детям Бессоновского района Пензенской области создан банк данных «ДЕСОП» (дети, находящиеся в социально опасном положении), который формируется согласно сведениям, поступающих из организаций и ведомств, входящих в систему профилактики безнадзорности несовершеннолетних.

Кроме того, на базе Центра в конце 2008 года были открыты:

- школа социально – педагогического сопровождения «Радуга»;
- школа для детей с ограниченными возможностями «Под парусом надежды».

Их деятельность направлена на укрепление статуса семьи как ведущего социального института; развитие различных форм семейного досуга; профилактику негативных социальных процессов в семье; изучение медицинского аспекта (занятия с медицинскими работниками в рамках цикла «Счастье материнства и отцовства», «Влияние неблагоприятных факторов на репродуктивное здоровье молодых»); интеграцию людей с ограниченными возможностями в общество и т.п.

Положительные результаты по приобщению родителей к активному участию в воспитании своих детей дают такие формы работы, как семейные клубы по интересам: клуб молодой мамы «Содружество», клуб доверия, Совет отцов, Советы бабушек и дедушек (филиал № 1, МДОУ ДС с. Бессоновка), школа для родителей (МДОУ ДС с. Грабово).

В районе созданы и работают детские общественные формирования, которые играют существенную роль в профилактике социального сиротства. Это детско-молодежная организация БАМ, отряды «Юные друзья милиции», «Юные инспектора дорожного движения», «Дружины юных пожарных», которые созданы при каждой школе. Основная их цель – профилактика правонарушений в подростковой среде и вовлечение детей «группы риска» в их деятельность.

Активизирована работа по социальному сопровождению несовершеннолетних, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, либо вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений.

Реализацией досуговых технологий в сфере профилактики социального сиротства занимается Центр детского творчества, основными направлениями деятельности которого являются:

- формирование здорового образа жизни;
- профилактика детского дорожно-транспортного травматизма;
- развитие детского общественного движения в районе;
- работа с одаренными детьми;
- организация содержательного досуга детей и подростков;
- возрождение сел и традиций.

Кроме того, реализацией досуговых технологий занимаются библиотеки, среди которых число читателей детского возраста на территории Бессоновского района составляет 4,5 тысячи. Помимо своей основной деятельности, библиотеки организуют для детей, состоящих на различных видах профилактического учета различные мероприятия: заседания клубов по интересам, встречи со специалистами различных ведомств, диспуты, дискуссии, познавательно-развлекательные программы, уроки доброты, выпуск и распространение памяток («Будь осторожен!», «Знай свои права»,...), буклетов («Курить – себе вредить», «Заповеди здоровья», «Как сказать нет»,...), закладок («Законы дружбы», «Телефоны доверия»,...).

Таким образом, результаты реализации проекта «Профилактика социального сиротства» на территории Бессоновского района Пензенской области позволяют говорить об улучшении психологического климата в семье, что даёт возможность сохранить её единство.

Внедрение новых форм работы профилактики социального сиротства позволяет сократить общее количество безнадзорных подростков; увеличивать число подростков, снятых с учёта по исправлению; увеличивать число подростков, снятых с учёта в связи с улучшением положения в семье; увеличивать количество лиц, пролеченных от алкоголизма; повышать уровень трудоустройства неработающих из неблагополучных семей; заинтересовывать неблагополучные семьи в разведении личного подсобного хозяйства.

Кроме того, новизна данного проекта состоит и том, что, во-первых, на уровне учреждений района впервые создана комплексная и многоуровневая система оказания помощи семье, во-вторых, внедрены социальные инновационные технологии: благодаря выработанной единой скоординированной системе действий, теперь проблемы семьи и детства решаются комплексно, помощь семье стала носить непрерывный и многопрофильный характер, т.к. работа с неблагополучной семьей стала предметом заботы специалистов различных учреждений, участвующих в реализации программы. Они используют различные формы для решения проблем семьи, которые обращены на актуализацию собственного потенциала развития семьи, помощь и поддержку любому ребенку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации.

Библиографический список

1. Технологии социальной работы по профилактике безнадзорности несовершеннолетних в учреждениях социального обслуживания семьи и детей: Научно-методическое пособие. / Под ред. Л.С. Алексеевой. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2001. – 126 с.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Старение населения является одной из социальных проблем, тревожащих в настоящее время почти все без исключения страны мира.

Старение населения приводит к целому ряду экономических и социально-медицинских последствий. Во многих странах в настоящее время около половины всех бюджетных средств, находящихся в распоряжении системы здравоохранения, расходуется на медицинское обслуживание пожилых людей. По мнению экспертов, в настоящее время в России около 1,5 миллионов граждан старших возрастов нуждается в постоянной социально-медицинской помощи. Для пожилых людей свойственны особые социально-медицинские проблемы: состояние здоровья и невозможность кардинально поправить его, недостаточное материальное обеспечение и отсутствие условий его повышения, одиночество и недостаток общения.

Пожилые люди стали отдельной демографической, социальной и медико-биологической категорией, требующей специального подхода к решению своих проблем.

Старение является разрушительным процессом, неизбежно развивающимся с возрастом в результате нарастающего повреждающего действия экзогенных факторов и ведущим к недостаточности физиологических функций организма. Старение приводит к уменьшению приспособительных возможностей организма, снижению его надежности, развитию возрастной патологии и увеличению вероятности смерти. Такие факторы, как стресс, болезни, активизация свободно-радикального окисления и накопления перекисных продуктов метаболизма, воздействие ксенобиотиков (чужеродных веществ), изменение концентрации водородных ионов, температурные повреждения, недостаточное выведение продуктов распада белка, гипоксия, воздействие ионизирующего излучения и т.д., ускоряют процесс старения и уменьшают продолжительность жизни. Отрицательно на продолжительность жизни влияют курение, избыточное употребление алкоголя, переедание, приводящее к ожирению, неправильный режим питания, сон менее 7 или более 8 часов, гиподинамия, неблагоприятная экологическая и социально-экономическая обстановка. Большое значение имеет состояние психики.

По мере старения в органах и системах развивается та или иная степень ограничений в жизнедеятельности пожилых и особенно старых людей. В выраженных случаях может наступать существенное сужение их физических возможностей, вплоть до состояния инвалидности, что приводит к зависимости от окружающих лиц, от общества. Формируются

своеобразные группы риска повышенной зависимости от посторонней помощи и социальной опеки.

За последнее время в Российской Федерации численность населения от 60 лет и старше возросла до 22,6 % (по прогнозам в 2014 году – 23,8 %, 2016 году – 24,8 %).

Прогрессирующее постарение населения ставит перед обществом задачу обеспечения достойной жизни людям преклонного возраста. К сожалению, с возрастом доля пожилых и старых людей, нуждающихся в социальной помощи, быстро нарастает.

Виды ухода, которые требуются пожилым с различными ограничениями дееспособности, имеют следующую иерархию:

- медицинская помощь – хирургические манипуляции, лекарственные препараты, приспособления для ухода, уход за полостью рта, физиотерапия, мануальная терапия;
- персональный уход – удовлетворение физических нужд в повседневной деятельности;
- работа по дому – приготовление пищи, уборка, поддержание порядка;
- социальная поддержка – помощь в общении с административными работниками, посетителями, дружеское общение;
- наблюдение – уменьшение риска для наиболее уязвимых старых людей;
- реабилитация – при наличии функциональных нарушений и хронических заболеваний для сохранения независимости и способности к самопомощи.

Российские исследователи Ю. М. Комаров и Э. Н. Матвеев отмечают, что во многих регионах страны пожилые люди предоставлены сами себе, что сравнимо с экспериментом на выживаемость. В первую очередь это относится к одиноким пожилым людям, которые рассчитывают в основном на помощь государства. Лишь 18,9 % заболевших имеют возможность обратиться к врачу. Из общего числа лиц пенсионного возраста в медико-социальной помощи нуждаются 21,8 %, из них в надомном обслуживании – 12,6 %. Социально-бытовую помощь на дому одиноким старым людям оказывают только социальные работники Центров социального обслуживания, ими охвачено лишь 34 % всех нуждающихся. Доля персонала Общества Красного Креста в оказании помощи составляет только 2,1 %. [См.: 6]

Согласно данным Л. Ф. Гуло, потребности пожилых людей в оказании им медицинской помощи на 50 % выше, чем у населения среднего возраста. Лица старше 60 лет, получающие помощь на дому, составляют 50 % всех, кто охвачен этим видом помощи. Постоянная помощь социальных работников требуется 25 % лиц старше 60 лет, это либо одинокие, либо семейные люди, не рассчитывающие на помощь родственников. [См.:3]

М. В. Потехина отмечает, что каждый пятый пожилой хочет, чтобы ему во время болезни доставлялись на дом продукты питания и лекарства, а также предоставлялась помощь по уходу. В целом по России около 1,5 млн. граждан старших возрастов нуждаются в постоянной посторонней помощи и социальных услугах.

В. В. Егоров при исследовании потребностей пожилых людей в госпитальной помощи выявил, что 16 % нуждаются в лечении в многопрофильной больнице, 11 % – в пребывании в пансионате, в 9 % случаев – помещение в стационар сестринского ухода. В возрастной группе 60-69 лет в госпитализации в реабилитационные отделения длительного пребывания нуждаются 10,6 % пожилых, в возрасте 70 лет и старше – 25,9 %. Потребность в госпитализации для интенсивного кратковременного лечения составляет в группе лиц 60-69 лет – 16,0 %; в группе 70 лет и старше – 23,1 %. В активном наблюдении в условиях амбулаторно-поликлинических учреждений нуждаются соответственно 34,0 % и 41,2 % больных. [См.: 6]

По данным исследования И.Л. Нефедовой уровень госпитализации отставал в группе обследованных пожилых от потребностей в два раза; в целом потребность в госпитализации составляет 28 %.

Исследователи констатируют, что потребности в домах-интернатах в России не удовлетворяются, а высокая потребность пожилых в медико-социальной помощи превышает ресурсные возможности здравоохранения.

По данным О. В. Белоконь, самый высокий процент тех, для кого жизнь потеряла ценность, составляют пожилые в сельской местности. У сельских пожилых достоверно хуже материально-бытовые условия, ниже уровень материального достатка, значительное их количество живет за чертой бедности, не имеет возможности рационально питаться, [См.: 1]

Данные исследования В. М. Кеуш показали, что при оценке характера питания, только 32 % мужчин и 35 % женщин получают, по их мнению, сбалансированное и полноценное питание. Более сложно положение лиц проживающих одиноко или изолированно от родных. Питание сельского населения, традиционно связано с производством своих продуктов питания (мясо-молочных, яиц, овощей), поэтому ухудшение состояния здоровья у пожилых людей, проживающих отдельно, не позволяет производить многие из этих продуктов. Ухудшение питания у пожилых, проживающих отдельно, связано не только с состоянием здоровья, но и с низким доходом (84,6 % из них относятся к малоимущим).

Низкий образовательный уровень, многолетний тяжелый физический труд в сельском хозяйстве, высокий показатель одиночества, приверженность вредным привычкам являются факторами отрицательного воздействия на уровень и структуру заболеваемости данной возрастной группы. Результаты ряда исследований выявили, что у сельских пожилых чаще отмечаются симптомы, свидетельствующие о неудовлетворительном психологическом статусе: повышенная

раздражительность, склонность к конфликтам, сложные отношения с окружающими людьми, снижение интереса к жизни.

Следует отметить, что высокие показатели заболеваемости сельского населения старшего возраста в отличие от городского, обусловлены, вероятнее, вследствие относительно низкого уровня доступности к получению высококвалифицированной медицинской помощи. Уровень заболеваемости в 2 раза, а в старческом возрасте – в 6 раз выше, чем среди людей молодого возраста. До 80 % пенсионеров по старости нуждаются в медико-социальной помощи. В среднем у каждого пожилого человека, проживающего в сельской местности, регистрировалось 4,3 заболевания; с увеличением возраста количество заболеваний возрастало. По некоторым группам болезней заболеваемость превышала показатели, зарегистрированные у лиц старше трудоспособного возраста, проживающих в городской местности в 1,4-2,3 раза, [См.: 2]

В комплексе мер социально-медицинского характера, направленных на охрану здоровья лиц старших возрастов, особое место занимает деятельность как стационарных учреждений социально-медицинской помощи, так и учреждений внебольничной формы социально-медицинской помощи (гериатрические больницы, гериатрические отделения для длительного пребывания, госпиталь ветеранов войны, дом-интернат, дома сестринского ухода, хоспис, гериатрический центр, гериатрические кабинеты в поликлиниках, дневные стационары в амбулаторно-поликлинических учреждениях, стационары на дому, центры социального обслуживания, социальные жилые дома и др.).

Человечество стареет и это становится серьезной проблемой, решение которой должно вырабатываться на глобальном уровне. Необходимо улучшить качество жизни данной категории людей, сохранить их социальный и психологический статус. Чтобы сделать жизнь пожилых людей по настоящему качественной и благополучной, необходимо принимать меры по укреплению их здоровья. По мнению большинства специалистов, огромное значение в повышении качества жизни лиц пожилого возраста, в сохранении здоровья и физической работоспособности приобретает физкультурно-оздоровительная работа.

Физкультурно-оздоровительная работа представляет собой систему мероприятий, направленных на повышение функционального состояния организма человека средствами физической культуры.

Существуют разнообразные направления реализации физкультурно-оздоровительной работы, которая оказывается населению государственными, общественными, коммерческими организациями, а также самостоятельно гражданами в виде групповых или индивидуальных занятий. При этом используются самые разнообразные физкультурно-оздоровительные технологии (оздоровительная ходьба, плавание, подвижные игры, популярные танцы, профилактическая гимнастика, закаливание, мышечная релаксация и др.).

Физкультура для пожилых людей имеет свои особенности, так как в пожилом возрасте наступают изменения в работе сердечно-дыхательной системе, мышечном и связочном аппарате, нервной и других систем. Физкультура для пожилых людей делает упор на повышение общей выносливости, гибкости, координации движений, а упражнения на развитие силы и скорости имеют намного меньшее значение.

Физкультура для пожилых людей уделяет большое внимание самоконтролю и врачебному контролю в процессе физкультурных занятий. Самоконтроль основывается на субъективной оценке самочувствия, сна, аппетита, пульса, веса, дыхания.

Результатом занятий физкультурой в пожилом возрасте является способность предотвратить развитие различных нарушений в организме, причиной которых является гипокинезия. Занятия физкультурой благотворно действуют на организм, укрепляется костная и мышечная системы, увеличивается амплитуда подвижности суставов. Глубокие и ритмичные дыхательные движения помогают правильному кровообращению, оказывая большое воздействие на сердечную деятельность.

Активная физкультурно-оздоровительная работа с лицами старших возрастов проводится в учреждениях социальной защиты населения Российской Федерации. Наглядным примером такой деятельности является Талицкий дом-интернат для престарелых и инвалидов (г. Талица, Свердловская область). [См.: 5] Физкультурно-оздоровительная деятельность включает в себя утренний комплекс лечебной физкультуры, фитотерапию. Желающие (по показаниям врача и под наблюдением медицинской сестры) занимаются на беговой дорожке и велотренажере. Ежедневно зимой и летом, наслаждаясь красотой северной природы, пожилые люди совершают оздоровительные прогулки по территории дома-интерната, который окружен лесами и полями.

Талицкий дом-интернат является той социальной средой, в которой престарелые люди живут долгие годы. Состояние физического и психического здоровья зависит не только от медицинской помощи, обстановки обслуживания, но и от мероприятий, направленных на улучшение здоровья, поднимая моральных дух.

Интерес вызывает физкультурно-оздоровительная и профилактическая работа, организованная в геронтологическом центре г. Югры Ханты-Мансийского автономного округа. [См.: 4] Практическая деятельность центра строится, исходя из комплексного взгляда на старение как на сложный биосоциальный процесс, и направлена на повышение работоспособности старшего поколения, повышение уровня здоровья пожилых людей, повышение физической и психической активности старшего поколения, профилактику заболевания, замедление процесса старения, увеличение продолжительности жизни.

В центре проводится методическая работа (проведение лекций, подготовка методических рекомендаций), а также организуются

физкультурно-оздоровительные занятия для пожилых людей. Основная и наиболее эффективная форма проведения физкультурно-оздоровительных занятий с лицами пожилого возраста в геронтологическом центре – это школа здоровья, где методом погружения проводится обучение комплексной методике оздоровления, включающей в себя духовное и нравственное развитие, физические упражнения, оздоровительное питание, закаливающие и очистительные процедуры, дыхательную гимнастику, самомассаж и психорегуляцию. В качестве дополнительных форм проведения оздоровительных занятий с лицами пожилого возраста используются ежедневный утренний бег длительностью до 1 часа и самостоятельные занятия, а также проводится обучение танцевальной гимнастике и гимнастике для суставов.

Огромный интерес вызывает организация физкультурно-оздоровительной работы Краснодарского геронтологического центра. Здесь одним из методов оздоровления выбрана классическая методика лечебной физкультуры, которая поддерживает и развивает функцию основных систем организма и предупреждает преждевременное старение, играет существенную роль при лечении внутренних болезней, особенно при заболеваниях сердечно-сосудистой и дыхательной систем применяется при заболеваниях нервной системы, при травмах и заболеваниях опорно-двигательного аппарата. Применение лечебной физкультуры повышает эффективность комплексной терапии больных, ускоряет сроки выздоровления и преграждает дальнейшее прогрессирование заболевания. Основными физкультурно-оздоровительными технологиями являются утренняя гигиеническая гимнастика, лечебная гимнастика, оздоровительная ходьба и бег, ближний и рекреационный туризм.

В качестве примера организации физкультурно-оздоровительной работы с пожилыми людьми также можно рассмотреть деятельность физкультурно-оздоровительных комплексов в Пензенской области. Например, в областном центре в ФОКе «Спутник» организованы группы здоровья для пожилых людей. Занятия по оздоровительной гимнастике проходят в лесной зоне на Олимпийской аллее. Здесь можно встретить пожилых людей, катающихся на велосипеде, роликовых коньках, а также энергично шагающих с палками в руках, они осваивают новую оздоровительную технологию – скандинавская ходьба, которая улучшает работу сердца и лёгких, уменьшает давление на колени и суставы.

В спортивном зале проводят занятия по восточным танцам. Известно, что каждое движение танца прорабатывает определенную группу мышц, существенно улучшая походку и координацию, тем самым предотвращая падение и серьезные переломы. В плавных восточных танцах не требуется акробатической ловкости, зато они пробуждают природную грацию, которой одарена практически каждая представительница прекрасного пола. Занимающиеся стараются выполнять движения правильно, внимательно наблюдая за действиями инструктора. А инструктор бодро командует, поправляет, помогает и подбадривает пожилых «учениц»,

стараясь поддержать положительный эмоциональный настрой. Во дворце водного спорта «Сура» для пожилых людей организованы занятия по плаванию.

Таким образом, поддержание физического состояния пожилых людей и их оздоровление является не только гуманитарной, но и социально обусловленной, экономически оправданной задачей.

Библиографический список

1. Белоконь О. В., Иванкова Л. В., Стародубов В. И. Качество жизни пожилых (по результатам опросов). М., 2003.
2. Злобин А. Н. Заболеваемость и потребность пожилого и старческого возраста в медико-социальной помощи // Врач. 2003. № 2. С. 43-44.
3. Карюхин Э.В. Потребности пожилых людей в медико-социальной помощи // http://shemshur.narod.ru/Portfolio/Sv_Dim_school/Old_Age_Problems_2.pdf
4. Социальное обслуживание Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Геронтологический центр» // www/gerontologia.surgut.ru
5. Талицкий дом-интернат для престарелых и инвалидов// <http://starikam.ru/dp/info/talica>
6. Чернышкова Е.В. Медико-социальные риски пролонгирования активного образа жизни пожилых людей // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 3 (часть 2). С. 358-361//www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7982168

Т. В. Терёхина

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЦЕССА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблема интегрированности социальной системы представляет собой важнейшую проблему, от решения которой зависит судьба общества. Стабильность, прочность социальной структуры российского общества в настоящее время связана не только с ее макросоциальными характеристиками; не меньшую роль здесь играет устойчивость этой структуры на уровне отдельных организаций.

Известно, что уровень доверия в обществе, по мнению многих социологов, во многом определяет его качественные характеристики. Но доверие формируется прежде всего на микросоциальном уровне, в процессе общения человека с его непосредственным окружением. Следовательно, трудно переоценить значение трудовых коллективов в данном процессе. Групповая интегрированность на уровне организации в значительной степени определяет уровень интеграции всей социальной системы.

Присвоение же группового видения, группового менталитета зависит, прежде всего, от того, в какой степени индивид осознает свою принадлежность к тому или иному культурному сообществу. По отношению к организации это означает самоопределение в терминах

отнесения себя к компании и связано с проблемой организационной идентичности как переменного конструкта, выражающего отношения между организацией и персоналом.

Говоря об идентичности как элементе организационной культуры, мы должны несколько сузить объем данного понятия и трактовать этот феномен, прежде всего как особое проявление социальной (групповой) идентичности, выражающееся в формировании чувства принадлежности к коллективу людей, объединенных в организацию.

Процесс принятия культуры организации и отождествления себя с членами трудового коллектива в значительной степени осуществляется через взаимодействие между новичками и «агентами» организационной социализации. «Агентами» аккультурации для нового члена организации выступают представители референтной группы, другие новички, непосредственный начальник, наставник и др. По мере, того как новичок постепенно превращается в «своего», он проходит через множество разнообразных межличностных процессов, которые затрагивают многие задачи социализации: от овладения навыками конкретной производственной деятельности через создание ролевых отношений в группе до действительного вживания в организацию и приобщения к ее культуре.

Рассмотрим процесс взаимодействия между новичками и «агентами» социализации подробнее, опираясь на взгляды Т. Н. Персиковой. [1: 106; 201]

Отношения в группе. Сотрудники каждой организации обладают набором неких «надежных рецептов»: в процессе совместной деятельности, основываясь на общих идеях, они вырабатывают свои методы решения проблем в различных ситуациях. Наблюдая за членами релевантной (референтной) группы и общаясь с ними, новичок осознает не только свое место в группе, но и нормы группы, ее ценности и отношения в ней. Кроме того, члены рабочей группы, ежедневно помогают новичку в понимании происходящего и в решении многих проблем, дают ему представление о неформальных ролях, принятых в организации методах и подходах. Следовательно, взаимоотношения с равными сотрудниками в группе облегчают социализацию, в частности овладение групповой культурой, включая ее нормы, ценности, отношение к работе и осознание своего места в производственных ситуациях, способствуют непосредственному вхождению новичка в коллектив и его идентификацию с ним.

Отношения на индивидуальном уровне. Иногда вместо группы или в дополнение к ней новичок вступает в отношения с одним членом коллектива, учась у него, как понимать определенные производственные ситуации и вести себя в них, подражая своему опытному коллеге и тем самым часто вырабатывая к нему определенную эмоциональную привязанность. Как показали исследования [См.: 3], именно ежедневное

общение с равными по положению сотрудниками оказывается наиболее полезным в ориентации на новом месте в процессе социализации.

Общение с другими новичками. Такие агенты аккультурации также используются для помощи при вхождении в новую организацию. Обычно новичкам проще обратиться к таким, как он сам, особенно в неясных ситуациях. Но другие новички, хотя и могут оказать эмоциональную поддержку, порой тоже не способны объяснить непонятные вещи, действия или ситуации, а значит, могут дать неверную информацию. Следовательно, процесс аккультурации будет сложнее, если новичок общается в основном с себе подобными: он может не заметить важные правила или категории и ему потребуется больше времени для «вхождения» в корпоративную культуру.

Отношения с руководителем. Непосредственный начальник, выступает как официальный носитель корпоративной культуры, соответственно первоначально может вызывать меньше доверия у новичка, в силу стереотипов сложившихся в обществе относительно «начальников». Со временем новичок может установить со своим непосредственным руководителем другие отношения, выходящие за рамки официальных ролей, но это вряд ли возможно на начальном этапе социализации, поскольку руководитель, как правило, видит и понимает корпоративную культуру не так, как подчиненный. Следовательно, непосредственный начальник в меньшей степени, чем равный сотрудник, способствует аккультурации новичка, во-первых, потому что он в меньшей степени владеет необходимой информацией о внутренних, скрытых силах взаимодействия в организации на низшем уровне, а во-вторых, потому что подчиненные реже обращаются к нему за помощью.

Отношения с наставником. В отличие от непосредственного начальника наставник не обязательно должен иметь формальные иерархические отношения с новичком. Выбор наставника и подопечного должен осуществляться по взаимной договоренности и добровольно. При этом компания должна культивировать престижность наставничества, позиционировать его как ступень карьерного и профессионального роста, особенно среди социометрических «звезд».

Наставник дает новичку меньше необходимой информации о сиюминутных задачах, чем другие агенты социализации, он скорее снабжает его общими знаниями и представлениями о прошлом и будущем компании. В этом его сильные и одновременно слабые стороны: представляя широкую, порой абстрактную картину корпоративной культуры, наставник не способен подсказать новичку, как решать каждодневные проблемы, в чем лучше бесспорно справляются члены релевантной группы. Следовательно, взаимоотношения с наставником, во-первых, облегчают процесс приобщения к корпоративной культуре в широком смысле слова (к ее идеологии, корпоративным ценностям, исторической перспективе организации) и, во-вторых, облегчают процесс

аккультурации, в частности, в понимании новичком его роли и места в организационной культуре.

Таким образом, после того как новый сотрудник переживет первый «культурный шок», связанный с организационными и социокультурными вопросами, следующим шагом будет необходимость соотнесения себя с той или иной категорией членов коллектива, а уже затем овладение им необходимыми культурными ценностями, принятыми в данном трудовом коллективе и в конкретной организации, что и осуществляется в процессе организационной социализации.

Связь явлений социальной адаптации и социализации отмечается многими исследователями, большинство из них считают социальную адаптацию одним из механизмов социализации, позволяющим личности (группе) активно включаться в разные структурные элементы социальной среды путем стандартизации повторяющихся ситуаций, что дает личности (группе) возможность успешно функционировать в условиях динамичного социального окружения.

Процесс адаптации вновь прибывшего сотрудника характеризуется в отечественной литературе прохождением следующих стадий [2: 173].

1. Стадия ознакомления, на которой работник получает информацию о новой ситуации в целом, о критериях оценки различных действий, о нормах поведения.

2. Стадия приспособления – на этом этапе работник переориентируется, признавая главные элементы новой системы ценностей, но пока продолжает сохранять многие свои установки.

3. Стадия ассимиляции, когда осуществляется полное приспособление работника к среде, идентификация с новой группой.

4. Идентификация, когда личные цели работника отождествляются с целями трудовой организации, предприятия, фирмы, акционерного общества и т. д.

В данной последовательности стадий процесса адаптации идентификация с коллективом также рассматривается как конечная цель адаптации, а значит и социализации. Повторимся: мы понимаем идентификацию (коллективную идентичность) как механизм социализации, как изначальное условие успешности процесса адаптации. Её наличие становится отправной точкой в познании и понимании особенностей представителей коллектива и в построении взаимоотношений с социальным обществом (организацией), в принятии их норм, правил и целей. Другими словами, идентификация облегчает взаимное приспособление людей и создает условия для адаптации личности к определенным образцам поведения.

По характеру идентификации с организационным окружением О.В. Ромашов [2: 173]. различает три категории работников: «безразличные», «частично идентифицированные» и «полностью идентифицированные», когда ценность наполняет смыслом существование человека, «захватывает» полностью мотивационную и эмоционально-

волевою сферу личности, заставляя подчинять свое поведение этой ценности. Хотелось бы отметить, что ценность, обуславливающая коллективную идентификацию, далеко не всегда соответствует содержанию трудовой деятельности, декларируемых особенностей организационной культуры, для многих важнейшим фактором желания работать в конкретном коллективе является просто возможность межличностного общения с сослуживцами, успешность группы или просто меркантильный интерес.

Для того чтобы добиться желаемой идентификации вновь прибывших сотрудников с культурой организации необходимо проводить целый комплекс последовательных мер, которые должны быть тщательно спланированы, и иметь своей целью вызвать у человека ощущение, что его ждали, к его приходу готовились. Это позволит уменьшить естественную для новичка боязнь провала и тревожность за свое будущее, избежать на первых порах многих ошибок, сформировать позитивное отношение к новому окружению и обязанностям, повысить чувство принадлежности к коллективу, тем самым – снизить вероятность разочарования и досрочного ухода.

Библиографический список

1. Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учеб. пособие. М., 2004.
2. Ромашов О. В. Социология труда: Учеб. пособие. М., 2001.
3. Смирнова Н. Организационная культура промышленных предприятий: исследование немецкого строительного концерна / Н. Смирнова // http://www.zdes.spb.ru/text/Organisationskultur_Artikel_2005.

О. Ю. Нестеренко
ПГПУ им. В.Г. Белинского

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОДХОДОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XII-XVII ВВ.

Оформление государственных подходов к оказанию социальной помощи в отечественной теории и практике социальной работы, по сути, идет параллельно с формированием восточнославянского государства Киевская Русь. Одним из неотъемлемых признаков государства является наличие централизованной власти, в древнерусском государстве - в лице князя. С разрушением родоплеменных связей решение всех основных политических, экономических и социальных задач, к которым, естественно, относится и оказание социальной помощи и поддержки, вошло в обязанности князя как верховного правителя.

Социальная практика князя складывается в условиях разложения первобытнообщинного строя и становления феодального государства под

влиянием языческих традиций, с одной стороны, и христианской религиозной этики – с другой. Таким образом, можно говорить о внешних факторах ее формирования (политические и экономические условия) и внутренних (социокультурные условия). Эти факторы определили две точки зрения на характер княжеской поддержки в российской исторической науке: согласно первой, ее рассматривают и оценивают как деятельность индивидуальную, мотивированную нравственными побуждениями, согласно второй - как общественную, в основе которой была положена политическая необходимость. Так, исследователи XIX в. рассматривали благотворительную деятельность князей как древнейшую форму общественного призрения (А. Стог) и трактовали княжескую систему поддержки как благотворение на основе внутренних, индивидуальных мотивов и потребностей отдельных личностей в контексте христианских представлений о сущности милосердия (Е. Максимов). В XX в. княжеское «нищелюбие» понималось как феномен социально-политических отношений в «зарождающемся классовом обществе», служащий средством поддержания авторитета власти и механизмом ослабления социальной напряженности (В. Горемыкина) [1: 31].

Эти точки зрения не являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Функция князя по сохранению «внутреннего порядка» являлась не личной, а общественной, и обеспечение социальной поддержки нуждающихся было не только способом достижения общественного равновесия, но и необходимым условием сохранения единства государства, которого не могла бы обеспечить неавторитетная власть. В то же время политические мотивы поддержки не отрицают личностных. Владимир Мономах в своем «Поучении» говорил о двух ипостасях князя, который имеет обязанности личные, христианские (благотворительность), и общественные, связанные с ответственностью перед миром.

Признание наличия «политической составляющей» в мотивации социальной деятельности князя уже позволяет говорить о государственном подходе к оказанию помощи и поддержки.

Изучение вопроса об отражении процесса становления государственных подходов к социальной помощи в памятниках древнерусской литературы осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, в исследуемый период нелогично было бы искать прямых аналогий с привычными для нас сегодня способами социальной поддержки, которые формировались и трансформировались параллельно с изменяющимися культурно-историческими условиями в течение одиннадцати веков. Во-вторых, христианизация славянского мира повлекла за собой бурное развитие литературы, прежде всего, переводной, имеющей религиозно-нравственное содержание. Интересующие же нас факты в большей степени присутствовали в текстах оригинальных произведений так называемых светских, мирских жанров (к таковым

можно отнести историческую повесть, сказание, путешествие и т.п.), которых было сравнительно немного и которые испытывали значительное влияние христианской этики.

Выше уже отмечалось, что многие действия князя можно определить как формы социальной поддержки только с известной долей условности, поэтому, учитывая данное обстоятельство, выделим два направления в социальной деятельности князя: создание правовых и экономических основ социальной защиты и поддержки и непосредственная помощь.

Так, в «Повести временных лет», выдающемся историческом и литературном памятнике XII в., договор князя Олега с греками включает пункт, устанавливающий право жены человека, совершившего убийство, на долю его имущества: «Если кто убьет – русский христианина или христианин русского, - да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону» [4]. Под датой «971 год» сообщается, что князь Святослав одержал победу над греками и согласился не разрушать их столицы в обмен на предложенную греческими боярами дань: «И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его», тем самым создавался механизм государственной поддержки дружинников и формирования ее финансовой базы за счет дани, которая распределялась на все города князя (во многих случаях встречаем перечень городов, которым поверженный враг должен был выплачивать дань, начиная с княжеской столицы) и на всех дружинников. В упоминавшемся выше договоре Олега с греками находим такой эпизод: «И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу» [4].

Самой распространенной формой непосредственной помощи в этот период становится такое явление, как «княжеское нищепитательство», облаченное в форму княжьих праздников, на которых не только кормили всех, кто приходил, но и раздавали еду, а также милостыню. Так, в 996 году по случаю окончания строительства церкви Преображения господня в Васильеве, Владимир «устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал много богатства».

Другим поводом для празднования стало удачное спасение князя Владимира от печенегов у Васильева: «Избегнув опасности, Владимир, точно, построил церковь и устроил великое празднование, наварив триста мер меду. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успения святой богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и

телом. И так делал постоянно». Последняя фраза нацеливает на возведение подобных деяний в ранг перманентно действующей программы социальной защиты. А следующая цитата может быть расценена как свидетельство о первичных формах социального надомного обслуживания: «Устроил он такое: сказав, что «неможные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлеба, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое» [4].

В литературных памятниках также находим сведения о других пирах, организованных на разных основаниях: в 1070 г. в честь рождения сына Мстислава князя Всеволод закладывает церковь Святого Михаила во Всеволожском монастыре и устраивает пир; в 1148 г. Изяслав Мстиславич устраивает пир по случаю своего прибытия в Новгород и «гуляет» вместе с народом; в 1195 г. Рюрик Ростиславич дает пир в честь Давида Смоленского, куда приглашаются не только знатные люди, но и «торки, черенцы и нищие».

Образцовым во многих отношениях, в том числе и с точки зрения вопросов оказания помощи, в древнерусской истории и литературе стало княжение Владимира Святого. С правления Владимира начинается формирование представления о важнейших функциях социальной поддержки, таких как кормильчество, помощь, защита, материальная достаточность.

Однако возведение княжеского нищепитательства в ранг обязательной программы было бы ошибкой. В летописях практически не зафиксировано его проявление в экстремальных ситуациях: во время голода, мора, наводнений, хотя в средневековой России более сорока лет в общей сложности приходится на голодные годы. По подсчетам М. Фирсова, летописи сообщают об этом примерно каждые семь лет, в иных случаях голодное время продолжалось два-три года. Отсутствие свидетельств о проявлении милосердия в эти периоды приводит М. Фирсова к выводу о том, что проблемы массового голода находились вне княжеского попечения, поскольку требовали длительных форм помощи, которые еще не были выработаны практикой княжеской общественной поддержки.

Кроме того, князья как благотворители, строили некоторые учреждения поддержки, например, больницы.

Со второй половины XII в. осуществляется переход от личной помогающей деятельности князя к организации социальной поддержки посредством все более развивающихся религиозных учреждений.

В период феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига деятельность князя направляется на восстановление разрушенных в ходе междоусобиц и набегов кочевников городов и церквей, объединение разбежавшихся жителей, осуществление санитарно-эпидемиологических мер. Так, в 1238 г. князь Ярослав Всеволодович вел во Владимире следующую деятельность: «Первою заботой князя было очищение

стольного города от трупов, которыми наполнены были не только улицы, дворы и жилища, но и сами храмы; нужно было собрать и ободрить разбежавшихся от татарского нашествия жителей» [4]. Захоронение в скудельницах, братских могилах, в тот момент имело очень важное социальное значение, поскольку предотвращало распространение различных моровых поветрий. Подобной же деятельностью занимался князь Александр Невский: «После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: "Князь хороший в странах - тих, приветлив, кроток, смиренен - и тем подобен богу". Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и бог помогает, ибо бог не ангелов любит, но людей, в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое» [4]. И Юрий Всеволодович: «Был Юрий милостив безмерно, помня слово господя: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Поэтому он не дорожил своим имуществом, раздавая его нуждающимся; он строил церкви, украшая их иконами бесценными и книгами, и много городов основал, прежде всего Новгород второй на Волге в устье Оки, и многие церкви воздвиг и монастырь святой Богородицы в Новгороде. Особенно же почитал он иноков и священников, наделяя их всем необходимым. Поэтому и бог выполнял его просьбы, и было мудро правление его. И сидел Юрий во Владимире на отеческом престоле двадцать четыре года, а на двадцать пятый год был убит безбожными и погаными татарами. И все это произошло из-за наших грехов» (Лаврентьевская летопись, 1239 г.) [4].

Из сказанного выше можно так же сделать вывод, что патерналистский контроль государства над становлением института церкви, которой впоследствии будет делегирован ряд функций по оказанию социальной помощи и защиты целесообразно рассматривать именно как деятельность в рамках формирования системы социальной поддержки.

Новый этап оформления государственных подходов к вопросам оказания социальной помощи начинается с XIV в. - периода возвышения Москвы, вокруг которой постепенно консолидируются русские земли. В литературе этого времени главными становятся темы, отражающие актуальные исторические события, – тема борьбы с иноземными поработителями и тема политического объединения Руси вокруг единого центра, укрепления Русского государства во главе с сильным правителем. Одним из главных признаков сильного и справедливого правителя становится его способность позаботиться обо всех своих подданных, которых по мере расширения границ страны становится все больше и больше. Данная цель требовала конкретных и масштабных мер, которые уже не в силах был осуществить великий князь (а затем – государь всея

Руси) единолично, поэтому по мере развития структуры управления государства возникали ведомства, которые брали на себя функции «защиты и наряда». С создания этих ведомств, по словам М. Фирсова, намечается тенденция образования непосредственно «государственных реципрокных институтов» [1, 66]. Деятельность вновь создаваемых ведомств требовала документальной регламентации, что спровоцировало активное развитие деловой письменности и заложило основы государственного законодательства, в том числе и в сфере социальной поддержки и защиты. Законодательные акты заменили княжеские нравственные императивы категориями государственного должествования, нормативности. Так, П. М. Строев и К. Ф. Калайдович, рассуждая о причинах появления Судебника 1497 г., писали: "...с возвращением свободы и политической самобытности, отечество наше имело надобность в лучшем образовании внутреннего управления" [3]. Хотя имели место и такие случаи, когда те или иные постановления появлялись ранее учреждений, которые могли бы их реализовать. Например, решение Стоглавого Собора 1551 г. о выкупе пленных начинает реализовываться в полной мере только с 1668 г., когда появляется Полоняничный приказ. Учитывая данные обстоятельства, основное внимание мы сосредоточим именно на текстах делового содержания, к которым относятся различные указы, судебники и т.п.

Наибольший интерес в рамках нашего исследования представляют собой два судебника – Судебник 1497 г. (созданный при Иване III Васильевиче) и Судебник 1550 г. (созданный при Иване IV Грозном) – памятники права, освещавшие вопросы экономического, политического и социального развития, уложения, или уставные грамоты, даваемые великими князьями различным областям государства для вершения ими суда, указы, а также Стоглав.

Итак, в Судебниках, были определены категории клиентов государства и церкви: «клиентами церкви» признавались попы, дьяконы, чернецы, старые вдовицы, «нищие, которые питаются от Церкви Божьей милостью», но так называемые бельцы - люди, которые покупали себе право жить в монастырях в рамках ктиторской монастырской системы, выводились из их числа: «А торговым людем городским в монастырех не жити, а жити им в городских дворех, а которые торговые люди учнут жити на монастырех, и тех с монастырех сводити, да и наместником их судити. А на монастырех жити нищим, которые питаются милостынею от церкви Божии» [3]. Продолжая и углубляя политику централизованного государства, Судебник 1550 г. усиливает защиту прав служилого дворянства и детей боярских. Он вводит ограничение права выкупа родовых вотчин (ст. 85: «»); отменяет выдачу тарханских грамот и предусматривает отобрание старых (ст.ст. 43, 91); запрещает кабалить детей боярских (ст. 81: «А детей боарьских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит»); вводит льготы для учинения исков и

заклучения сделок служилыми людьми; освобождает дворянство от подсудности бояр-наместников, предоставляя ему право судиться непосредственно царем [3]. Таким образом, Судебники, с одной стороны, начинают процесс реформирования института нищенства, упорядочивая проживание нуждающихся в монастырских стенах и анализируя нищего с точки зрения его потенциальной способности или неспособности кормиться самостоятельно, а с другой – определяют новые категории клиентов, к которым относят лиц, стоящих на защите интересов государства – пленных и «государевых служащих», а также их родственников.

Дальнейшее развитие правовых основ помощи и защиты нуждающихся осуществлялось в Стоглавом Соборе 1551 г. В тексте этого документа просматривается попытка типологизировать нуждающихся, выделив две категории: «чернецы и черницы» и люди «нецерковные», к которым причислялись прокаженные, колосные, престарившиеся, «в коробех лежащие», «на тележках и на санех возящих», «не имущих, главы где преклонити». В отношении первых предусматривались следующие действия: «И тех чернцов и черниц собирать, да, переписав, розослати по общим монастырем. И которые чернцы и черницы здоровы телом, и тех бы (...) посылали в монастырские службы, где кто достоин служить и тружати, в коейждо святей обители на святую братью своего ради спасения и за свой вклад. А которые будут чернцы стары или больны, не могут делати и под началом быти, и они бы их в тех же монастырех общих устроили в больницах пищею и одежею с прочими братьями, да велели бы их отцем духовным каяти и поучати, чтобы жили в чистоте и в покаянии, и в прочих добродетелех, и во благодарении ко всесильному богу, и творили бы безпрестанно молитву Иисусову, елико, их сила; и скорби, и болезни терпели со благодарением, да не лишени будут мзды от бога; и молили бы бога за царя, и за всех православных хрестьян о всех полезных. И благочестивому царю, и митрополиту, и владыкам достоит за всех тех, старых и болящих, по всем монастырем общим из своей казны вклад за них давати, как ему, царю и государю, бог известит» [2]. В отношении вторых предусматривались иные меры: «Да повелит благочестивый царь всех прокаженных и престаревшихся описать по всем градом, опроче здоровых строев. Да в коемждо граде устроити богадельни мужския и женския, и тех прокаженных и престаревшихся, не могущих нигдеже главы подклонити, устроити в богадельнях пищею и одежею. А боголюбцы милостыню и вся потребная им приносят же своего ради спасения. Да приставити к ним здоровых строев и баб стряпчих, сколько пригоже будет, несмотря по людем. Да над ними приказати священником добрым, да целовальником или градцким людем добрым над ними смотрити, чтобы им насильства и обиды от стряпчих не было. А священники бы к ним в богадельни мужския и женския приходили, да их поучали и наказывали их страху божию, чтобы жили в чистоте и в покаянии, и во всяком благодарении, да их бы покаивали и при конце

причащали телу и крови господу нашего, Иисуса Христа. А преставльшихся погребению предавали и о них поминали во священных божественных службах. А здравые бы строи с женами по богадельням не жили, а питались бы, по дворам ходячи, от боголюбцов, якоже и доднесь, а которые возмогут работати, и они бы страды подлежали». Ко второй же категории относили «полоненников», которым также предписывалось оказывать помощь: «Которых окупят царевы послы в ордах и во Цареграде, или в Криму, или в Казани, или в Асторохани, или в Кафи, или сами окупятся, и тех всех пленных окупати из царевы казны. А которых пленных приводят, православных хрестьян, окупив, греки и турчане, и армени, или иные гости, да, быв на Москве, восхотят их с собою опять повести, ино их не давати и за то крепко стояти, да их окупати из царевы же казны. А сколько годом того пленного окупу из царевой казны разойдется, и то роскинути на сохи по всей земли, чей кто не буди, всем ровно, занеже таковое искупление общая милостыня порицается, и благочестивому царю и всем православным великая мзда от бога будет. Якоже рече праведный Енох: “Не пощадите злата и серебра брата ради, но испкуйте его, яко да от бога примете сторицею”» [2].

Помимо этого Стоглав запрещал давать в рост деньги из церковной или монастырской казны: «Божественное писание и миряном резоимство возбраняет, нежели церквам божиим денги в росты давати, а хлеб в наспы, где то писано во святых правилех. О сем пишет: “Церковное богатство – нищих богатство и прочим на погребу”» и призывал милостыней поддерживать нуждающихся: «Милостыня и корм годовой, и хлеб, и соль, и деньги, и одежда по богадельным избам по всем городом дают из нашие казны. А христороубцы милостыню дают же, а вкупаются у прикащиков мужики с женами мало больных, а нищие и клосные, и гнилые, и престаревшиися в убожестве глад и мраз, и зной, и наготу и всякую скорбь терпят, и не имеют, где главы подклонити, – по миру скитаются. Везде их гнушаются. От глада и от мраза в недозоре умирают и без покаяния и без причастия, никим небрегомы. На ком тот грех взыщется? И о тех, что промыслити православным царем и князем и святителем, достоин о них промыслити» [2].

Определенный интерес представляют и отдельные указы, направленные на социальную поддержку населения в экстренных ситуациях. Так, в 1560 г. появляется указ об отсрочке долгов с погорельцев: «В долгах приставов давати не велел и правити на них долгов не велел пять лет». Ряд мер осуществлялся в связи с массовым голодом: например, в 1601 г. Б. Годунов издает указ об удержании цен на хлеб: «...продовати ржи четь по полтине, овса четь в полполтины, ячменя четь в четыре гривны»; в 1603 г. – указ, разрешающий во время голода отпускать «на прокорм» работные семьи на волю без оформления соответствующего документа («отпуска на волю»); в 1662 г. Алексей Михайлович издает указ о «прокормлении служилых и всяких скудных людей» в неурожайное время, который предписывал митрополитам и власти обеспечить продажу

хлеба из своих запасов по твердой цене или раздавать хлеб в долг под поручительство. Продолжает оформляться государственный подход к помощи вдовам и детям погибших на государственной службе – развивается так называемое «пенсионное» право в форме раздачи «земель на прожиток». Так, в 1634 г. Михаил Федорович подписывает указ о выдаче вдовам и детям погибших под Смоленском земель.

Особого внимания заслуживают указы, направленные на предотвращение распространения социальных болезней. Наставления, чтобы «никакие люди никаким воровством не воровали, не били и не грабили, и корчем и блядни не держали, и зернью не играли...» встречаем в разное время в наказах воеводам Ивану Хованскому, Ивану Грязеву, Салтану Лыкову.

Отдельно следует рассмотреть развитие представлений о государственной социальной деятельности в текстах законодательного характера. К таковым, в первую очередь, следует отнести книгу «Тайная тайных», составленную якобы Аристотелем для своего ученика Александра Великого. Согласно наказам Аристотеля, основанным, прежде всего, на рациональных принципах пользы, милосердие необходимо государю постольку, поскольку оно способствует сохранению его доброй славы, его мирного правления: «Усердно думай о том, как облегчить всякие налоги и пошлины приезжающим к тебе купцам, потому что если ты воздержишься от незаконных поборов, то достигнешь увеличения законных, если богатство царское будешь раздавать народу своей земли, а не притеснять его. И даже если твои сокровищницы будут наполнены золотом, а ты не будешь иметь доброй славы у народа, то все это ничего не значит. А благодаря славе доброй ты наполнишь землю свою товарами из всех земель, так как все купцы вещи дорогие из своих земель повезут в твою, и приобретет народ все необходимое себе. И благодаря этому будут люди тебе покорны, и чужестранцы захотят, чтобы ты правил ими, потому что они холопы справедливости. Так ты победишь всех неприятелей своих. Будь внимателен и милостив к тем, кто привязан к тебе, и не поддавайся привычкам звериным или волчьим — захватывать все, что найдешь, искать то, чего не потерял. Тот воистину не имеет милосердия, кто требует от того, от кого может взять. Будь милосерден, чтобы не потерять добрую славу свою. Не позволяй овладевать собой влечениям к еде, и питью, и разврату, и ко сну. Александр, блюди нищих города своего и одаривай их в тяжелый для них час, и они будут в тяжелый для тебя час твоей опорой. Так ты сохранишь закон свой и укрепíš царство свое. Александр, о землевладельцах своих узнавай, кто чем владеет и чем тебе служит; так ты узнаешь их преданность тебе и чем каждый перед тобой расплачивается. Ибо если ты обложишь малоимущих многими налогами – это царству твоему повредит. Поэтому следует знакомиться государям святым с владениями своими, чтобы они знали, какими им обложить налогами волости своей земли» [4].

Убежденность в том, что стабильное существование государства напрямую связано с милосердием правителя по отношению к своим подданным, главным образом к воинам, прослеживается и в «Большой челобитной» Ивана Пересветова: «И так еще говорит Петр, молдавский воевода: “Нужно, чтобы столь могущественный государь со всего царства доходы брал себе в казну и из казны своей воинам сердце веселил, тогда казне его конца не будет. Кто из воинов отважно будет вести смертную игру с врагом государевым и крепко стоять за веру христианскую, то такому воину и честь воздавать, и сердце веселить, и жалованье прибавлять из государевой казны, и к таким воинам – сердце обращать, к себе их приближать, верить им во всем, просьбы их выслушивать обо всем, любить, как отец детей своих, и быть к ним щедрым. Щедрая рука вовек не оскудевает, а славу царю созидает. Какова щедрость государя к воинам, такова и мудрость его”» [4].

Милосердие выступает и в качестве инструмента внешней политики: прославляет царя за пределами его государства. Так, в «Слове похвальном» инок Фома воздаёт хвалу царю Борису Годунову: «А мителенский митрополит сказал: “О милостях и щедротах великого князя Бориса говорят во всех землях”...» [5].

Таким образом, формирование государственных подходов к социальной помощи и поддержке идет параллельно со становлением российской государственности и отражается во многих памятниках древнерусской, главным образом, оригинальной литературы XII–XVII вв. Первые попытки государственного подхода к оказанию социальной помощи можно усмотреть в таких направлениях социальной деятельности князя как создание правовых и экономических основ социальной защиты и поддержки через включение пунктов соответствующего содержания в различные договоры и непосредственная помощь, чаще всего осуществлявшаяся в форме княжеского нищепитательства. Далее как деятельность в рамках формирования системы социальной поддержки можно рассматривать патерналистский контроль государства над становлением института церкви, которой впоследствии будет делегирован ряд функций по оказанию социальной помощи и защиты. С XIV в. начинается новый этап оформления государственных подходов к вопросам оказания социальной помощи. С этого времени создаются не только собственно законодательные акты, регламентирующие социальную деятельность (создаются Судебники 1497 и 1550 гг., Стоглавый Собор 1551 г., различные указы), но и ведомства и учреждения, которые будут реализовывать закрепленные в нормативных документах действия. Параллельно с этим продолжается обоснование необходимости социальной поддержки нуждающихся в текстах незаконодательного характера. В них рассматривается милосердие как неотъемлемое качество успешного правителя и оценивается оно не только как христианский догмат, но и как элемент внутренней, «социальной», и внешней политики.

Библиографический список

1. Фирсов М.В. История социальной работы в России: Уч. пособие. М., 2001
2. <http://krotov.info>
3. <http://lib.uni-dubna.ru>
4. <http://www.bibliofond.ru>
5. <http://www.old-ru.ru>

О. М. Клачкова
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Современное состояние государственной политики нашей страны в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, характеризуется устойчивой тенденцией передачи детей на воспитание в семьи граждан, развития семейных форм устройства детей (опека и попечительство, усыновление, приемные и патронатные семьи).

Дети-сироты – это лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель; дети, оставшиеся без попечения родителей – лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного или обоих родителей в связи с отсутствием родителей или лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), находящимися в лечебных учреждениях, объявлением их умершими, отбыванием ими наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; уклонением родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из воспитательных, лечебных учреждений, учреждений социальной защиты населения и других аналогичных учреждений и в иных случаях признания ребенка оставшимся без попечения родителей в установленном законом порядке [6].

Часть детей, оставшихся без попечения родителей, являются социальными сиротами. Социальный сирота - это ребенок, который имеет биологических родителей, но они по каким-то причинам не занимаются воспитанием ребенка и не заботятся о нем. В этом случае заботу о детях берет на себя общество и государство [3: 55]. Социальное сиротство – это социальное явление, обусловленное наличием в обществе детей, оставшихся без попечения родителей вследствие лишения их родительских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими [5: 187].

Очевидно, что семья наиболее благоприятная среда для развития здоровой личности, так как обладает преимуществами в социализации индивида благодаря особой психологической атмосфере любви и уважения, поддержки и понимания. Семья приобщает ребёнка к основным общечеловеческим ценностям, моральным и культурным стандартам. В семье дети учатся социально-одобряемому поведению, приспособлению к окружающему миру, построению взаимоотношений, проявлению эмоций и чувств. Индивидуальный подход к развитию личности ребенка именно в семье становится реальностью. Мировой исторический опыт убедительно показал, что институциональное воспитание бессильно в разрешении данных вопросов. Воспитанники детских домов в большинстве своём оказываются не готовыми к самостоятельной жизни, сталкиваются с проблемами профессиональной ориентации, создания полноценной семьи, определения своего места в жизни. Значительный процент бывших воспитанников детского дома склонен к проявлению социально-психологической дезадаптации, причина, которой заключается в отсутствии у них своевременно привитых навыков социализации. Им свойственна иждивенческая позиция, сформированная в условиях учреждения.

Сегодня можно говорить о формировании новой стратегии защиты прав детей-сирот, основанной на приоритетах семейного воспитания. Замещающая семья (в это понятие входят семьи усыновителей, опекунские, приемные и патронатные семьи) способна не только заменить ребенку утраченную кровную семью, но и сформировать новые привязанности.

Развитие новых форм устройства ребёнка в семью дает определенные положительные результаты. Можно привести примеры таких форм: модель образовательного учреждения нового типа детский дом № 19 г. Москвы, работающий в системе патронатного воспитания (М. Ф. Терновская); модель создания системы социальной защиты детей в Пермской области, поселения приемных семей «Град-Китеж»; детские деревни SOS; пансионаты семейного типа, приходские детские дома. Но также существуют и новые проблемы, связанные с неразработанностью основных диагностических и реабилитационных программ помогающих не только изучить роль замещающей семьи в процессе воспитания ребёнка-сироты, но и понять механизмы вхождения и социальной адаптации его при организации замещающей заботы. Малоизученной остаётся и проблема готовности замещающих родителей к выполнению возлагаемых: на них воспитательных функций, недостаточно разработаны условия; социально — педагогического сопровождения детей и семей, принявших сирот.

Исследования по данной проблеме выявляют закономерности психического и личностного развития, психолого-педагогические особенности развития детей из неблагополучных семей, детей, воспитывающихся в детских сиротских учреждениях, условия, их

адаптации и социализации. Опыт работы государственных учреждений для детей-сирот, материалы социологической и психолого-педагогической литературы, позволяют говорить о некоторых существующих противоречиях:

- между постоянно растущей потребностью общества в адаптированной личности и недостаточной эффективностью социально-педагогического процесса адаптации детей-сирот в условиях детского дома;
- между увеличением числа граждан Российской Федерации, желающих принять ребенка на воспитание в семью, и отсутствием единого подхода на федеральном уровне к проблеме формирования стандартов модели работы органов опеки и попечительства по профилактике сиротства, устройству детей в семьи и применяемым формам семейного устройства;
- между вновь созданными моделями профессиональных служб по помещению и сохранению ребенка в семье и отсутствием единых официальных критериев, подходов к оценке эффективности работы по семейному устройству детей;
- между необходимостью специальной педагогической подготовки замещающих родителей к воспитательной работе с детьми-сиротами и отсутствием теоретического и технологического обоснования решения этого вопроса в отечественной науке и практике;
- между стремлением создать благоприятные условия для социальной адаптации детей — сирот в замещающей семье и отсутствием четкой системы их социального, педагогического и психологического сопровождения.

Возможность решения проблемы сиротства в нашей стране через устройство детей, оставшихся без родительского попечения, в замещающие семьи, во многом предопределяет актуальность изучения данной проблемы.

Предположительно, что более эффективная социальная адаптация ребенка-сироты в замещающей семье будет, если:

1. На всех этапах, обеспечить гибкий, вариативный характер форм семейного устройства ребёнка-сироты с учётом его психолого-педагогических особенностей.
2. Разрабатывать механизмы и определять специфику процесса адаптации детей — сирот в замещающей семье с учётом изменений, происходящих на эмоциональном, интеллектуальном, физическом уровнях развития ребёнка.
3. Учитывать мотивы приёма ребёнка-сироты в замещающую семью, особенности развития данной семьи, её внутренние и внешние связи.
4. Обеспечивать профессиональную подготовку замещающих родителей.
5. Обеспечивать высокий уровень профессионального сопровождения как семьи, взявшей на воспитание ребёнка из детского дома, так и самого ребёнка.

Для решения поставленных задач можно использовать следующие методы исследования:

- аналитические (анализ социологической, психологической и педагогической литературы, как отечественной, так и зарубежной: социального и педагогического опыта реабилитационной работы, опыта социальной и психолого-педагогической поддержки замещающих семей);

- диагностические (разработка методик наблюдения, комплексного исследования психологического состояния и социального взаимодействия личности с окружающими, оценка динамики уровня развития детей, помещенных в замещающую семью, их адаптации, анкетирование, тестирование);

- формирующие (практическая экспериментальная работа).

Выбор профессиональной замещающей семьи основывается на специфических потребностях ребенка, особенностях его личной истории и жизненного опыта, а также на встречных ожиданиях и возможностях принимающих родителей. Подготовка принимающих родителей есть процесс формирования у них педагогически значимых знаний, умений и качеств личности на фоне положительного отношения к воспитательной работе в замещающей семье. Социально-педагогическое сопровождение замещающей семьи является необходимым фактором успешной социальной адаптации и развития детей-сирот в принимающей семье. Социально-педагогическое сопровождение позволяет строить процесс социальной адаптации принимаемого ребёнка в новых условиях его воспитания и образования в индивидуальном темпе, с учетом психического, эмоционального, умственного и физического развития конкретного ребенка.

Основными параметрами, определяющими благополучие (адаптацию) или неблагополучие (дезадаптацию) ребенка в принимающей семье, которые необходимо учитывать в процессе психолого-педагогического сопровождения являются: физическое и психическое здоровье, личностное развитие, семейная и социальная адаптация. Под социальной адаптацией понимается процесс и результат установления согласованности ребенка с изменившейся средой обитания, системой отношений, правил поведения. Показатель успешности адаптации – психологическая удовлетворенность ребенка этой средой.

Итак, адаптация ребёнка – социального сироты – в замещающей семье – процесс, происходящий на личностном уровне ребёнка, на уровне семьи, формирующей новые его связи. Это процесс формирования новых привязанностей и стабильных принимающих межличностных отношений между ребёнком и семьёй.

К условиям, необходимыми для успешной адаптации детей-сирот в системе замещающей семьи, можно отнести:

- наличие действующих федеральных и региональных законов, регулирующих механизм помещения и воспитания детей, лишенных родительской опеки, в замещающей семье;

– подготовка замещающих родителей к воспитательной работе с детьми-сиротами, которая носит императивный характер и рассматривается как условие повышения педагогического потенциала замещающей семьи.

– создание в структуре образовательного учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, службы, осуществляющей социально-психологическую реабилитацию ребёнка до и после помещения его в семью, профессиональное сопровождение его и замещающей семьи, планирование попечения над ребёнком с учетом развития его новой семьи как системы.

Проблема социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в профессиональных замещающих семьях остается актуальной для современной России, так как, несмотря на внедрение различных программ по предотвращению сиротства в стране, количество детей данной категории растет с каждым годом, а процесс их социализации затруднен. На преодоление сложившейся проблемы направлено обеспечение благоприятных условий для оптимального социального и личностного развития детей. Определено, что такие условия предоставляет замещающая семья, под которой понимаются опекунские, приёмные и патронатные семьи.

Современная ситуация показывает недостаточную эффективность российской системы устройства детей в семью и неэффективности институциональной системы воспитания, и в этом контексте можно говорить об определенных депривационных условиях, в которые попадает ребенок-сирота, нарушают весь ход его психического и физического развития, сказываются на формировании эмоциональной сферы, поведении, становлении социального опыта. Именно сегодня, наряду с традиционными формами семейного устройства (усыновление и опека) в нашей стране и за рубежом существуют более гибкие и эффективные формы семейного воспитания, основанные на профессионализме замещающих родителей, на разграничении прав и обязанностей по защите интересов ребенка, на возможности получить профессиональную помощь. Это приемные и патронатные семьи.

Необходимо определить условия, необходимые для успешной социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в системе замещающего воспитания, к ним можно отнести:

– правовые условия: наличие законодательной базы, способствующей развитию механизма подготовки, помещения и сопровождения детей, оставшихся без родительского попечения, в замещающей семье;

– психолого-педагогические условия: подготовка замещающих родителей к воспитательной работе и повышение их педагогического потенциала; наличие системы комплексного социально-педагогического сопровождения ребенка и профессиональной замещающей семьи, предполагающей планирование и мониторинг развития ребенка, оценку его потребностей и выработку путей их удовлетворения. Наличие

психологического, медицинского, социального и педагогического сопровождения дает возможность прохождения процесса адаптации в индивидуальном темпе для конкретного ребенка, обусловленном уровнем его психического, эмоционального, умственного и физического развития;

– организационно-педагогические условия: создание в структуре детского дома социально-реабилитационной службы по устройству ребенка в замещающую семью и дальнейшему профессиональному сопровождению его и семьи.

– реализация научно-обоснованной концепции образовательного учреждения нового вида для детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, имеющего отдельные функции органов опеки и попечительства;

– разработка технологий реабилитационной работы с ребенком, разлученным с родителями, с целью обеспечения условий преодоления имеющегося у них травматического опыта и подготовки такого ребенка к помещению в замещающую семью;

– создание и экспериментальная апробация технологий мониторинга и оценки эффективности развития ребенка, оставшегося без попечения родителей, и помещенного на одну из форм семейного воспитания;

– создание технологий поиска, подбора, оценки и подготовки граждан, желающих взять ребенка в замещающую семью на воспитание;

– разработка технологий по дальнейшему обучению, повышению профессиональной компетенции как специалистов службы по сопровождению замещающей семьи, так и замещающих родителей;

– распространение разработок и полученного опыта работы.

Процесс социальной адаптации ребенка в системе замещающего воспитания представляет процесс вхождения ребенка в новую социальную среду замещающей семьи и ее освоения, взаимодействия и приспособления ребенка и семьи, происходящего при содействии и во взаимодействии со службой социального педагогического сопровождения.

Таким образом, социальная адаптация ребенка-сироты в системе организации замещающей заботы понимается в исследовании данной проблемы, как интегративный показатель, указывающий на личностную автономию, самоопределение, эмоциональный комфорт, качество отношений с замещающими родителями, проработку представлений о своем прошлом – настоящем – будущем и идентичность; успешность в школе, сформированные самоконтроль и саморегуляция, развитость социальных контактов с взрослыми и детьми, поведение в обществе, отвечающее действующим социальным и моральным нормам, навыки самообслуживания.

Н. Борисов

(Научный руководитель профессор Т. Г. Скороходова)

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Повышенное внимание к миру человеческого существования, в котором соединены опыт и наука, рациональное и эмоциональное, биологическое и социальное, хозяйственно-экономическое, политическое и духовно-культурное, а также – к миру явлений и фактов составляет существенный аспект феноменологического видения бытия человека. Оно позволяет открыть человеку его собственный, во многом уникальный опыт, сохранять преемственность в развитии каждой человеческой жизни, всех субъектов общественного бытия.

Если говорить о философских, философско-социологических истоках такого подхода к пониманию сущности человека в современной теории и практике социальной работы, то он восходит к античности и пронизывает всю историю философии и социологии, антропологии и обществознания в целом. Наиболее явно этот подход к познанию и видению человека выражался в традиции рассматривать сознательную жизнедеятельность как особого рода реальность, отличную от бытия природы и естества человеческого тела.

Духовные корни этой традиции, если говорить о европейской социокультурной основе, восходят к греческой философии с ее преобладающим интересом к деянию, «праксису», «технэ», активности человека. Однако непосредственно проблемный круг сегодняшних философско-социологических исканий в этом русле был очерчен Г. Гегелем в его «Феноменологии духа».

Идея Г. Гегеля о тождестве бытия и мышления, понимание сознания как «проникновения в бытие» и «деятельности как действительности сознания», с одной стороны, и тезис о саморазвитии духа в процессе опредмечивания и самоотчуждения – с другой, определяют границы охватываемого движения мысли в рамках названной традиции [См.: 1].

Феноменологическая редукция как сведение мира к феномену, его феноменологическое видение означает требование описать и понимать сознание человека как реального соучастника бытия предмета, реально существующего объективного мира.

Начиная с понимающей социологии М. Вебера и попыток создания феноменологической социологии (А. Шюц), в XX в. не прекращается движение теоретической мысли к соединению естественно-исторического подхода к познанию бытия человека и общества с культурно-исторической онтологией сознания (Д. Лукач). Тем не менее, достигнутые результаты все еще не позволяют создать такую парадигму гуманитарного мышления,

которая бы помогла объяснить и предсказать те неожиданности, которые преподносит нам реальная историческая действительность наряду с теми событиями, результатами деятельности людей, что вполне предсказуемы и рационально объяснимы.

В полной мере это относится, разумеется, к теории и практике социальной работы — неотъемлемой части бытия человека в XX – XXI в. На рубеже столетий особенно остро встала проблема целостного осмысления человека и как субъекта, и как объекта социальной работы. Существенный аспект в поле деятельности социальной работы – это ответ на вопрос о возможности постижения сконструированного сознанием человека (клиента) образа действительности. Так, анализу поддается не действительность объективная, а действительность, прошедшая через сознание.

Феноменологический метод, по мнению Э. Гуссерля, помогает постичь сущность вещей, а не факты. Так, феноменолога не интересует та или иная моральная норма, его интересует, почему она — норма. Изучить обряды и гимны той или иной религии, несомненно, важно, но важнее понять, что такое религиозность вообще, что делает разные обряды и несхожие песнопения религиозными. Феноменологический анализ вникает в состояние, скажем, стыда, святости, справедливости с точки зрения их сущности.

Феноменологическая установка реализуется с помощью метода редукции (также эпохе). На этом пути достигается понимание субъекта познания не как эмпирического, а как трансцендентального субъекта, т. е. перешагивающего, выходящего за пределы конечного эмпирического мира, способного иметь до-опытное знание. Способность к непосредственному усмотрению объективно-идеальной основы языковых выражений называется Гуссерлем идеацией. Допущение возможности исследования этой способности в рамках феноменологии превращает ее в науку о способе постижения мира через анализ «чистого сознания». Так как сознание, субъективность нельзя взять в скобки, оно выступает основанием всякой реальности. Мир, по мнению Гуссерля, конструируется сознанием.

Человек в своем взаимодействии с самим собой и окружающим миром оперирует не некой абстрактной объективной реальностью, а своей интерпретацией этой реальности. Являя активное и творческое бытие, он создает свои, опосредованные контекстом культуры и субкультуры, а также индивидуального психофизического своеобразия, версии различных аспектов бытия, выступающие в форме личностных конструкторов или схем, которые и определяют отношение и понимание происходящего. Эти конструкторы или схемы представляют своеобразный алфавит когнитивных репрезентаций мира, без знания которого понимание личности становится искаженным.

Основная идея состоит в том, чтобы предложить такую точку зрения, которая даст возможность видеть человека без рамок, уже заранее

определяющих, чем бы мог страдать этот человек, чтобы со временем применить соответствующую технику. «Каждый человек и каждая вещь имеет свойственную им природу, суть, которая раскрывается сама по себе в соответствии со своими собственными естественными закономерностями. Мы можем их постичь только благодаря опыту, который приходит из наблюдения и интуиции» [2] – пишет Э.-М. Вольфрам.

В этом контексте социальный работник ориентирован на работу с переживанием как наиболее достоверной психосоциальной реальностью. Психосоциальные феномены рассматриваются отдельно от реальных событий, им соответствующим. Иными словами, душевные переживания, в отличие от объектов реального мира, не имеют пространственно-временной характеристики. Поэтому феноменологический подход не учитывает поведение, причины или моральную оценку этого поведения. Феноменологическая работа направлена на качественное описание индивидуального опыта человека, в отличие от каузального исследования (поиск причин), интерпретаций или директивных методов.

С точки зрения феноменологии, традиционная цепь взаимодействий: «Человек в трудной жизненной ситуации – выяснение причин трудной жизненной ситуации – оказание помощи в решении проблем Клиента» неэффективна, так как и дальше будет порождать данную проблему, поскольку ликвидируются всегда её внешние причины. Но даже если ликвидируются и внутренние помехи, то они не затрагивают глубинную суть, которая заложена в сознании, в индивидуальном конструировании собственного бытия. Лишь детальное рассмотрение деятельности сознания, породившие оценки, интерпретации и переживания способно дать наиболее точную информацию о восприятии данного противоречия.

Человеческое сознание формирует в рамках психики свой индивидуальный конструктор. Так, теория личностного конструирования Дж. Келли основана на гипотезе о том, что люди выстраивают собственное поведение сообразно конструктам своего сознания, которые формируются на основе прошлого опыта и определяют способы действия. Каждый человек конструирует события по-своему [См.: 3].

То есть корни проблемы – не во внешних факторах, не в поведении, а в переживании объекта как единственно доступной реальности, которая и подлежит рассмотрению. Если мы исследуем опыт бытия отдельного человека, то мы не можем обойтись лишь схемами, алгоритмами и технологиями. Здесь основной метод – интуиция.

Интуиция в феноменологии имеет следующий смысл: видеть все проявляющееся подлинно проявившимся, и только как проявившееся. Задача философии – достижение очевидности, основанное на объективной апелляции к интуиции, а не на чьих-либо точках зрения.

Э. Гуссерль вводит понятие «конституирование». Сознание есть конституирующий поток. Формой конституирования является феноменологическая темпоральность — единство прошлого, будущего и

настоящего в одном интенциональном акте сознания. Посредством конституирования в форме темпоральности сознание «Я» обладает окружающим миром и самим собой. По мнению Гуссерля, философия и есть высшая попытка Разума конституировать с подлинной очевидностью «Я» и то, чем является мир этого «Я».

Важным условием феноменологического подхода является избегание оценочных суждений, предрассудков, предустановленных теоретических допущений и выводов; вместо этого просто описываются феномены в том виде, в каком они являют себя непредубежденному наблюдателю. Акцент делается на «наивной любознательности», нейтральности, замечании очевидного, поддержании неопределенности, особенно относительно представлений об объективных «фактах» жизни человека, в том числе, описания различных форм психопатологии и психиатрических диагнозов. Феноменологическая работа включает рефлексивный анализ личного опыта, основанный на словесном обозначении и выражении собственных переживаний, чувств и состояний человека (клиента) в форме, доступной для понимания другим человеком (терапевтом). В рамках феноменологического подхода не существенно, имеет ли место переживание здесь-и-сейчас или там-и-тогда.

Исходя из философии Э. Гуссерля, можно говорить о том, что мир, действительность организуются актами сознания. Соответственно реальностью человек обладает лишь как явлениями, феноменами сознания. Постижение феноменов, а именно их сущности – задача исследователя. Этот метод состоит в том, что фактическое, случайное, индивидуальное исключается, или, как выражается Гуссерль, берется в скобки [См.: 3]. Феноменология – это прежде всего метод познания, а не система взглядов и истин.

Сознание в феноменологии рассматривается как образование, необычайно многообразное по своим функциям и деятельности. Однако наиболее фундаментальной характеристикой, лежащей в основе всех других его свойств, считается интенциональность, т. е. постоянная направленность сознания на предметы, ибо сознание, подчеркивают феноменологи вслед за Ф. Brentano, – это всегда «сознание о чем-либо». Подобно тому как воспринимаемые нами предметы для их адекватного познания должны быть восприняты нами ясно и отчетливо, точно так же ясно и отчетливо должна быть понята нами и имманентная деятельность сознания.

Исследование имманентной деятельности сознания становится возможным, по мнению феноменологов, благодаря методу феноменологической редукции, от понимания которого, считает Гуссерль, «зависит понимание всей феноменологии, так как благодаря этому методу можно иметь дело с подлинными феноменами» [4].

Таким образом, при использовании феноменологического подхода в постижении психосоциальной реальности в контексте социальной работы основной акцент делается не на ситуации, не на породивших ее причинах,

но на акте сознания, воспринявшего эту ситуацию. Конкретные чувства, эмоции, мысли превращаются в ходе феноменологического метода из индивидуального в чистое сознание, тем самым появляются смыслы, которые и есть путь к пониманию.

Феноменологический подход к исследованию практики социальной работы можно считать адогматическим. Опыт клиента – это конструктор, каждая часть которого отражает всё психическое строение клиента, которое определяет видение мира, отношение к нему, поведение, эмоции и чувства. Поэтому важно изучать именно этот индивидуальный опыт, который порождает поведение, а не само поведение.

Библиографический список

1. Гегель Г. Феноменология духа. М., 1987.
2. Вольфрам Э.-М. Феноменологическое исследование психотерапии: метод получения знания из опыта // Психотерапия: новая наука о человеке. М.– Екатеринбург, 1999.
3. Пэйн М. Социальная работа: современная теория. М., 2007.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999.

А. В. Глухова

(Научный руководитель профессор М. А. Лыгина)

ПГПУ им. В. Г. Белинского

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Реализация воспитательной функции социальной работы построена на общепедагогической методологии, с учётом особенностей, налагаемых на воспитательный процесс спецификой социальной и социально-педагогической деятельности.

Для целей реализации воспитательной функции социальной работы чрезвычайно важны общетеоретические и практические научно-методологические разработки в сфере педагогической и воспитательной деятельности.

Концептуальные основы реализации воспитательной функции социальной работы наиболее полно отражены в трудах ряда отечественных авторов.

Методологически важным для выяснения роли принципов самосовершенствования, самоактуализации и саморегуляции в раскрепощении творческого потенциала личности в процессе социально-воспитательной деятельности является анализ существующего педагогического опыта, представленный в исследованиях Н. А. Ветлугиной, И. П. Волкова, Л. В. Кузнецовой.

Н. А. Ветлугина выявила роль социальной среды, как объективного начала в воспитании, при этом воспитуемый выступает не только как объект воспитания, но и как субъект со всем своим своеобразием. [См.: 3]

И. П. Волков считает, что одной из важнейших задач системы воспитания является улучшение подготовки к жизни, к труду, воспитание личности, готовой и способной работать, а также отмечает необходимость индивидуализации процесса воспитания, с учётом интересов и возможностей воспитуемых. [См.: 4]

Л. В. Кузнецова разрабатывает методологические вопросы воспитательной и психокоррекционной работы с детьми, имеющими различные отклонения в психофизическом развитии, отмечает необходимость применения специальных психологических методик при работе социальных педагогов с детьми с отклоняющимся поведением. [См.: 6]

Значительный вклад в развитие и становление концептуальных основ социального воспитания внесли учёные-педагоги С. Т. Шацкий, К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко.

С. Т. Шацкий придавал большое значение организации системы внешкольного воспитания, работе с малообеспеченными детьми, с беспризорниками, и с детьми из социально уязвимых и социально неблагополучных семей. [См.: 12]

Наиболее фундаментальными с точки зрения выяснения специфики воспитательной функции социальной работы, изучения и теоретического обобщения отечественного социально-педагогического опыта, можно считать труды К. Д. Ушинского и А. С. Макаренко, внесших существенный вклад в педагогическую и социально-педагогическую науку, а также в практику социальной реабилитации «трудных подростков».

Методологические основы современной реабилитационной педагогики базируются на трудах К. Д. Ушинского. В соответствии с идеями К. Д. Ушинского была построена работа военных интернатов, которая заслуживает пристального внимания с точки зрения методологии решения жизненных проблем детей, оказавшихся социально дезадаптированными.

К. Д. Ушинский считал необходимым строить воспитательно-образовательную работу с учётом возрастных и психологических особенностей воспитуемых, изложил психологические основы, обосновал с точки зрения психологии важнейшие дидактические принципы воспитывающего обучения: наглядность, систематичность и последовательность, основательность и прочность усвоения учебного материала, разнообразие методов обучения. [См.: 11]

Нравственное воспитание занимает центральное место в педагогике К. Д. Ушинского, оно, по его мнению, должно быть неразрывно связано с умственным и трудовым воспитанием. Необходимым условием нравственного воспитания К. Д. Ушинский считал формирование у

воспитуемых правильных представлений о роли и значении труда в истории общества, в развитии человека, считал полезным введение физического труда в свободное от учения время, особенно в закрытых учебных заведениях.

Если анализировать концептуальные основы теории А. С. Макаренко, то воспитание он рассматривал как многостороннее социально-педагогическое явление [См.: 8; 9; 10]. Методологически важной представляется идея А. С. Макаренко о том, что коллектив как сообщество не создаётся произвольно, а выступает результатом объединения людей для совместной выработки и реализации законов, традиций, ценностей и смыслов жизнеустройства, и выполняет социально-воспитательную и реабилитационно-воспитательную функцию.

По сути, интегративная личностно-социальная концепция воспитания А. С. Макаренко представляет собой выражение полипарадигмального подхода в социально-педагогической деятельности, который заключается в применении различных методологических концепций.

Специфика социальной и социально-воспитательной работы в пенитенциарных учреждениях анализируется в исследованиях А. В. Бабушкина [См.: 2] и Ю. А. Алфёрова [См.:1]. Указанные авторы акцентируют внимание на сложностях социальной работы в пенитенциарной системе, рассматривают такие её проблемы, как недостаточную теоретическую разработанность вопроса, стереотипическое восприятие личности преступника, представление о его неисправимости, сформированное у персонала ряда пенитенциарных учреждений, считают такое положение неприемлемым, настаивают на гуманизации пенитенциарной системы, и важную роль в такой гуманизации отводят социальным работникам.

Согласно концепции В. И. Гинецинского, воспитание есть социальный процесс; воспитание есть процесс социализации, протекающий в форме последовательного и постепенного усвоения индивидуумом и группой социально выработанных норм, ценностей, способов деятельности; воспитание есть не просто социальный процесс, а определенного вида сознательная и целенаправленная деятельность его участников, являющихся носителями воспитания; воспитание как процесс совместной (социальной) деятельности предполагает определенное (функциональное) неравноправие (различие функций) его участников, деятельность которых и образует воспитательный процесс. [См.: 5]

Вместе с тем следует отметить, что целостной теории, посвящённой выяснению концептуальных основ реализации воспитательной функции социальной работы, ещё не было дано в научной литературе.

Первым отечественным автором, сконцентрировавшим своё внимание именно на данной проблеме, является М. А. Лыгина.

М. А. Лыгина рассмотрела такие аспекты данной проблемы, как генезис и развитие парадигмального подхода к осмыслению

воспитательной функции социальной работы, гносеолого-методологические основания воспитательной деятельности общества, проблемы определения оптимального соотношения традиций и инноваций в воспитательной парадигме и возможные подходы к её разрешению, аксиологические основания воспитательной парадигмы, социальные детерминанты реализации воспитательной деятельности общества; раскрыла сущность воспитания как социокультурного феномена и специфику национальных моделей воспитательной деятельности. [См.: 7]

Анализируя рассматриваемые концепции воспитания, можно сделать вывод, что цели воспитания не остаются неизменными, в каждую конкретную историческую эпоху они претерпевают изменения, общим же трендом в концепциях воспитания является его гуманизация, ориентация на всестороннее развитие личности воспитуемого.

Реализация воспитательной функции социальной работы невозможна без учёта вышеописанных теоретических концепций воспитания.

Социальные педагоги и социальные работники, осуществляя воспитательные функции, должны строить свою работу на базе теоретических положений, разработанных педагогической наукой. В то же время, практический опыт социальных работников и социальных педагогов обогащает теорию, помогает найти новые, более совершенные теоретические подходы к проблеме социального воспитания, что, в свою очередь будет способствовать повышению эффективности реализации воспитательной функции социальной работы.

Библиографический список

1. Алфёров Ю. А. Пенитенциарная социология. Домодедово: РИПК МВД России, 1995.
2. Бабушкин А. В. Основы социальной работы в пенитенциарных учреждениях. М., 1996.
3. Ветлугина Н. А. Музыкальное воспитание и развитие ребёнка. М.: АПН СССР, 1967.
4. Волков И. П. Цель одна – дорог много: Проектирование процессов обучения. М.: Просвещение, 1990.
5. Гинецинский В. И. Основы теоретической педагогики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.
6. Кузнецова Л. В. Основы специальной психологии. М.: Академия, 2002.
7. Лыгина М.А. Методологические основы реализации воспитательной функции социальной работы // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. № 12(16). 2009. С. 10-17.
8. Макаренко А. С. Воспитание гражданина. М.: Просвещение, 1988.
9. Макаренко А. С. Методика организации воспитательного процесса // Соч.: В 8 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. С. 267-330.
10. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: Правда, 1979.
11. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии. Собр. соч., т.т. 8, 9. М.; Л., 1950.
12. Шацкий С. Т. Педагогические сочинения. В 4 т. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962.

МЭРИ ЭЛЛЕН РИЧМОНД И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ СО СЛУЧАЕМ («CASE WORK»)²⁷

Довольно часто приходится сталкиваться с точкой зрения, согласно которой изучение биографии исторического деятеля не дает существенных зацепок в объяснении истории, поскольку она вершится массами при объективно складывающихся обстоятельствах. Наверное, с этим можно было бы согласиться, но только не в случае, когда речь идет об истории социальной работы.

Исторические личности, создающие новые формы оказания социальной помощи, более адекватные современным условиям, и тем самым двигающие вперед социальный прогресс, делают это обычно в силу данного им воспитания и сформированных непосредственным жизненным опытом личных убеждений. А еще это нередко делается вопреки сложившимся в обществе устоям и представлениям. Поэтому иногда весьма полезным оказывается рассмотрение определенного исторического явления и понятия, это явление обозначающего, с учетом особенностей индивидуальной судьбы человека, имеющего к этому понятию и явлению непосредственное отношение.

Рассмотрим становление такого интересного понятия, как «кейсворк» («case work», «social case work», «social case management»), или социальная работа со случаем, на примере жизни и деятельности одного из ведущих пионеров социальной работы, чья заслуга заключается во введении этого термина в научный оборот. Речь идет о Мэри Эллен Ричмонд – авторе первого систематического изложения теории и методики социальной диагностики.

Мэри Эллен Ричмонд – единственный выживший ребенок приехавших в Белвилл (Иллинойс), в 1861 году Генри и Лэвины Ричмонд, родилась 5 августа 1861 года.

Вскоре после её рождения, семья возвратилась в Балтимор, где родители Мэри Эллен умерли от туберкулеза еще до того, как ей исполнилось семь лет. Мэри Эллен стала жить с бабушкой, которая была явно либеральных взглядов по меркам того времени.

Из-за неодобрительного отношения к царившим в школах принципам образования, бабушка пошла на домашнее обучение Мэри Эллен, которое продолжалось 4 года и заключалось преимущественно в чтении различных книг. Тем не менее, Мэри Эллен закончила среднюю

²⁷ Статья выполнена в рамках научно-исследовательских работ по проектам «Кейс-менеджмент социально-педагогического сопровождения детей с отклоняющимся поведением» и «Кейс-менеджмент социально-педагогического сопровождения детей-инвалидов» (регистрационные номера заявок: 660162011, 658102011).

школу в 16 лет, оказавшись в числе одной из самых молодых выпускниц школы.

Для продолжения образования в колледже денег не хватило, поэтому юная выпускница поехала в Нью-Йорк, чтобы присоединиться к своей тете для работы в конторе одного издательства. 12-часовой рабочий день, постоянная экономия, жизнь в дешевой меблированной комнате, болезнь тети повлияли на вынужденное возвращение в Балтимор.

Сохранились свидетельства, что с трудом обеспечивая себя и близкого человека, Мэри Эллен питалась и одевалась как нищенка. Нехватка денег заставила ощутить самое дно социальных проблем общества. У девушки начал развиваться туберкулез, она переболела малярией.

Несмотря ни на что, она смогла восстановиться и в 1888 г. устроилась на работу в «Общество организованной благотворительности» («Charity Organization Society»).

Данное объединение представляло собой качественно новое движение в области филантропии, которое направляло свои силы на устранение социальных причин бедности, в то же самое время, используя подход к предоставлению помощи на основе оценки нуждаемости «дружественными визитерами». [См.: 1] Это были добровольцы, пытавшиеся изменить стабильно тяжелую ситуацию бедных семей на стабильно улучшающуюся.

Для этой деятельности нужны были средства, и организация, в которую временно устроилась М. Ричмонд, постоянно занималась сбором денег на нужды социальной работы дружественных визитеров.

Формально Ричмонд занимала должность бухгалтера, однако уже в первые несколько месяцев как фандрайзер (человек, отвечающий за поиск финансовых ресурсов) она добивается существенного увеличения притока денежных средств. Затем она воспользовалась возможностью стать «дружелюбным посетителем», чтобы изучить деятельность общества на собственном опыте. В этих условиях и раскрылись ее организационные способности, тонкий ум и замечательные навыки, которые не могли остаться незамеченными, и благодаря которым Ричмонд приобрела в организации большой авторитет.

В 1891 г. несмотря на пол, сравнительно юный возраст и нехватку академического образования (два предыдущих секретаря были мужчинами-выпускниками университета Джонса Хопкинса), она была назначена генеральным секретарем общества.

Именно с этого момента Ричмонд начинает развивать свою собственную теорию о том, что тогда называли благотворительной работой («charity work»). Ее первая книга «Дружественное посещение бедняков. Руководство для благотворительных работников» выходит в 1899 г. В ней Ричмонд не только обосновывает важность специально подготовленных, профессиональных посетителей бедных семей, которые бы встречались с клиентами как друзья, а не покровители, но и дает практические

рекомендации для практикующих «визитеров». В книге развивается мысль, что эти «друзья» или «социальные работники» должны использовать знания общественных наук и смежных областей, чтобы исследовать причины бедности в каждом отдельном случае. В результате складывается новый тип отношений между помогающим и принимающим помощь, который поддерживает силы нуждающихся так, чтобы они могли стать независимыми от внешней поддержки.

В 1900 г. Ричмонд переходит на должность секретаря Филадельфийского благотворительного общества, занимаясь попутно реформами в области ювенальной юстиции и регулирования детского труда.

Ричмонд приобретает национальную известность после того, как становится руководителем отдела благотворительности Фонда Рассела Сэджа (The Russell Sage Foundation) в Нью-Йорке в 1909 г.

Важной частью ее устремлений была не только сама социальная работа, но и обучение социальной работе. Ричмонд всегда отмечала недостаток образования у большей части своих коллег и предпринимала все возможное, чтобы его восполнить.

И, бесспорно, самой фундаментальной публикацией всей ее жизни стала книга «Социальная диагностика» («Social Diagnosis»), вышедшая в свет в 1917 г. Этот 500-страничный труд, сформировавший концептуальные основы метода изучения условий жизни различных категорий нуждающихся, оказал влияние на всю социальную работу не только в США, но и в Европе.

В 1921 году Колледж Смита наградил ее почетным званием магистра гуманитарных наук в знак признания вклада в научные разработки, связанные с профессией социального работника.

Несмотря на ухудшение здоровья в конце 1920-х годов, она продолжала работать, вплоть до кончины от рака в Нью-Йорке, 12 сентября 1928 года.

Мэри Эллен Ричмонд, пройдя путь от бедной сироты, до патриарха теории и практики социальной работы, прежде всего, добилась нового, более взвешенного и гуманного подхода к пониманию социальных проблем семьи и методов их решения.

Суть данного подхода в значительной степени может быть выражена в содержании термина «социальная работа со случаем» («social case work»). В 1922 году Ричмонд публикует книгу «Что такое социальная работа со случаем?» [См.: 2], в которой довольно подробно на теоретическом и методическом уровне описана модель диагностики и управления трудной жизненной ситуацией. К этой модели Ричмонд шла не один год.

Так, в «Дружественном визите к беднякам» понятие «кейсворк» для объяснения определенных принципов и процедур еще не применяется, однако его основы уже отчетливо просматриваются. Отмечая, что термин «дружественный посетитель» не относится к тому, кто бесцельно посещает

бедных в течение короткого времени, не предпринимая особых усилий, чтобы улучшить их положение и стать настоящим другом для них, Ричмонд пишет:

«В индивидуальной работе с бедными семьями мы, вероятно, забываем, что они являются частью района и общины, и что мы не имеем права помогать им таким образом, при котором будет нанесен вред местному сообществу. Мы всегда склонны думать, что в отдельной интересующей нас семье сложился «исключительный случай»... Затем, работая с людьми, мы, вероятно, преувеличиваем важность тех причин бедности, которые имеют свое происхождение в личности. Мы, вероятно, делаем чрезмерный акцент на моральных и психических недостатках в виде плохих привычек, таких как пьянство и распушенность, бесхозяйственность или лень, а некоторые из нас даже опрометчиво приписывать все беды бедных на пьянство или лень.

С другой стороны, те, кто занимаются социальной помощью, часто преувеличивают причины бедности, которые являются внешними по отношению к личности. Плохие условия производства и несовершенное законодательство кажутся порой единственными причинами почти всех бедствий вокруг.

Работники общины (сеттльмента) в таком случае скорее всего скажут, что страдания бедных происходят из-за условий, над которыми бедные не имеют никакого контроля.

Истина лежит где-то между этими двумя крайностями, то есть то в том, что «личные и социальные причины бедности воздействуют друг на друга, меняются местами, в качестве причины и следствия, до тех пор, пока они не образуют клубок, который нельзя распутать поспешными и нетерпеливыми рывками». [3]

Спустя 23 года Ричмонд подведет итоги, специально отметив в книге «Что такое социальная работа со случаем?», что «кейс» для социального работника – это отдельная определенная социальная ситуация или проблема, а не просто частная обеспокоенность текущими нуждами. В качестве примера автором приводятся различные типы таких ситуаций. [См.: 2]

Следует особо отметить, что понятие «кейс» («case») в зависимости от контекста может употребляться в английском языке в более чем двадцати различных смыслах. Как научная категория «кейс» является вполне устоявшимся понятием в зарубежной социальной, экономической, юридической, медицинской практике и употребляется обычно в следующих смыслах: «ситуация или стечение обстоятельств», «предмет исследования или контроля со стороны специалиста», «фактически происходящее в реальности».

Таким образом, «кейсворк» можно трактовать как социальную работу со случаем, социальную работу с ситуацией, или ситуационную работу, патронажную работу, и, наконец, даже как индивидуальную работу. Но каков бы ни был перевод, смысл данной модели остается

прежним: индивидуальное оказание социальной помощи с учетом конкретных обстоятельств жизненной коллизии индивида или семьи в условиях более широкого, чем частная семейная жизнь, общественного контекста. В конечном счете, как отмечает М. Ричмонд, «кейсворк состоит из тех процессов, которые развивают индивидуальность через целенаправленные и сознательно произведенные действия между человеком и человеком, между человеком и его социальной средой». [2: 98-99] «Это искусство обнаружения наилучших общественных отношений и обеспечения человека ими» [2: 257].

Библиографический список

1. Richmond, Mary E. The Long View: Papers and Addresses. Colcord, Joanna C., comp and ed. New York: Russell Sage Foundation. 1930. – p. 33-34
2. Richmond, Mary E. What is social case work? NY, 1922 - p. 26-27.
3. Richmond, Mary E. Friendly Visiting among the Poor. A Handbook for Charity Workers. NY, London. 1903. – p. 6-8.

Э. Шевцова

*(Научный руководитель профессор А. Б. Тугаров)
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

МЕТОД «CASE-STUDY» В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

Традиционно метод case-study как метод конкретных ситуаций, метод ситуационного анализа рассматривается в социальной работе как техника обучения специалиста, использующая описание реальных ситуаций практики оказания социальной помощи клиенту. Вместе с тем, данный метод социологического исследования используется в социально-диагностических процедурах, необходимых в практической социальной работе для того, чтобы проанализировать жизненную ситуацию клиента, разобраться в сути социальной проблемы, с которой он столкнулся, а затем предложить возможные социально-терапевтические решения.

Метод case-study был впервые применен в Гарвардской бизнес-школе (США) в 1924 году. Преподаватели предложили аспирантам интервью с ведущими практиками бизнеса и написание подробных отчетов о том, чем занимались эти менеджеры, а также о факторах, влияющих на их деятельность. Слушателям давались описания определенной ситуации, с которой столкнулась конкретная организация в своей деятельности для того, чтобы ознакомиться с проблемой и найти самостоятельно в ходе коллективного обсуждения решение.

Современные исследователи проблем социальной работы исходят из того, что философия профессиональной деятельности включает в себя знание функций социальной работы и дисфункций социального окружения. В этом случае одной из латентных функций социальных служб

оказывается классификация населения на категории клиентов (получателей льгот, пособий и услуг) [См.: 1: 241]. С этой точки зрения рассмотрим применение метода case-study в процессе классифицирования и экспертной оценки поведения конкретной категории молодежи.

В выборе ситуации («кейса») автор руководствовался личным опытом, что в значительной степени облегчило решение исследовательской задачи и способствовало более четкому проведению наблюдений. Объясняется данное обстоятельство тем, что сложившаяся практика социальной диагностики подтверждает: обычно «кейсы» базируются на реальном фактическом материале или же приближены к реальной жизненной ситуации клиента.

Из аналитического отчета Э. Шевцовой: «В подростковом возрасте мне довелось часто общаться в г. Пензе с людьми, принадлежавшими к той или иной молодёжной субкультуре, что в целом расширило мой круг общения. Товарищеские отношения позволяли более близко узнавать жизненные ситуации таких людей, истории их отношений с родителями, жилищные условия и т.д. Через несколько лет у меня сформировалась четкая, на тот момент жизни, модель подростка, принадлежащего к конкретной субкультуре.

Модель была такой: большинство моих знакомых и приятелей были детьми из неполных семей, часто находившихся в трудной жизненной ситуации. Почти все представители «кейса» – моей группы ситуативного анализа – заканчивали обучение в школе после 9-го класса и продолжали его в ссузах. Многие из них, заканчивая те или иные ссузы, оставались безработными, либо имели непостоянный и неофициальный заработок.

Обобщать или как-то конкретизировать очевидные проблемы этих подростков в том возрасте мне было ещё трудно. Но сейчас я понимаю, что данные условия их жизни повлекли за собой проявление различных социальных проблем. Среди представителей анализируемой группы оказались лица нетрадиционной ориентации; лица, получившие судимости; лица в последствии создавшие неполные семьи и оказавшиеся не способными самостоятельно содержать их, не имея финансовой независимости.

Конечно, были и исключения, но, как мы знаем, исключения лишь подтверждают правила. Результат ситуационного анализа: в своём большинстве лица, принадлежавшие к конкретной молодёжной субкультуре, в народе называемые неформалами, принадлежали к группам риска».

На основании проведенных наблюдений сформировался определённый стереотип диагностики поведения молодежи. Но для полноты и точности анализа требовалось обратиться к истории вопроса о молодёжных субкультурах и подробно рассмотреть такие молодёжные субкультуры, как панки и скинхеды. Для раскрытия их содержания и уточнения понятий, обозначающих данные субкультуры, была использована интернет-энциклопедия.

Существует мнение, что субкультура скинхедов в первоначальном виде (и их подражатели из современной скинхед-среды,— традиционные скинхеды) возникла в процессе эволюции субкультуры модов, выразившейся в упрощении внешнего вида в сторону более простой, но не менее опрятной одежды и ассимиляции музыкальных традиций и некоторых элементов внешнего вида ямайской эмигрантской молодёжи (rude-boys).

На конец 1960-х годов в Великобритании пришёлся пик популярности ямайской музыки реггей, что также связывается с субкультурой скинхедов того времени. Основным лозунгом данной субкультуры считается лозунг: «Remember the Spirit of '69». Данная фраза является выражением тех идеалов, к которым стараются быть максимально близки традиционные скинхеды. В основном, эти идеалы копируют социокультурные устои скинхедов периода 1960-х годов:

1. Работа – скинхеды гордятся своей принадлежностью к рабочему классу;
2. Друзья – так называемое «Единение», «Unity»: («важнее дружбы нет ничего на свете»);
3. Семья – семья для скинхедов это «корни», истоки.

Понятие «корни» является одним из основных понятий в субкультуре традиционных скинхедов и находит свое отражение в популярном выражении: «Remember your roots!», что, в принципе, является другой стороной выражения «Remember the Spirit of '69», так как «Дух 69» (Spirit of '69) обозначает корни самой субкультуры, «золотое время» её развития. Понятие «корни» так же важно ещё и тем, что используется для обозначения содержания музыки, характерной для скинхед-среды 1960-х годов (ска, реггей, рокстеди, соул).

Панк, панки являются молодёжной субкультурой, возникшей в конце 1960-х — начале 1970-х годов в Великобритании, США, Канаде и Австралии, характерными особенностями которой являются критическое отношение к обществу и политике. Панки придерживаются различных политических взглядов, но в большинстве своём они являются приверженцами социально направленных идеологий и идей прогрессивизма.

Распространёнными воззрениями в данной молодёжной субкультуре являются стремление к личной свободе и полной независимости (индивидуализм), нонконформизм, принципы «не продаваться», «полагаться на самого себя» («DIY») и принцип «прямого действия» («direct action»). Другие направления политических взглядов панков включают в себя нигилизм, анархизм, социализм, антиавторитаризм, антимилитаризм, антикапитализм, антирасизм, антисексизм, антинационализм.

С помощью исторического экскурса было выявлено, что безработица и принадлежность к группам лиц, попавшим в трудную жизненную ситуацию, не являются признаками, характеризующими идеологию

приверженцев данных молодежных субкультур. Вместе с тем, очевидно, что обе субкультуры отличают достаточно резкие взгляды на политику и государство, но это никак не объясняет сложившегося в обществе стереотипа о явной принадлежности представителей данных молодежных субкультур к группам риска.

В условиях российской действительности представители как рассматриваемых, так и других молодежных субкультур (готы, металлисты, рокеры и др.) в большинстве своём далеки от изначальной идеологии. Изучение основных взглядов и тенденций поведения не только панков и скинхедов, но и представителей других молодежных субкультур привело к выводу об отсутствии у них призыва и стремления оказаться в трудной жизненной ситуации. В этом случае возникает вопрос: почему же идеология неформальных молодежных субкультур так существенно отличается от реальных условий жизни их представителей?

Дальнейший ситуационный анализ дал результаты, позволившие ответить на поставленный вопрос.

Из аналитического отчета Э. Шевцовой: «Оказавшись среди представителей рассматриваемых неформальных молодежных субкультур в стране моего постоянного места жительства (Республика Беларусь), я пришла к выводу, что изначально созданная несколько лет назад в Пензе модель «неформальной молодёжи» совершенно не подходит к анализу новой ситуации, в которой я оказалась. Молодые люди в возрасте от 16 до 27 лет преимущественно были детьми из полных семей, имеющими постоянную официальную работу, высшее или среднее специальное образование, и более того, способными самостоятельно снимать жилье и, в той или иной мере, быть финансово независимыми от родителей. Молодые люди в возрасте от 20 до 27 лет в большинстве своём либо находились в законном браке, и уже имели детей, либо жили со своими партнёрами совместно, не вступая в брак.

Данная ситуация оказалась более соответствующей пониманию той изначальной идеологии молодежных субкультур, которая была выявлена мной в процессе работы».

Таким образом, ситуативный анализ нельзя основывать только на замкнутой локальной группе наблюдаемых, рассматриваемой вне социального контекста. Необходимо в ходе исследования принимать во внимание целый ряд более глобальных факторов, таких как общая экономическая и социальная ситуация в стране, её географическое положение и др.

В результате метод кейс-стади помог создать два «социальных портрета» представителей молодежных субкультур (в г. Пензе и г. Минске), а социальная диагностика и компаративный метод помогли выявить их сходства и различия.

Следует обратить внимание на то, что содержание «кейсов» может быть классифицировано по их структуре. «Структурированные кейсы» («highly structured cases») представляют собой короткое и точное

изложение ситуации с конкретными цифрами и данными. Для такого типа «кейсов» существует определенное количество правильных ответов. Они предназначены для оценки знания и/или умения использовать одну формулу, навык, методику в определенной области знаний.

«Неструктурированные кейсы» («unstructured cases») представляют собой материал с большим количеством данных и предназначены для оценки стиля и скорости мышления, умения отделить главное от второстепенного и обнаружения навыков работы в определенной области. Для них существуют несколько правильных вариантов ответов и обычно не исключается возможность нахождения нестандартного решения.

«Первооткрывательские кейсы» («ground breaking cases») с точки зрения объема их содержания могут быть как очень короткими, так и длинными.

В современной отечественной теории социальной работы наблюдается стремление осмыслить «трансформации личности человека» в процессе профессиональной деятельности, выявить факторы, оказывающие наибольшее влияние на социализацию личности в ходе профессиональной деятельности. Среди таких факторов исследователями называется «готовность к деятельности», под которой понимается «личностная и психологическая предрасположенность», а также достаточная профессиональная подготовка социального работника [См.: 2: 10–11].

Рассмотренный случай классифицирования конкретной категории молодежи с точки зрения объема содержания её соответствующей субкультуры может быть отнесен к «первооткрывательским кейсам». Понимание того, как специалист по социальной работе анализирует подобный «кейс», дает возможность организаторам социальной помощи населению увидеть, способен ли он как профессионал мыслить нестандартно в процессе социальной диагностики, какие креативные идеи социальный работник может предложить в процессе оказания социально-терапевтической помощи клиенту, находящемуся в трудной жизненной ситуации.

Библиографический список

1. Фирсов М.В., Наместникова И.В., Студёнова Е.Г. Философия социальной работы. – М.: КНОРУС, 2012. – 256 с.
2. Панов А.М. О проблемах профессиональной деятельности в социальной работе // Социальное обслуживание, 2012, № 3, С. 8-13.

О. Корнилова
(Научный руководитель профессор М. А. Лыгина)
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Эффективности посвящено множество научных трудов и методологических подходов, существуют общие и частные трактовки этого понятия, предложены различные методы измерения. Однако в литературе по социальной работе крайне мало источников, где подробно бы рассматривалась тема эффективности и качества, теоретико-методологические основания ее оценки и измерения в социальной работе. А необходимость изучения и формулировки таких оснований обоснована тем, что эффективность в социальной работе, прежде всего, отражает развитие её как системы, дает представления о социальной значимости процессов, происходящих в ней.

Сущность эффективной деятельности социальных служб выражается в способности целостной системы или ее отдельных элементов позитивно реагировать на запросы, потребности населения. Поэтому понятие эффективность деятельности социальных служб можно сформулировать следующим образом - это максимально возможное в данных условиях достижение целей по удовлетворению социальных потребностей населения (клиента) при оптимальных затратах.

Эффективность – это также обобщённый, интегральный показатель *качества системы*, то есть её способности отвечать социальным запросам и потребностям общества. Он характеризуется как внутренними свойствами системы (значениями различных показателей, характеризующих потенциал и ресурсы), так и внешними условиями, в которых она функционирует. Задача социальной работы как науки состоит в том, чтобы определить данные показатели и всесторонне изучать и прогнозировать внешние условия.

Проблему эффективности можно рассматривать и как теоретическую, и как практическую задачу, так как она выступает стимулом и индикатором развития системы. Стремясь повысить эффективность деятельности, определяют меры, способствующие процессу развития, и отсекают те из них, что ведут к регрессу. Эффективность является целевым ориентиром управленческой деятельности, направляет эту деятельность в русло обоснованности, необходимости, оправданности и достаточности. Эффективность призвана стимулировать прогрессивные структурно-качественные изменения.

Эффективность можно определить и как комплекс теоретической обоснованной необходимости законодательно предусмотренной возможности действовать, определения наиболее эффективного пути

решения проблемы, его экономического обеспечения и организации выполнения принятого решения.

Многогранность категорий эффективности и качества указывает на сложность их представления в показателях и измерителях. В понятии «эффективность» учитывается не только результат деятельности, но и рассматриваются *условия*, при которых он достигнут. Эффективность любой деятельности принято выражать с помощью отношения результата к затратам. Целевая ориентация такого отношения – стремление к максимизации. При этом ставится задача максимизировать результат, приходящийся на единицу затрат. Затраты же ограничиваются ресурсной базой конкретного учреждения социальной защиты.

Исследование эффективности социальной работы должно строиться исходя из принципа *системного подхода*, в соответствии с которым понятия эффективности и качества рассматриваются как взаимосвязанные элементы, образующих целостное образование, развернутое в диалектическом процессе на разных *уровнях* системы: на уровне страны (макроуровень), региона, города, района (мезоуровень), отдельного клиента (микроуровень).

На сегодняшний день существуют различные методы измерения эффективности социальной работы:

- метод «задачи-результаты»,
- метод «задачи-результаты-затраты»,
- параметрический метод, метод факторов эффективности-неэффективности,
- метод определения степени удовлетворения потребностей клиентов.

Предлагаемые методы могут применяться как в комплексе, так и отдельно, для определения уровня эффективности социальной работы на разных уровнях и в разных аспектах. Применяемые в комплексе, эти методики могут дать картину результативности социальной политики в регионе и стране, применяемые по отдельности методики и показатели могут дать представления о том или ином аспекте общей эффективности социальной работе – количественном, качественном, динамическом, прогностическом и т. д.

Систему *критериев* и показателей оценки эффективности социальной работы можно рассматривать как совокупность упорядоченных, органично связанных характеристик и процедур (методик), позволяющих адекватно оценить состояние социальной работы и выявить резервы ее развития. Особенность оценочных задач в каждом конкретном случае обязательно должна учитываться исследователем и получать свое специфическое **отражение в структуре критериев.**

Эффективность – это обобщенный, интегральный *показатель качества системы*. Он определяется как внутренними свойствами системы (значениями различных показателей, характеризующих потенциал и ресурсы), так и условиями, в которых система функционирует. Поэтому

корректнее говорить не об эффективности вообще, а об *эффективности функционирования системы при выполнении конкретных задач в определенных условиях*. При этом можно функционально связать все частные показатели качества с общим интегральным показателем – эффективностью.

Итак, основными принципами методологического изучения эффективности является **системность**, **принцип множественной оценки** и **принцип многообразия критериев**. Такой комплексный подход позволяет отразить все аспекты и грани эффективности социальной работы. Специфика деятельности, затрат и результатов в социальной сфере по сравнению со сферой материального производства часто обуславливает весьма формальный подход к проблеме эффективности, разнородность и недостаточную обоснованность применяемых критериев. Тем не менее, проблема ограниченности ресурсов и острота социальных проблем понуждают искать наиболее адекватные, методически простые и объективные критерии эффективности и результативности.

Система показателей качества социальной работы должна включать в себя показатели не только экономической, но и социальной эффективности, без этого полной картины результативности деятельности в области социальной политики и социальной работы нельзя получить. Социальная эффективность связана с критерием социальной справедливости, который оценивает *качество общественных отношений с точки зрения обеспечения благосостояния, свободы и других человеческих ценностей* всем членам общества без ущерба и дискриминаций.

Возможные качественные показатели: уровень профессиональной подготовленности специалистов, характер и уровень материальной и информационной обеспеченности их деятельности, материальная оснащенность учреждений социальной работы, уровень развития соответствующей инфраструктуры. Кроме того, необходимо использовать показатель степени удовлетворения социальной потребности, понимаемый как статистическая потребность в социальных услугах определенного типа, а также используя нормативное понимание социальной потребности.

Рыночная экономика предъявляет высокие требования к рациональности распределения общественных ресурсов, что делает особенно актуальной проблему оценки эффективности социальной работы как способа реализации социальной политики. Критерий экономической эффективности необходим для оценки сферы социальной политики и социальной защиты, так как они являются подсистемами общественного производства.

Данный критерий в сфере социальной защиты характеризует рациональность расходования ресурсов в процессе удовлетворения определенной социальной потребности. Однако формирование такого критерия для определения эффективности в сфере социальной работы нуждается в серьезном методическом обеспечении в связи со сложностью и многофакторностью оцениваемых явлений, трудностью измерения

отдельных аспектов деятельности. Принципом методического подхода здесь может стать создание *комплексной системы оценки эффективности*, включающей в себя разнообразные показатели, связанные общей *концепцией благополучия и развития человека*. Каждый вид показателя призван отражать *одну сторону эффективности*: результативность, экономичность или производительность, а их взаимосвязанная и непротиворечивая система *отражает общее состояние эффективности* социальной политики и социальной работы.

Существует два взгляда на эффективность социальной работы. Первый связан с оценкой соотношения достигнутых результатов (эффектов) и затрат, связанных с обеспечением этих результатов. Ключевая проблема при таком подходе заключается в измерении (описании) результатов (или эффектов), а также затрат. Поскольку затраты могут предполагаться, планироваться, постольку эффективность социального обслуживания может быть предполагаемой, планируемой, или фактической, т.е. реально достигнутой. Подобную трактовку эффективности назовем **количественной**.

Другой подход – оценка **качества** социальной работы. Здесь имеют значение мнения, суждения, умозаключения, высказывания субъекта, который производит оценку эффективности социальной работы. В этом случае важно выбрать информационные источники оценки (руководители, специалисты, полевые социальные работники, обслуживаемые клиенты, представители контролирующих органов, средства массовой информации и другие), то есть необходимо иметь в виду, прежде всего, информационно-субъектное значение понятия «оценка эффективности социального обслуживания». В этом смысле оценочная информация, исходящая от конкретных людей, остается субъективной. Чем больше субъектов задействовано в процессе оценки, тем больше (при прочих равных условиях) она будет стремиться к более достоверной. Это, кроме того, процесс выявления мнений, суждений, умозаключений, высказываний населения. Различные оценки, исходящие от разных субъектов и прошедшие определенную процедуру или процесс оценивания, превращаются в результаты (итоги) оценки. Другими словами, мы получаем итоговую оценочную информацию, на основе которой делаются определенные выводы, предпринимаются соответствующие меры, действия, разрабатываются программы повышения эффективности.

При количественной оценке эффективности необходима *целевая и ресурсная определенность*, при качественной – *формулировка социального результата*, которого предполагается достичь в общем контексте социальной работы.

Как уже отмечалось, эффективность можно рассматривать с разных сторон, на разных уровнях системы, то есть комплексно. Экономическая эффективность определяется как соотношение полезного результата (эффекта) и объема использованных (затраченных) ресурсов. Управленческая эффективность – рациональное достижение целей

организации. Внутренняя эффективность характеризует грамотное и полное использование ресурсов; внешняя эффективность характеризует степень достижения поставленной цели.

Так, оценивая число клиентов, получивших помощь в социальной службе, необходимо сопоставлять его с существующей потребностью. Для этого необходимо проводить мониторинг социального положения клиентов по всем позициям, которые являются направлениями социальной работы. Таким образом, мы получим возможность понять, какая доля социальной потребности удовлетворена, а также получим возможность сопоставить с теми ресурсами, которые мы затратили и которыми располагаем. Это даст нам показатель экономичности, производительности ресурсов и своего рода перспективной производительности – т.е. показатель того, какую часть потребности мы можем удовлетворить, не увеличивая ресурсное обеспечение.

Итак, мы попытались обосновать необходимость изучения и построения теоретико-методологических оснований эффективности и качества в социальной работе, указали на взаимосвязи и комплексность этих понятий, обозначили методы и уровни их измерения. Можно утверждать, что эффективность – это, прежде всего, отражение качества системы социальной работы, будь то на уровне отдельного клиента, категории клиентов, социальной службы, района, региона или страны, является многогранным, сложным в представлении своих показателей. При определении качества и эффективности необходимо не просто разработать систему показателей и критериев, но и учитывать условия (как внешние, так и внутренние), при которых пытаемся их определить.

Библиографический список

1. Эффективность деятельности учреждений социального обслуживания населения. Авторский коллектив. М., 1998.
2. Черпухина Т. В., Михайлова С. И., Чуянов А. Ф. Эффективность социального обслуживания: критерии и показатели. Вологда, 2005
3. Холостова Е. И. Теория социальной работы: учебник / Под ред. Е.И. Холостовой. М., 1998.
4. Холостова Е. И. Теория и методология исследования социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. 2005. № 2.
5. Попов В. Г. Эффективность социальной работы - общий взгляд // Российский журнал социальной работы. 1997. №1.

Ю. В. Синельникова
(Научный руководитель профессор Т. Г. Скороходова)
ПГПУ им. В. Г. Белинского

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Актуальность социально-философского анализа мультикультурализма обусловлена усилением роли межкультурных взаимодействий в процессах глобальной интеграции при одновременном возрастании роли факторов, дифференцирующих и разобщающих население в ходе политических и социально-экономических трансформаций.

Философские основы теории мультикультурализма были заложены еще в конце XIX века в работах философов-прагматистов – Чарльза С. Пирса, Уильяма Джеймса, Джорджа Сантаяны, Джона Дьюи.

Феномен мультикультурализма затрагивает большое количество аспектов: мультикультурность как историческое явление, политику мультикультурализма, проводимую в разных странах, идеологический подход к мультикультурализму. Соответственно, проблемы мультикультурализма оказались широко представлены как в социально-философском, социологическом и политологическом категориальном "словарях", так и в реальной социальной практике [1: 41].

Известный этнополитолог Натан Глэйзер определил мультикультурализм как комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре. Это наиболее широкая трактовка мультикультурализма [5: 45].

А. И. Куропятник отметил три уровня понимания мультикультурализма, на настоящий момент закрепившихся в социальных науках: а). демографический (дискриптивный), суть которого заключается в описании изменений демографических, этнокультурных параметров национальных обществ под влиянием эндогенных (миграция) и экзогенных (иммиграция) факторов; б). идеологический, в рамках которого обсуждаются концепции национальных идеологий; в). политический, ориентированный на практическое применение принципов мультикультурализма как идеологии, политики, рассматривающей права культурных, национальных и т.д. меньшинств, реализующей программы их социальной поддержки [2: 8].

Мы проанализировали ряд учебных пособий, рекомендованных УМО вузов РФ по социальной работе (Павленок П. Д. «Основы социальной работы»; Платонов Ю. П. «Основы этнической психологии»; Зайнышев И. Г. «Технология социальной работы», Фирсов М. В., Студенова Е. Г. «Теория социальной работы», Холостова Е. И. «Теория

социальной работы» и т.д.) и пришли к неутешительному выводу. В большинстве проанализированных нами отечественных учебных пособий по социальной работе наблюдается поверхностное рассмотрение проблем этнокультурного взаимодействия, нечёткая разработка понятийного аппарата, разрыв между идеалами гуманизма с одной стороны, и биологизаторскими и репрессивными установками авторов, с другой. Проблема этничности раскрыта наиболее полно в редких, можно даже сказать, единичных учебных пособиях по социальной работе, написанных на иностранном материале.

Как пример качественного изложения материала, можно привести учебное пособие Малькома Пейна «Социальная работа: современная теория» [3]. В данном учебном пособии имеется глава 13 под названием «Антидискриминационный и этнокультурный подходы», в которой Пейн обосновывает актуальность социально-философского осмысления проблем построения социальной политики в полиэтничном обществе, организации соответствующей выбранному социально-политическому курсу практики социальной работы, основанной на этнокультурном подходе. По мнению Малькома Пейна, мультикультурализм утверждает этническое многообразие и стремится внедрить его в общественную жизнь, оценивая вклад каждой культуры в мировую культуру [3: 329]. Мы в целом согласны с данным определением, но словосочетание «оценка вклада культуры» внушает определенные опасения.

Во-первых, всякая оценка содержит определённую долю субъективизма, так как исследователь невольно сравнивает другую культуру с собственной, родной и строит определённую «культурную вертикаль», как правило, располагая свою культуру выше чужой.

Во-вторых, если уж придерживаться понятия мультикультурализма как «равенства культур», отказа от идеологии «дотягивания» других культур до культурного эталона принимающего общества, то уместнее говорить не об оценке, а о *признании* вклада каждой культуры в мировую культуру.

Теоретической основой этнически-чувствительной социальной работы является работа Девор и Шлезингер (1999) «Практика этнически-чувствительной социальной работы» [3: 316]. Основная идея этнокультурного подхода — сделать существующий социальный порядок более чутким к тем проблемам, которые он поднимает, поэтому его ещё называют этносензитивным (этночувствительным). Специалист по социальной работе, исходя из этносензитивного подхода, должен помогать клиенту в осознании своей идентичности, помочь клиенту ответить на вопросы: «Кто я такой? Кто я, по мнению других? Кем бы я хотел быть?».

М. Пейн в своей книге рассматривает и альтернативный к этнокультурному подход — антидискриминационный подход. Поскольку эта теория ставит под сомнение существующий социальный порядок, она рассматривает проблему как проблему социального порядка и структур, а не как личностную или групповую, или как невыгодное положение.

Рассматриваемые практики имеют много общего, но у них изначально различные цели: антидискриминационная практика и практика сопротивления угнетению направлены на преобразование социальных отношений, а целью сензитивной практики является модификация практики и теории социальной работы. Это коренное отличие, но мы можем выявить различия и по другим позициям.

Во-первых, антидискриминационная теория считает своим объектом все группы, подвергающиеся дискриминации и угнетению, а этносензитивная практика направлена на работу с индивидом или группой, исходя из этнической принадлежности. Антидискриминационная практика и практика сопротивления угнетению пытаются свести вопросы работы с инвалидами, людьми нетрадиционной сексуальной ориентации, этническими меньшинствами, пожилыми людьми в единую теорию и практику, охватывающую все группы, подвергающиеся дискриминации или угнетению. А основоположники этносензитивного подхода Девор и Шлезингер (1999), указывают, что многие этнические меньшинства не признают механического сведения всех видов угнетения к единой форме.

Во-вторых, Пейн подтверждает, что этнокультурный подход сфокусирован в значительной степени на этнической принадлежности, но «потенциально может быть использован и с другими группами клиентов, имеющими социальные отличия, обусловленные возрастом, полом, сексуальной ориентацией, а вот «статус антидискриминационных концепций до конца ещё не определён, и авторы некоторых теоретических обзоров не ссылаются на антидискриминационную теорию (например, Лишман, 1991; Степнэй и Форд, 2000)» [3: 330]. Следовательно, перед теоретиками социальной работы встаёт дилемма: рассматривать антидискриминационную теорию как самостоятельную теорию практической деятельности или как ценностный принцип, который должен лежать в основе социальной работы со всеми группами клиентов.

В-третьих, эти подходы несхожи в оценке ответственности клиента за свою судьбу. В антидискриминационном подходе с клиента снимается ответственность за жизненные неудачи и возлагается на социальный институты, в которые он включён. Тем самым нарушается основополагающий принцип социальной работы – принцип стимулирования активности клиента. Сензитивная практика способствует принятию структурных объяснений неравенства, но не отдаёт им приоритетного значения.

Таким образом, выбору моделей работы в полиэтничной среде должны предшествовать разработки в области теории социальной работы. Они подразумевают выбор подходов и принципов, на которых можно будет строить модели практической социальной работы. Необходимо выбрать новые, либо корректировать уже имеющиеся модели социальной работы в полиэтничной среде. Сравнив два подхода к организации социальной работы в полиэтничном регионе, мы установили, что этнокультурный подход имеет ряд существенных преимуществ перед

антидискриминационным. Принимающее сообщество должно адаптировать свои социальные институты, в том числе и институт социальной работы к потребностям и запросам всех составляющих его этнических групп. А практика социальной работы, основанная на этнокультурном подходе, как раз позволяет адекватно, своевременно реагировать на изменяющуюся социальную реальность.

Библиографический список

1. Жидков В. Культурная политика и формирование картины мира // Символы, образы, стереотипы. Исторический и экзистенциальный опыт. СПб., 2000.
2. Куропятник А. И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000.
3. Пейн М. Социальная работа: современная теория / Под ред. Дж. Камплинга. Перевод с английского. М., 2007.
4. Соколовский С. В. К критике политики мультикультурализма// Проблемы филологии и культурологи. 2006. № 3.
5. Терборн Г. "Социологическое обозрение", Том 1, № 1, 2001.

М. А. Саратовцева

(научный руководитель профессор А. Б. Тугаров)

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Одной из теоретико-методологических основ социальной работы является философия, прежде всего, её социально-философская часть. В осмыслении проблемы социокультурной детерминации социальной работы философское понимание означает выявление первоначал и социокультурных корней ее возникновения и развития, ключевых принципов, особенностей познания.

При социокультурном анализе общественной жизни обращают на себя внимание два важных момента. Первый касается группового характера общественной жизни, а второй - поведения людей в группах, которое регулируется определенной системой ценностей, идей, норм и правил поведения.

Оба аспекта социальной жизнедеятельности людей тесным образом взаимосвязаны, поскольку социальное взаимодействие воспроизводит как структуру социальных групп, так и систему ее ценностно-нормативных регуляторов [См.: 1: 45].

Социокультурный подход содержит в себе потенциальную возможность системного, целостного взгляда на общественную жизнь. Прежде чем говорить о социокультурной детерминации социальной

работы, нужно раскрыть смысл детерминизма с философской точки зрения.

Детерминизм представляет собой философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира [См.: 1: 57].

Детерминизм в социальных науках представляет собой использование принципа причинно-следственной закономерной связи в анализе социальной жизни.

Детерминизм в философии и детерминизм в социальных науках являются различными. Когда говорится о детерминизме в философии, то подразумевается взаимообусловленность явлений материального и духовного. Детерминизм в социальных науках осуществляется в рамках системного подхода, означающего целостность образующих социальную систему элементов. Таким системным элементом выступает социальная работа. Так называемый социальный детерминизм находит свое применение в теории социальной работы, потому что детерминированность общественной жизни становится основой научного предвидения социальных явлений.

Многообразие форм социальной детерминации, сложный характер взаимодействия различных тенденций в обществе говорит о противоречивых процессах в обществе.

Проблема социокультурной детерминации социальной работы связана с возникновением социокультурного противоречия, обусловленного изменениями культуры и изменениями социальных отношений. И то, и другое подчиняется разным закономерностям. В обществе допустимы такие социальные отношения, которые могут обеспечить необходимый для общества уровень гармонии, тогда как культура несет в себе оценки любого реального или возможного явления с точки зрения некоторого идеала, независимо от возможности воплотить этот идеал.

Социокультурность как таковая развивалась в два этапа: первый этап (конец XVIII – конец XIX вв.), когда социокультурное осознавалось лишь как следствие исторического развития общества, как его продукт. Человек выступал как творец культурного мира, но не как его продукт, результат самой культуры; во второй половине XX века роль культуры начинает все более фиксироваться общественным сознанием [См.: 1: 85].

Важнейшим средством является социальная работа как сложный вид целенаправленной деятельности, результатом которой является формирование у каждого человека адекватно его состоянию конкретно-исторического социального благополучия как ее результирующего итога. Она выражается в социальном статусе, социальном поведении, функционировании и в социальном сознании, которые человек и общество приобретают в конкретной среде жизнедеятельности.

Теоретический интерес к социальной работе в России появляется в 1990-е годы, когда в условиях глубокого кризиса, нестабильных

политических и социально-экономических условиях оформляется социальная работа.

В социокультурном анализе разрабатываются и используются философско-методологические принципы и социально-философские основания. Это относится к осмыслению проблемы социокультурной детерминации социальной работы.

К социально-философским основаниям социокультурного подхода в первую очередь относятся:

1. Принцип единства и взаимосвязи идеальных и реальных сторон социальной жизни: социокультурные процессы и явления по сути идеальные по содержанию и реальные. Это значит, что все изменения в обществе носят не только внутренний, но и внешний характер. Происходящие изменения опосредуются механизмами идеализации и реализации, интернализации и экстернализации, тем самым социальная работа приобретает опосредованный характер.

2. Принцип единства взаимосвязи «естественных» и «искусственных» элементов социальной жизни: социокультурные явления и процессы, рассматриваемые в их идеальной форме, являются одновременно естественными (спонтанными, самодетерминированными) и искусственными (рационально обоснованными и сознательно направляемыми) процессами.

3. Принцип единства и взаимосвязи субъективных, объективных и интерсубъективных сторон социальной жизни, модусы идеального и реального и естественного и искусственного элементов социальной жизни; социокультурные явления и процессы, рассматриваемые в их идеальной форме, являются одновременно естественными и искусственными процессами.

4. Принцип единства и взаимосвязи личностных, культурных и организационных компонентов социальной жизни людей: социокультурные явления и процессы конституируются посредством структурной дифференциации жизненного и системного миров: человек на уровне субъективности, культура на уровне объективности и социальность на интерсубъективном и объективном уровнях.

5. Принцип единства и взаимосвязи деятельностных и структурных характеристик социальной жизни: процессы конституирования социокультурных явлений следует рассматривать двояким образом, с одной стороны, как способ осуществления деятельности субъектов практической реализации их субъектно-объектных связей, а с другой стороны, как форму взаимодействия между ними (реализации их субъектно-объектных связей) [См.: 2].

Данные принципы являются социально-философским основанием социокультурного подхода, отражают взаимосвязь функциональных и динамических процессов теории социальной работы. В рамках институционализации функциональные процессы, связанные с сохранением и воспроизводством их целостности, органически

соединяются с динамическими процессами, определяющими их последующее развитие.

Однако теоретический интерес к социальной работе обусловил потребность в повышении ее эффективности, оформлении как профессии.

Общетеоретический аспект социокультурного подхода представлен социально-философскими основаниями, что предполагает выделение и комплексное изучение институциональных и внеинституциональных сторон социальной жизни. При этом культура является основной предпосылкой и условием возникновения и существования институциональных структур социальной работы.

В настоящее время актуальной становится проблема социально-философского анализа теоретической социальной работы. Философское рассмотрение социокультурных детерминант становится особенно актуальным в связи с дальнейшим развитием теории социальной работы, которое выражается в социокультурных факторах социальной работы: институализация, деинституализация, социальная справедливость и социализация, которые влияют на детерминацию практической социальной работы.

Они становятся не просто фундаментальными основами, на чем строится социальная работа, но и тем, что все процессы и явления влияют на социальную работу как науку.

В современной социальной науке выделение институционального аспекта становится важным при рассмотрении социокультурных основ социальной работы. Так, во взглядах Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бергера и других ученых прослеживается мысль о том, что институализация выражает процесс и результат структурного и функционального сопряжения культуры и социальной системы.

Институализация, являясь процессом определения и закрепления социальных норм и правил, образует из них систему, ориентированную на удовлетворение некоторых важнейших общественных потребностей. Она начинается в конце XIX – начале XX вв., когда этот феномен зафиксировался в теоретическом и в практическом сознании. Деятельность человека, имея плановый характер, со временем оформляется в социальные отношения, которые становятся упорядоченной системой социальных связей, норм и ролей, объединяя значимые общественные ценности и процедуры, указываемые социальными институтами [См.: 1: 128]. На стадии оформления социальной работы как социального института происходит осмысление социальной работы, устанавливается система отношений, возникает необходимость осмысления теоретической деятельности на разных уровнях.

Так, Т. Парсонс считал, что «в ходе институционального аспекта социального действия выявляются действующие в социальных системах нормативные экспектации, коренящиеся в культуре и определяющие, что именно надлежит делать при тех или иных обстоятельствах людям в различных статусах и ролях одного или нескольких различных значений».

[2: 147] Как отмечает Ю. Хабермас, «институты являются промежуточным звеном между ценностными ориентациями, с одной стороны, и мотивами и возможностями, с другой» [3: 167].

Институализация становится не только процессом, обуславливающим изучение социальных институтов, но и социокультурным фактором развития социальной работы. Получая свое обоснование как тенденция социокультурных изменений, она осуществляется посредством определенных социокультурных механизмов.

Деинституализация, являясь социокультурным фактором социальной работы, всегда обозначает изменения сложившейся общественной жизни. Прежде всего, это касается внутренних и внешних изменений в социальных отношениях.

Институализация и деинституализация как социокультурные факторы в развитии социальной работы устанавливают новую систему развития социальной теории, а также способствуют экспликации механизмов взаимодействия социальной теории и общественной жизни.

Социальная справедливость как понятие, применяющееся для обозначения институционального измерения справедливости, также является социокультурным фактором в развитии социальной работы.

Исследование социокультурной обусловленности социальной теории углубляет рефлексию в социальном познании, означает усиление способности человека к трансцендированию, преодолению рамок собственной исторической социокультурной ограниченности.

В ходе теоретико-философского осмысления необходимо разделить феномен и понятие. Как понятие, социокультурная детерминация оформилась, обозначилась позже.

Обозначение социальной детерминации как понятия было длительным процессом, поскольку социокультурная деятельность не была институализирована.

Анализируя закономерности развития социальной работы в ходе ее институализации, социокультурную деятельность человека можно рассматривать, исходя из социальных позиций субъекта.

В данном случае осмысление социокультурной детерминации социальной работы можно произвести в контексте экзистенциального анализа, исследованием которого занимался В. Франкл. По В. Франклу, человек сам создает свою жизнь, а значит все события, которые происходят с человеком, рассматриваются как сущностно обусловленные. [См.: 3: 340].

По сути, социокультурная детерминация социальной работы обусловлена не только институциональными предпосылками. Ценности реализации и творчества, связь человека с миром, его ответственность за бытие, свобода выбора, деятельность человека становятся основными факторами, приводящими к развитию социокультурных оснований социальной работы.

С методологической точки зрения социокультурная детерминация социальной работы представляет многоуровневую систему, при которой изменения, идущие (происходящие) в правовой, экономической, политической, психологической сферах затрагивают не только социальные отношения человека, но и его деятельность.

Институализация социальной работы позволила в дальнейшем развиваться фундаментальным положениям, а также дала возможность развитию социокультурных основ социальной работы.

Детерминированный характер теории социальной работы обусловлен ее взаимодействием с философией, которая обеспечивает трансляцию знаний о культуре, обществе в сферу социальной работы, способствуя ее дальнейшему развитию.

Библиографический список

1. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Основы социально-культурной деятельности М., 1995.
2. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. М., 1990.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева, послесл. Б. В. Маркова СПб., 2000.
5. Ярошенко Н. Н. Социально-культурная деятельность в контексте формирования новых качеств социального взаимодействия // Вестн. Моск. ун-та культуры и искусства. – М., 2001. Вып. 23.

Ф. Р. Бахтеева

*(Научный руководитель доцент Т. И. Лавренова)
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Необходимость модернизации России как страны достаточно широко обсуждается во всех слоях общества. При этом, обнаруживается, что идея модернизации в России заключается в том, чтобы данный процесс затрагивал, прежде всего, 4 уровня:

- 1) политическую систему;
- 2) экономическую систему;
- 3) технико-научную отрасль производства как отдельную систему;
- 4) социальную систему.

Модернизация последнего уровня общественной жизни сегодня касается, в первую очередь образовательной системы и всей социальной сферы. Тот факт, что изменения в социальной сфере общества проходят наиболее интенсивно, связан с тем, каждый из нас включен в систему социальных отношений.

В современном мире на первый план выходят проблемы развития человека, инвестиций в человеческий капитал, повышения производительности труда. Сформировалось четкое представление, что главное конкурентное преимущество высокоразвитой страны связано с качеством человеческого капитала и факторами, непосредственно обеспечивающими жизнедеятельность людей. Все эти аспекты обусловили важность модернизации социальной сферы. В первую очередь модернизация этого уровня предполагает реформирование системы социальной помощи.

Новая концепция социальной помощи должна строиться на принципе эффективного, т. е. результативного управления социальными процессами. Именно поэтому происходит пересмотр базовых положений закона о социальной помощи.

Проблема эффективности социальной помощи возникает при более тщательном рассмотрении сложившейся сегодня в России модели оказания социальной помощи. Так приоритет при реализации социальной помощи остается за категориальным подходом. Эта модель призвана, прежде всего, поддержать наиболее нуждающиеся группы населения независимо от уровня их доходной обеспеченности.

Однако в условиях рыночно-ориентированной экономики, по мнению большинства экспертов, выгоднее использовать адресную стратегию оказания социальной помощи, поскольку адресные программы ориентированы на воспроизводство качественного человеческого потенциала и сохранение его в период сложных жизненных ситуаций, связанных с потерей доходов (рождение детей, периоды нетрудоспособности, высокий уровень иждивенческой нагрузки, длительная безработица).

Современная российская система социальной помощи населения (пенсионная система не в счет) выглядит следующим образом:

- 1) слабая система пособий для семей с детьми при умеренно развитом секторе детских дошкольных учреждений и школьной инфраструктуры;
- 2) развитая система пособий для пожилых при практически полном отсутствии сектора услуг внесемейного ухода за пожилыми [См.6 2].

Сложившаяся ситуация, при которой практически вся нагрузка по уходу за нетрудоспособными членами общества (детьми, пожилыми, инвалидами и пр.) решается за счет семейных социальных услуг, может стать непреодолимым барьером на пути реализации модернизационного сценария развития, ориентированного на повышение производительности труда: экономически активное население принимает на себя всю тяжесть семейной нагрузки и не может в полном объеме реализовать свой экономический и трудовой потенциал.

Сейчас работники на пике своей карьеры (особенно женщины) обременены услугами по уходу за детьми и пожилыми. Следствием подобного распределения ролей становится низкая производительность

труда и неформальный договор с работодателем о гибком сочетании семейных обязанностей и экономической активности.

Разбалансированность рынка труда, появление феномена безработицы, неправомерно заниженный уровень оплаты труда, падение уровня жизни в сочетании с социальной незащищенностью населения привели ко все увеличивающейся дифференциации в доходах. Соотношение доходов 10 % наименее обеспеченных россиян и богатых по официальным данным достигло 1:17, а по мнению ряда экспертов – 1:60. 45 % россиян считают себя «реально бедными». По официальным данным, 14 % живут за порогом бедности. На самом же деле их число достигает 23 %. Появление понятия «трудовая бедность» - явление позорное, но из 65 млн. работающих 10 % имеют зарплату ниже прожиточного минимума. Две трети работников не могут обеспечить своим заработком себя и одного ребенка. 30 % семей не имеет возможности удовлетворить социальные потребности [См.: 1].

Именно проблемы и степень их решения диктуют социальное поведение людей, оказывая влияние на консолидацию или противостояние внутри общества. Общество должно выступать как слаженный механизм, особенно в трудные моменты.

Сейчас мы находимся перед лицом нарушения социального баланса по вертикали и горизонтали. Но, к сожалению, пока у нас нет не только собственной модели, отработанной концепции социального государства, но нет и обсужденных стратегических планов экономического и социального развития. Зато налицо масса нерешенных и вновь возникающих социальных проблем.

В качестве разрешения существующих противоречий в системе социальной помощи представляется наиболее эффективным проводить политику социального партнерства. Для того чтобы достижения модернизации служили социальному прогрессу, необходимо, чтобы все элементы активного общества нашли способ управлять этим процессом. Политика социального партнерства является важным фактором для достижения совместных действий и соединения усилий всех составляющих сил общества.

Кризис лишний раз показал важность вопроса о слиянии или противоречиях интересов в экономической и других сферах жизни общества. Новое в производстве должно сопровождаться адекватным развитием производственных отношений, взаимодействием социальных и политических сил общества. Обстановка требует создания социальной коалиции, которая обеспечивала бы модернизацию общества по всем параметрам.

Действующие лица этого альянса – государство – бизнес – гражданское общество. На повестке дня стоит вопрос о создании равновесных партнерских отношений. Здесь роль государства трудно переоценить. Государственные гарантии в ходе проведения реформ,

выполнения намеченных планов и принимаемых мер по стабилизации обстановки выступают решающим фактором успеха.

Преодолеть хаос в социальной системе России, как, впрочем, и в других странах, невозможно без твердой государственной политики, сильной вертикали исполнительной власти. Так 90 % расходов по борьбе с безработицей во время кризиса в нашей стране финансировались государством.

Государство, стремящееся быть социальным, а это необходимо, если оно считает себя цивилизованным, является ведущим социальным партнером. Именно оно, обладая финансовыми средствами, административным ресурсом и юридическими возможностями, призвано в рамках стратегии социально-экономического развития страны бороться за решение насущных проблем общества, в первую очередь, социальных. Это особенно важно для России, где традиционно именно государство выступало гарантом реализации социальной политики, практически монополистом в этой области.

Основой социальной стабилизации является социальная адаптация человека в новых условиях. И это касается не только иммигрантов, проблема которых лежит на поверхности, но и жителей целых регионов или городов, представителей ряда профессий. В этом плане нельзя переоценить роль получения, а главное реализации государственных гарантий в ходе выполнения планов и принимаемых мер по стабилизации. Это работало бы на улучшение социального климата и повышение доверия к власти.

Россия нуждается в решительном улучшении управления в социальной сфере. Заявления о жестком контроле над Пенсионным фондом, Фондами социального и обязательного медицинского страхования пока остаются декларациями. А именно порядок в этой области способен укрепить социальную стабильность в стране. Положительным образом на социальных настроениях сказались меры по поэтапному увеличению пенсий, сообщение о государственных гарантиях вкладов (в размере до 700 тыс. руб.). На повестке дня стоят планы заморозить тарифы естественных монополий, ЖКХ, цены в сфере услуг, транспортные тарифы.

Опасно проводить непродуманные эксперименты в области замены льгот явно недостаточной денежной компенсацией, учитывая неконтролируемый рост цен и инфляцию. Население справедливо считает, что льготы заработаны, ценит их и остро реагирует на их отмену или ограничение. Более того, предоставление дополнительных льгот отдельным категориям граждан работало бы на улучшение социального климата и повышение доверия к власти. В кризисных условиях роль государства не уменьшается. Об этом свидетельствует кризис неолиберализма на Западе.

Меняются формы деятельности государства, его взаимоотношения с социальными партнерами. Возрастает необходимость укрепления функций регулирования, контроля над рыночными отношениями, увеличивается

значение функции управления. Европейский опыт показывает, что все это должно происходить в рамках общей социальной стратегии, которая предусматривает как решение тактических задач, так и постановку перспективных целей. Такая стратегия, как уже упоминалось, все еще не выработана в России.

Государство призвано отражать и защищать интересы не только самых ущемленных групп общества, но всех его составляющих: от крупного капитала и трудящихся, до молодежи, старшего поколения, представителей науки и культуры, от работников крупных корпораций в мегаполисах до разбросанного по регионам сельского населения. В этой связи встает вопрос понимания целесообразности мер, принимаемых государством и правительством, доверия к ним. Ведь общество в целом должно быть социальной базой, опираясь на которую государство может реализовать свою политику. Кстати, с подобными проблемами постоянно сталкивается и Европа.

Прозрачность и доступность информации, ее правильное толкование, популяризация государственных планов и программ – задача представителей СМИ и науки. Названная российским правительством главная задача – выполнить социальные обязательства, донесенная до широких слоев населения и понятая им, способна внести вклад в стабилизацию социальной обстановки в стране. Но лишь в случае ее реализации. Населению должны быть понятны не только сиюминутные меры, точечные удары по негативным последствиям реформ или природных катаклизмов, но и перспективы социально-экономического развития страны

Таким образом, модернизация системы социальной помощи требует повышения роли информационной поддержки и социальной статистики. Сегодня трудно оценивать важнейшие социально-экономические и демографические процессы, в том числе ситуацию на рынке труда, уровень, распределение и дифференциацию доходов населения, уровень развития социальных институтов, оказывающих услуги населению, и т. д.

Однако на современном этапе развития мирового сообщества информация должна быть направлена на разработку прогнозов и приоритетов развития. В качестве перспективы развития сферы социальной помощи наиболее разумным представляется разработка и реализация концепции социального партнерства, в основе которой будет лежать принцип равновесного вклада каждого партнера коалиции государство – бизнес – гражданское общество.

Библиографический список

1. Каргалова М. В. Европейский опыт и модернизация социальной сферы России // Мир и политика № 1 (52). Январь 2011.
2. Малева Т. М., Овчарова Л. Н. Социальный контекст модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: Сб. статей и материалов / Под ред. В. Л. Иноземцева, М., 2009.

3. Научный семинар. Векторы социальной модернизации 29.04.2011. Фонд Либеральная Миссия.
4. Чагин К. Г. Новые технологии управления в сфере социальной помощи и социального обслуживания // Журнал исследований социальной политики. 2005. № 4.

М. Борисова

ПГПУ им. В. Г. Белинского

(Научный руководитель доцент Т. В. Терехина)

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ БЕЗРАБОТИЦЫ

В настоящее время безработица становится неотъемлемым элементом жизни России, оказывающим существенное влияние не только на политическую ситуацию в стране, но и социально-экономическую жизнь общества. Уровень безработицы представляет собой макроэкономическую проблему, оказывающую наиболее прямое и сильное воздействие на каждого человека. При этом одним из важных показателей, характеризующих любого субъекта рынка труда, является его половая принадлежность. Мужчины и женщины бывают востребованы в разных отраслях производства, предъявляют разные требования к рабочим местам и, как принято считать, имеют разные возможности при устройстве на работу.

В России, по данным Госкомстата, общая численность безработных составляет 6,1 % (4,6 млн. чел.). Из них доля женщин составляет 2,7 %, а доля мужчин 3,4 %.. [См.: 1]

Возможно, такую особенность среди мужчин можно объяснить тем, что они реже обращаются в центры занятости, не соглашаются на недостойные, на их взгляд, виды деятельности, не дающие существенного дохода, но снижающие социальный статус мужчины, а также большую, чем среди женщин, склонность к нелегальной деятельности в целях выживания. Для большинства же работающих женщин в создавшихся социально-экономических условиях главное - сохранить рабочее место. При этом многие из них согласны потерять в зарплате, лишь бы иметь гарантированный доход и сохранить социальные услуги, предоставляемые по месту работы. В результате, мужчины чаще, чем женщины, увольняются по собственному желанию в надежде найти более подходящую работу, а женщины остаются на условиях частичной занятости.

Можно выделить ряд наиболее вероятных причин, влияющих на разрыв уровня безработицы по полу. А именно:

- 1) Причины превышения уровня женской безработицы над мужской:
 - структурный фактор. Количество вакантных рабочих мест на новых производствах оказывается меньше, чем число работающих женщин, высвободившихся со старого производства. Работники, чьи профессии больше не требуются и они не обладают навыками, которые можно быстро

продать на рынке труда, должны проходить переподготовку, на которую необходимо время.

– субъективная дискриминация. Дискриминация на основе личного предубеждения проявляется со стороны нанимателя по отношению к женщинам.

2) Причины превышения уровня мужской безработицы над женской:

– относительно более высокая конкуренция на «мужских» рабочих местах;

– более активное и рискованное поведение в поиске высокооплачиваемой работы. Женщины чаще заняты на второстепенных работах. Объективная дискриминация женщин со стороны администрации предприятий основана на том, что женщины чаще, чем мужчины, имеют перерывы в работе, связанные с рождением детей, уходом за больными членами семьи и выполнением семейных обязанностей

– отраслевая структура экономики. Часто «женские» рабочие места и профессии исчезают в ходе структурной перестройки экономики. Например, в России начала 90-х годов среди безработных женщин большинство были инженерами, работницами конструкторских бюро и технических отделов. [2: 136]

Специалисты в области социальной работы указывают на то, что мотивация безработных зависит от стажа пребывания в этом состоянии. [3: 258–259] Так, в Департаменте Федеральной государственной службы занятости населения Ленинградской области было проведено исследование динамики мотивации безработных женщин. Женщины, только потерявшие работу и пробывшие в качестве безработных менее месяца, переживают неудовлетворенное стремление к изменению профессии и получению новой работы. Это приводит к возникновению негативного эмоционального состояния, сопровождающегося желанием вернуться к привычному образу жизни. Однако они хотят получить новую работу в готовом виде, не предпринимая для этого никаких усилий. Таким образом, мотивы поиска работы у них, как правило, отсутствуют.

Мотивационная сфера безработных женщин в период от 1 до 6 месяцев нахождения на учете в центре занятости характеризуется подавленностью интересов. Они утрачивают интересы и увлечения, поисковая и общая активность у них значительно снижается. Потеря работы в этот период воспринимается как угроза, как крупная неудача в жизни; представления о будущей работе в этот период также сильно меняются — во главу угла ставится общение с людьми, порой в ущерб профессиональной самореализации и творческой активности.

По окончании полугода ведущие интересы смещаются из сферы профессиональной деятельности и семьи в сферу досуга. Многие женщины начинают забывать последнюю свою работу и даже порой забывают о необходимости систематического посещения службы занятости с целью перерегистрации. Главным мотивом поиска работы становится удовлетворение коммуникативной потребности и потребности в

профессиональном творчестве. Однако многие профессиональные навыки к этому времени оказываются утраченными, и в первую очередь навыки делового общения.

С той или иной степенью вероятности можно говорить и о динамике мотивации безработных мужчин, но в этом случае гораздо большее значение имеют материальный фактор и социальная престижность как прежней, так и новой работы. Причина большего смещения мотивации в эту сторону лежит в сфере традиционной культуры, поскольку мужчина воспринимается как «добытчик», основная обязанность которого материальное обеспечение семьи.

С обыденной точки зрения безработный мужчина — это не нормально, в то время как неработающая женщина — это часто одобряемая в обществе социальная роль. В связи с этим и переживания состояния безработного у мужчин гораздо острее и тяжелее, чем у женщин, а длительность пребывания в этом качестве может быть серьезным показателем степени социальной дезадаптации у мужчин.

Кроме вышперечисленных гендерных особенностей, влияющих на разрыв уровня безработицы по полу, хотелось бы сказать о причинах, связанных с гендерной дискриминацией при принятии на работу.

Г. Беккер выделила 3 типа гендерной дискриминации при поступлении на работу:

– дискриминация на уровне предпочтений включает в себя:

а) дискриминацию со стороны работодателя – часть работодателей имеет склонность к дискриминации, т. е. предубеждение против найма на работу тех или иных групп работников.

б) дискриминацию со стороны потребителя – этот вид дискриминации обычно возникает там, где высока частота и интенсивность контактов с потребителем, который предпочитает быть обслуженным (например, женщинами или мужчинами). Обычно именно с этим видом дискриминации связывают сохранение профессиональной сегрегации по полу на рынке труда.

в) дискриминацию со стороны работников - этот тип дискриминации возникает, когда некоторые группы работников избегают вступать в трудовые отношения с представителями иной расы, национальности или пола (например, когда мужчины отказываются поступать на работу, где их непосредственным начальником будет женщина, либо вообще в те фирмы, где женщины заняты на престижных должностях).

– статистическая дискриминация - суть этого типа дискриминации состоит в том, что, принимая решения о найме, работодатель пытается угадать вероятную производительность кандидатов на должность по некоторым косвенным признакам, (образование, опыт, возраст, пол, результаты тестов, рекомендаций с прошлого места работы и пр.). Если работодатель считает, что мужчины – худшие работники, чем женщины, то он будет систематически отдавать предпочтение женщинам независимо от

индивидуальных профессиональных и семейных характеристик конкретного кандидата.

– дискриминация, обусловленная монопольной структурой рынка труда - На рынке труда действуют законы конкуренции, обеспечивающие выживание тем фирмам, которые имеют наименьшие издержки и наибольшую прибыль. Напротив, теории монопольной силы акцентируют внимание на том обстоятельстве, что дискриминация существует и сохраняется потому, что она приносит прибыли тем, кто ее осуществляет [4: 128].

Таким образом, можно сказать, что разница в стратегиях на рынке труда между мужчинами и женщинами не так велика, пол определяет ее лишь как одну из причин наряду со многими другими, существующими в современном обществе. Но в то же время увеличение количества безработных приводит наше общество к порогу бедности.

Библиографический список

1. <http://www.gks.ru>.
2. Введение в гендерные исследования: Учебное пособие для студентов вузов /: Под общ. ред. И. В. Костиковой. М., 2005.
3. Психология социальной работы.: Уч. пособие / Под общ. ред. М.А. Гулиной. СПб., 2004.
4. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. М., 2001.

Т. Николаева

(Научный руководитель профессор А. Б. Тугаров)

ПППУ им. В. Г. Белинского

НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ЖИЗНЕННОГО РИСКА РЕБЁНКА

Одной из наиболее острых и тревожных проблем для российского общества в целом, и Пензенской области в частности, по-прежнему остаётся неблагополучие семьи. Современные семьи переживают кризис, в них не редкость жестокое обращение с детьми, насилие в браке, алкоголизм родителей и другие проблемы. Практика семейного воспитания показывает, что оно не всегда бывает «качественным» в силу того, что одни родители не умеют растить и способствовать развитию собственных детей, другие не хотят, третьи не могут в силу каких-либо жизненных обстоятельств (тяжёлые болезни, потеря работы, средств к существованию и др.) [1]. Данное обстоятельство служит благоприятным фоном для развития жизненных рисков детей, подчёркивая актуальность выбранной тематики, позволяя говорить её о многоаспектности и глубине.

Не вызывает сомнения, что своевременное выявление семей на ранней стадии семейного неблагополучия и рациональным образом организованная социальная работа с ними является одним из главных

условий эффективной профилактической работы по недопущению жизненных рисков ребёнка, наиболее серьёзным из которых является безнадзорность несовершеннолетних.

Анализ социально-гуманитарных работ, имеющих отношение к выбранной тематике позволяет говорить о том, что у понятия «неблагополучная семья» нет четкого определения в научной литературе.

К примеру, М. А. Галагузова характеризует неблагополучную семью как семью с низким социальным статусом, в какой-либо из сфер жизнедеятельности или нескольких одновременно, не справляющуюся с возложенными на нее функциями, её адаптивные способности существенно снижены, процесс семейного воспитания ребенка протекает с большими трудностями, медленно, малорезультативно [См.: 2]. В. М. Целуйко определяет неблагополучную семью – как семью, в которой нарушена структура, обесцениваются или игнорируются основные семейные функции, имеются явные или скрытые дефекты воспитания, в результате чего появляются «трудные дети» [3].

Анализ данных точек зрения, на наш взгляд, указывает на недостаточность теоретической разработки проблем в данной области. Во втором случае автор, говоря о структуре семьи, должным образом не раскрывает её содержание, дискуссионным остаётся вопрос о явных и скрытых дефектах воспитания. В социально-гуманитарной литературе имеет место и употребление синонимов данного понятия: деструктивная семья, дисфункциональная семья, семья группы риска, негармоничная семья. Данное обстоятельство на практике во многом затрудняет и делает проблематичным как процесс учёта таких семей, так и процесс организации социальной помощи данной категории населения, по-прежнему оставаясь серьёзным фоном жизненного риска ребёнка.

Как следствие теоретическая неопределённость находит своё отражение в трактовке понятия «безнадзорный». Зачастую данное понятие рассматривается как синонимичное понятию «беспризорный», либо «бездомный», либо находит иное толкование, вводя исследователя в заблуждение о масштабности проблемы. И только в Федеральном Законе № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», являющимся основополагающим нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность в сфере профилактики безнадзорности, и отражающим научное знание о заявленной проблематике, мы находим довольно чёткое отражение данного понятия.

Согласно данному закону, «Безнадзорный – несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц; непризорный – безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания» [4].

Следует отметить, что проблемы, с которыми сталкивается неблагополучная семья, касаются разных сторон жизни: социальной, правовой, материальной, медицинской, психологической, педагогической и др. При этом только один вид проблем у семьи встречается довольно редко, поскольку все они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Например, социальная неустроенность приводит к психологическому напряжению, что порождает семейные конфликты; материальная ограниченность не позволяет удовлетворять насущные потребности, отрицательно сказывается на физическом и психическом здоровье взрослых и детей.

Характеристика неблагополучных семей разнообразна – это могут быть семьи, где родители жестоко обращаются с детьми, не занимаются их воспитанием, где родители ведут аморальный образ жизни, занимаются эксплуатацией детей, бросают детей, запугивают их «для их же блага», не создают условий для нормального развития и т.д. Разные авторы выделяют различные типы неблагополучных семей. Эти классификации не противоречат, а дополняют, иногда повторяя друг друга. Не учитывать дифференциации семей не видится рациональным, так как о помощи семье «абстрактной» речи быть не может. Помощь всегда конкретна. Приведём лишь некоторые из классификаций, наиболее полно подчёркивающие многоаспектность выбранной тематики.

В. В. Зикратов выделяет следующие типы неблагополучных семей, служащих потенциальным жизненным риском ребёнка, в частности, риском безнадзорности несовершеннолетнего [5].

1. Семьи с недостатком воспитательных ресурсов. К ним относятся разрушенные или неполные семьи; семья с недостаточно высоким общим уровнем развития родителей, не имеющих возможности оказывать помощь детям в учебе; семьи, где родители тратят много времени и сил на поддержание ее материального благополучия. Эти семьи сами по себе не формируют трудных детей. Известно много случаев, когда в таких семьях вырастали нравственно совершенные люди. Но все же, эти семьи создают неблагоприятный фон для воспитания и становления развивающейся личности ребенка.

2. Конфликтные семьи: где наблюдается напряженная обстановка между родителями. В таких семьях дети часто держатся оппозиционно, подчас конфликтно-демонстративно. Иногда протестуют против существующего конфликта и встают на сторону одного из родителей.

3. Нравственно неблагополучные семьи. Среди членов такой семьи отмечаются различия в мировоззрении и принципах организации семьи, стремление достичь своих целей в ущерб интересам другого, использование чужого труда, стремление подчинить своей воле другого.

4. Педагогически некомпетентные семьи: в них надуманные или устаревшие представления о ребенке заменяют реальную картину его развития.

Г. П. Бочкарева выделяет следующие типы неблагополучных семей [6].

1. Семьи с неблагоприятной эмоциональной атмосферой, где родители не только равнодушны, но и грубы, неуважительны по отношению к своему ребенку, подавляют его волю.

2. Семьи, в которых родители при внешнем благополучии безразличны к потребностям ребенка, так как между ними отсутствуют эмоциональные контакты. Ребенок в таких случаях стремится найти эмоционально значимые отношения вне семьи.

3. Семьи с нездоровой нравственной атмосферой. Ребенку прививаются социально нежелательные потребности и интересы, он вовлекается в аморальный образ жизни. Как видим, в основу этой классификации положено содержание переживаний ребенка.

Л. С. Алексеева в качестве основания для классификации неблагоприятных семей выделяет характер внутрисемейных коммуникаций и внутрисемейное поведение [См.: 7]. На основании этих критериев она различает следующие виды неблагоприятных семей: конфликтная семья (с высоким уровнем вербальной агрессии), где общаются на повышенных тонах, ежедневно возникают семейные сцены; аморальная семья, где поведение ее членов противоречит принятым в обществе нормам (например, проституция, вплоть до детской); педагогически некомпетентная семья с низким уровнем психолого-педагогических знаний и асоциальная.

Среди явно неблагоприятных семей наиболее распространенными являются те, в которых один или несколько членов зависимы от употребления психоактивных веществ, прежде всего алкоголя и наркотиков. Человек, страдающий от алкоголизма или наркомании, вовлекает в свое заболевание всех близких людей. Внимание специалистов обращается не только на самого больного, но и на его семью, так как зависимость от употребления алкоголя и наркотиков – это «семейное заболевание» [См.: 8, С. 369]. В семьях со скрытой формой неблагоприятия гораздо труднее разглядеть неблагоприятие по отношению к детям, что, во многом, затрудняет в дальнейшем организацию помощи данной категории.

Как правило, ведущим направлением работы органов и учреждений социальной защиты населения является выделение из всего состава семей и детей, нуждающихся в помощи и поддержке, семей особой категории - находящихся в социально опасном положении (семей неблагоприятных).

Выявление таких семей, создание базы данных о детях, находящихся в социально опасном положении, организация работы с ними с привлечением всех заинтересованных ведомств оказывается основным звеном профилактики жизненных рисков несовершеннолетних.

Доминирующая роль в выполнении данной функции в Пензенской области отводится Центрам социальной помощи семье и детям, в структуре деятельности которых основным по предупреждению жизненных рисков детей и подростков является отделение профилактики безнадзорности несовершеннолетних.

По результатам нашего исследования деятельности отделения профилактики безнадзорности несовершеннолетних Первомайского района г. Пензы, которое проводилось с января по март 2012 г., следует отметить, что работа по предупреждению безнадзорности несовершеннолетних проводится в контексте организации социальной работы с семьёй, как правило, не выделяясь в отдельные мероприятия, которые, на наш взгляд, сделали бы данную работу более конкретной.

Область задач, которые должны решать специалисты данного отделения, достаточно широкая, поэтому они не могут сосредотачивать свое внимание только на работе по профилактике безнадзорности, к тому же, по мнению многих специалистов, большинство работающих в данной сфере, не имеют для этого всех необходимых специализированных знаний.

Между тем, проблема жизненных рисков детей, а именно безнадзорности среди несовершеннолетних, продолжает объективно существовать и требует своего научного осмысления. Но теоретическая неразработанность многих моментов, имеющих непосредственное отношение к практике организации превентивных мер, в частности, в сфере безнадзорности несовершеннолетних и организации социальной помощи неблагополучной семье в целом, в определенной мере препятствует применению действенных технологий оказания социальной помощи данной категории населения, снижая при этом результативность такой помощи.

Библиографический список

1. Павленок П. Д. Технологии социальной работы с различными группами населения: Учебное пособие. М., 2009.
2. Социальная педагогика / Под общ. ред. М. А. Галагузовой. М., 2000.
3. Целуйко В. М. Психология современной семьи. М., 2004.
4. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Справочно-правовая система «Гарант».
5. Зикратов В. В. Девиантно-делинквентное поведение детей и подростков. // Социальная педагогика, 2009, №3.
6. Бочкарева Г. П. Яблоко от яблони // Семья и школа, 1982, № 2.
7. Алексеева Л. С. Семья и социальные риски // Отечественный журнал социальной работы, 2007, № 2..
8. Холостова Е. И. Социальная работа. М., 2006.

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В. А. Долотов
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ДОСРОЧНЫХ ПЕНСИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

За последние годы уровень пенсионного обеспечения в РФ повысился за счет ежегодной индексации, переоценке прошлых пенсионных прав (валоризации), введению социальных доплат и ряда других мер.

С июля 2012 года начинаются назначения и выплаты накопительных частей трудовых пенсий, что также повысит уровень пенсионного обеспечения.

В 2011 году рост среднего размера пенсий составил 8,9%, а трудовых пенсий – 9%. Средний размер трудовой пенсии по итогам 2011 года равнялся 8510 рублей.

Бюджет пенсионного фонда РФ в истекшем году превысил 5,25 трлн руб. или составил 9,9% ВВП РФ.

Страховые взносы на обязательное пенсионное страхование (ОПС) в 2011 году составили 2,9 трлн рублей. Кроме обязательных страховых взносов в бюджет ПФР поступили средства на накопительную часть пенсии, дополнительные страховые взносы граждан и работодателей, софинансирование из федерального бюджета, средства для выплаты материнского капитала, средства для компенсации выпадающих доходов в связи с установлением пониженных тарифов страховых взносов, средства для финансирования федеральной специальной доплаты. На обеспечение сбалансированности бюджета ПФР было направлено 924,4 млрд руб. из федерального бюджета.

Отсюда можно сделать вывод, что по одной из основных проблем пенсионного обеспечения - низкому уровню пенсий – есть определенное улучшение, а по второй проблеме - несбалансированности бюджета положительных результатов нет. Поэтому можно ожидать, что очередной этап реформирования пенсионной системы должен затронуть проблемы сбалансированности системы.

В этой связи определенный положительный результат вполне очевиден в случае оптимизации системы досрочных пенсий.

По итогам 2010 года численность получателей досрочных пенсий составляет 11 млн. человек или 33,8 % от общего числа получателей трудовых пенсий по старости, а по новым назначениям в 2010 году - 24,6% (рис.1).

Рис. 1. Численность получателей досрочных пенсий в РФ за 2006-2010 гг.

Объем средств, направляемых на их финансирование, составляет более 1 трлн. рублей или 36,2 % от объема средств, направленных на выплату трудовых пенсий по старости (по новым назначениям – 28,7%) (рис.2).

Рис.2. Объем финансовых расходов на выплату досрочных пенсий в РФ за 2006-2010 гг.

Рассматривая основания для досрочных пенсий, можно выделить три фактора:

- производственный – характерен для 62,7% получателей досрочных пенсий;
- социальный – для 12,8%;
- природно-климатический и экологический – для 24,5%. (Рис.3)

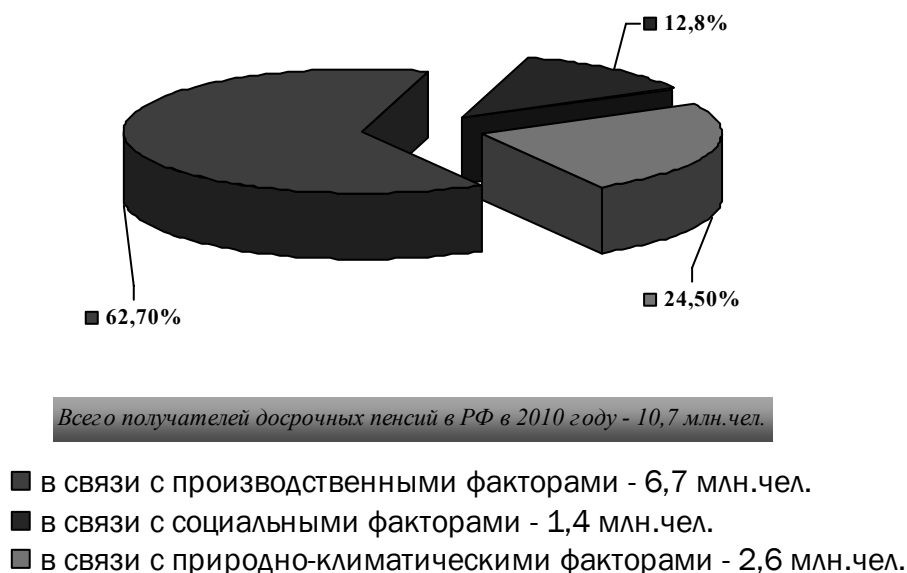

Рис. 3. Структура получателей досрочных пенсий в РФ на 01.01.2011 г.

Анализ финансовых источников досрочных пенсий показывает, что абсолютное большинство пенсионеров «досрочников» финансируются за счет страховых взносов обязательного пенсионного страхования, уплачиваемых работодателями в ПФР.

Исключение составляют только две категории: безработные и «чернобыльцы». Финансовые ресурсы, направляемые на выплату досрочных пенсий этим категориям пенсионеров до достижения общеустановленного пенсионного возраста возмещаются Пенсионному фонду РФ из федерального бюджета.

Что касается всех остальных досрочных пенсий то, до 2010 года их финансирование осуществлялось за счет единого социального налога (ЕСН), направляемого в ПФР для финансового обеспечения страховой части пенсии, и части ЕСН, уплачиваемого работодателями в федеральный бюджет, направляемый затем в ПФР для финансирования базовой части пенсии.

С 2010 г., в соответствии с Федеральным Законом от 24.07.2009 г. №212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования», финансирование досрочных пенсий стало осуществляться за счет страховых взносов, направляемых в ПФР на финансирование страховой

части, включая фиксированный базовый размер трудовой пенсии, что подтверждает приведенная таблица 1.

Таблица 1

**Тарифы страховых взносов
на обязательное пенсионное страхование в 2002-2012 годах в РФ**

Годы	Источник	Тариф	На ИЛС	Базовая часть	Накопительная часть	Солидарная часть
2002-2004гг.	ЕСН	28 %	14 %	14 %	В зависимости от возраста	
2005-2009 гг.	ЕСН	20 %	14 %	6 %	- « -	
2010 г.	Страховые взносы	20 %	16 %	-	- « -	4 %
2011 г.	Страховые взносы	26 %	16 %	-	- « -	10 %
2012 г.	Страховые взносы	22 %	16 %	-	- « -	6 % + 10 % с заработка свыше 512 тыс. рублей в год

Совершенно ясно, что с 2002 года и до настоящего времени, в качестве финансового источника досрочных пенсий используются финансовые ресурсы обязательного пенсионного страхования.

Отсюда можно сделать вывод о том, что действующая система финансирования досрочных пенсий осуществляется за счет всех пенсионеров, выделенный источник финансирования досрочных пенсий отсутствует (одна и та же база является источником и для выплаты обычных трудовых пенсий, и для выплаты досрочных пенсий), что негативно влияет на финансовую устойчивость системы обязательного пенсионного страхования и уровень пенсионного обеспечения в РФ.

С 1990-х годов с началом рыночных преобразований в Российской Федерации и появлением частного предпринимательства, система досрочных пенсий, выстроенная для плановой экономики, не отвечает современным экономическим отношениям.

В первую очередь это относится к тяжелым и вредным условиям труда. Тяжелые или вредные, зачастую неудовлетворительные, условия труда зависят полностью от работодателя и отражают в абсолютном большинстве частный, а не государственный характер производства, а пенсию за такие условия производства, наносящие вред здоровью, финансирует вся работающая часть населения страны, увеличивая тем самым расходную часть бюджета ПФР и снижая финансовую сбалансированность системы обязательного пенсионного страхования.

Основные противоречия, которые существуют в настоящее время в системе досрочного пенсионного обеспечения можно классифицировать следующим образом:

- противоречие между частным характером производства и государственными обязательствами по досрочным пенсиям;
- досрочное пенсионное страхование лиц, работающих в тяжелых, вредных и опасных условиях труда, осуществляемое за счет системы обязательного пенсионного страхования;
- обеспечение большего времени получения досрочных пенсий при меньшем объеме пенсионного капитала;
- снижение возможности пенсионного обеспечения всех «обычных» пенсионеров из-за финансирования досрочных пенсий из системы обязательного пенсионного страхования.

Указанные противоречия являются следствием того, что проводимое за последние 20 лет реформирование и модернизация российской пенсионной системы не затрагивали систему досрочных пенсий, а лишь вводили новые категории их получателей. Для досрочных пенсий используется такая же пенсионная формула, как для обычных трудовых пенсий. Меняется только стажевый коэффициент и не меняется условная продолжительность получения досрочной пенсии, размер которой считается из пенсионного капитала по обязательному пенсионному страхованию.

Для того, чтобы исключить возникшие противоречия системы досрочных пенсий в современных условиях необходимо осуществить ее модернизацию для соответствия современным экономическим отношениям, которая должна включать в себя несколько направлений:

- определение новых принципов построения систем досрочных пенсий, основанных на дополнительном страховании условий труда, которые являются тяжелыми, вредными опасными;
- оптимизация финансовых источников формирования досрочных пенсионных прав в зависимости от факторов дающих право на досрочную пенсию;
- разработка экономического механизма досрочных пенсий и временной схемы досрочного пенсионного обеспечения;
- осуществление формирования досрочных пенсионных прав на основе принципа пропорциональности;
- модернизация системы учета досрочных пенсионных прав.

Исходя из предложенных направлений модернизации, построение системы досрочных пенсий возможно на следующих принципах:

1. Финансовой устойчивости системы досрочных пенсий, основанной на эквивалентности финансового обеспечения досрочных пенсионных прав и дополнительного страхования работающих в особых условиях.
2. Обязательного характера дополнительного пенсионного страхования работающих в предусмотренных законом особых условиях труда.

3. Государственного контроля функционирования институтов, участвующих в реализации досрочных пенсионных прав граждан.

4. Обязательности уплаты страхователями целевых страховых взносов по каждому условию, предоставляющему досрочные пенсионные права.

5. Ответственности страховщика за целевое использование средств досрочного пенсионного страхования.

6. Использования накопительных принципов формирования пенсионного капитала для выплаты досрочной пенсии.

7. Обязательности индивидуального (персонифицированного) учёта досрочных пенсионных прав застрахованного лица и обязательств страховщика.

8. Автономности и самостоятельности финансовой системы досрочного пенсионного обеспечения.

9. Информирования застрахованного лица об объеме досрочных пенсионных прав и уплаты страховых взносов страхователем.

10. Ограничения срока выплат досрочных пенсий общеустановленным пенсионным возрастом.

11. Регулярной аттестации рабочих мест, улучшения условий труда, совершенствования технологии производства, оптимизации производственных процессов.

12. Возвратности пенсионных платежей на досрочное пенсионное обеспечение.

Создание системы досрочного пенсионного обеспечения на указанных выше принципах позволит устранить противоречия существующей системы, сделать ее соответствующей современным экономическим отношениям и в то же время сократить расходы бюджета ПФР на финансирование досрочных пенсий.

При этом досрочные пенсии, которые являются следствием производственных условий (Списки 1 и 2) и носят корпоративный характер, должны финансироваться из негосударственного (корпоративного) источника (рис.4).

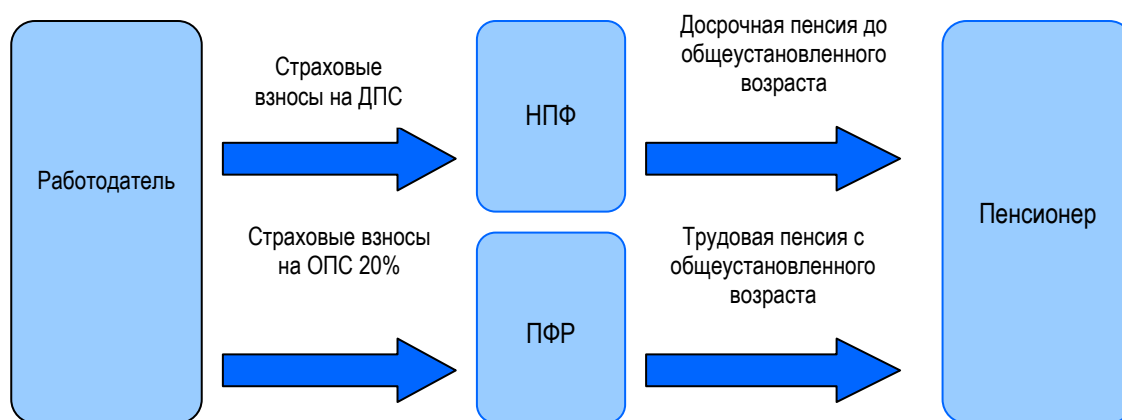

Рис.4. Система досрочных пенсий для тяжелых, вредных и опасных условий труда

Досрочные пенсии, которые являются следствием работы в интересах государства и общества (работники МЧС, лица, работающие с осужденными, спасатели), а также имеющие социальный характер (многодетные матери, матери, отцы и опекуны инвалидов с детства, инвалиды вследствие военной травмы, инвалиды 1 группы по зрению др.), должны финансироваться из федерального бюджета (рис.5).

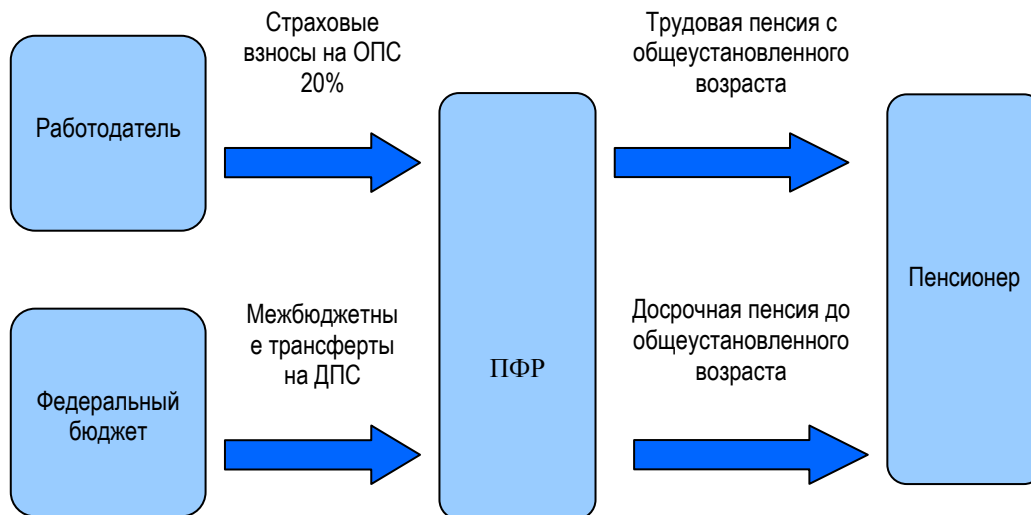

Рис. 5. Система досрочных пенсий, имеющих социальный характер

Новый экономический механизм досрочных пенсий в современных рыночных условиях предполагает построение системы досрочных пенсий с участием негосударственных пенсионных фондов (НПФ). Привлечение НПФ расширяет работодателю возможности выбора партнера, создает предпосылки для развития конкуренции в сфере пенсионного страхования, а, следовательно, для повышения качества пенсионных услуг, роста благосостояния пенсионера.

Предложение по использованию НПФ содержится и в рекомендациях экспертной группы при Общественном совете по инвестированию средств пенсионных накоплений при Президенте РФ под руководством М. Э. Дмитриева

В то же время непонятно на чем основаны выводы экспертов, по которым надо разделять функции по досрочному пенсионному обеспечению между ПФР и НПФ. Досрочную пенсионную систему предлагается формировать на базе НПФ, а администрирование взносов и их персонифицированный учет группа предлагает возложить на ПФР, что ведет к усложнению всей системы досрочных пенсий.

Второе, что вызывает непонимание в рекомендациях - это то, что за неудовлетворительные условия труда на рабочих местах должны уплачиваться личные страховые взносы работников, работающих в этих условиях, в то время как рабочие места предоставляет работодатель.

Третье, эксперты предлагают использовать субсидии государства для работающих в условиях Списка 1 до 25 % размера досрочных пенсий, а по Списку 2 субсидии государства с учетом фактического уровня

дополнительной нагрузки на работодателя, что фактически является переложением социальной ответственности самих работодателей за неудовлетворительные рабочие места на государство, на все общество, что представляется совершенно неприемлемым.

В целях исключения существующих противоречий в системе досрочных пенсий необходимо ограничить выплату досрочных пенсий достижением общеустановленного пенсионного возраста (60 лет для мужчин, 55 лет для женщин).

При этом формирование досрочных прав до модернизации досрочной пенсионной системы должно осуществляться по действующим сейчас правилам. Пенсионный капитал, заработанный до 2002 года, формируется за счет стажа и заработка застрахованного лица. С 2002 г. к нему будут суммироваться страховые взносы, начисленные работодателем по обязательному пенсионному страхованию (ПФР). Финансирование данной части досрочной пенсии должно осуществляться ПФР за счет средств обязательного пенсионного страхования.

Формирование досрочных пенсионных прав в условиях нового механизма их формирования будет зависеть от уплаты работодателем дополнительных страховых взносов на досрочное пенсионное страхование в НПФ и уровня их доходности. Эту часть досрочных пенсий должен финансировать НПФ за счет уплаченных дополнительных страховых взносов.

Таким образом, формирование досрочных пенсионных прав будет осуществляться на основе принципа пропорциональности.

Предлагается создать полноценную систему досрочных пенсий, начиная с функции по сбору и администрированию дополнительных страховых взносов, их персонифицированный учет, а также назначение и выплату досрочных пенсий в НПФ (в отличие от схемы, предложенной экспертной группой, которая раздробляет и функции и ответственность субъектов системы).

При условии принятия законодательных актов о введении профессиональных пенсионных систем (ППС) с 2012 года и при условии, что часть досрочных пенсионных прав, приобретённых застрахованными лицами до 2012 года, выплачиваются из ПФР, а после 2012 года - из профессиональных систем, расчеты по Пензенской области показывают, что снижается численность получателей досрочных пенсий, как полностью получающих пенсии из ПФР, так и частично.

Выплата из ПФР досрочных пенсий, назначенных до 2012 года, прекратится к 2026 году. Пенсии, назначенные после 2012 года (по Спискам 1 и 2), будут выплачиваться до 2035 года. В то же время частичная выплата досрочных пенсий будет осуществляться до 2046 года. Общее снижение получателей досрочных пенсий из ПФР, при введении ППС к 2046 году, составит 12160 человек. Будут наблюдаться две противоположные тенденции. Численность получателей части досрочной

пенсии из ПФР будет увеличиваться с 2012 года по 2029 год, а затем уменьшаться до 0 в 2046 году

В то же время численность получателей полных досрочных пенсий из ПФР будет резко снижаться уже с 2012 года.

Небольшой части жителей области, которая приобрела право на досрочную пенсию, до 2012 года будет выплачиваться досрочная пенсия из ПФР до 2035 года.

Общее снижение получателей досрочных пенсий из ПФР при введении профессиональных пенсионных систем в 2012 году начнётся с 2015 года. Начиная с 2030 года, снижение численности будет происходить более высокими темпами.

Снижение численности получателей досрочных пенсий из ПФР уменьшит общую численность пенсионеров к 2045 году с 388,9 тыс.чел. до 376,8 тыс.чел.

Уменьшение численности получателей досрочных пенсий в области позволит высвободить финансовые ресурсы и перераспределить их в рамках обязательной пенсионной системы и тем самым повысить уровень обеспеченности страховой части пенсий собственными средствами, повысить сбалансированность системы ОПС.

На объём указанных финансовых ресурсов влияет не только общее снижение количества получателей досрочных пенсий из ПФР, но и то обстоятельство, что значительное количество граждан будет получать из ПФР не полную досрочную пенсию, а только часть её, в зависимости от объёма досрочных пенсионных прав, приобретённых до 2012 года (года введения ППС). Объём высвобождаемых финансовых ресурсов системы обязательного пенсионного страхования будет стабильно расти.

Введение предложенных условий формирования досрочных пенсионных прав застрахованных лиц в РФ позволит:

- повысить экономическую эффективность пенсионной системы и уровень пенсионного обеспечения граждан;
- освободить от необоснованной нагрузки активную часть населения;
- сбалансировать экономические интересы участников пенсионной системы;
- вести объективную статистическую отчетность;
- повысить финансовую устойчивость пенсионной системы РФ;
- повысить сбалансированность системы обязательного пенсионного страхования в РФ.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».
2. Долотов В. А. Досрочное пенсионное обеспечение в России: состояние и перспективы. Пенза, Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского, 2005.

3. Долотов В. А. О признаках финансовой устойчивости пенсионной системы // Финансы. 2009. № 5.
4. Долотов В. А. Экономический механизм государственного обеспечения пенсионных прав застрахованных лиц. Пенза, Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского, 2009.
5. Денисов М. Ю. Механизмы социально-экономической стабилизации системы пенсионного обеспечения. Дисс. д. экон. наук. С-Пб, 2000.
6. Предложения по развитию пенсионной системы в Российской Федерации. // Экспертный совет при Общественном совете по инвестированию средств пенсионных накоплений при Президенте Российской Федерации. Москва, 2011.
7. Федеральный закон от 24.07.2009 № 212 ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования».

С. В. Голубев

Всероссийский центр уровня жизни, г. Москва

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УЧЕТА ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Концепция построения системы пенсионного обеспечения граждан в Российской Федерации ориентирована на страховой принцип, когда основу пенсионных прав застрахованного лица составляют суммы страховых взносов, уплаченных за него страхователем-работодателем и учтенных в его расчетном пенсионном капитале (РПК). Кроме того, данной концепцией предусмотрена т.н. «накопительная» составляющая часть будущей пенсии, которая формируется за счет части страховых взносов, уплачиваемых страхователем, а также за счет добровольных страховых взносов на накопительную часть пенсии и софинансируемых государством (при определенных условиях). Накопительную часть застрахованное лицо может передать в доверительное управление либо в управляющую компанию, либо в негосударственный пенсионный фонд для последующей капитализации своих денег.

В связи с этим возникла задача создания комплекса мер по учету пенсионных прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования (ОПС).

Реализация принципов, заложенных в пенсионную систему Российской Федерации, была бы невозможной без разработки ряда законодательных актов на федеральном уровне. Основным законом, который и положил начало созданию системы учета пенсионных прав застрахованных лиц, стал Федеральный Закон от 01.04.1996г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования». Этот закон определил основные принципы, на которых строилась пенсионная система в Российской Федерации, в нем четко определены такие понятия, как «застрахованное

лицо», «страхователь», «персонифицированный учет», и т.д. Кроме того, этот закон содержит описание целей персонифицированного учета и принципы его организации.

В ст. 1 этого Закона определено основополагающее понятие для информационной системы пенсионного обеспечения, – это понятие «индивидуальный лицевой счет»: индивидуальный лицевой счет застрахованного лица - документ, хранящийся в форме записи на машинных носителях информации, допускающей обработку с помощью средств вычислительной техники в органах Пенсионного фонда Российской Федерации, содержащий предусмотренные настоящим Федеральным законом сведения о застрахованных лицах, включенные в информационные ресурсы Пенсионного фонда Российской Федерации;

В ст. 3 данного закона отдельным пунктом выделена одна из целей персонифицированного учета: информационная поддержка прогнозирования расходов на выплату трудовых пенсий, определения тарифа страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, расчета макроэкономических показателей, касающихся обязательного пенсионного страхования.

В 2001 г. были приняты Федеральные Законы № 167-ФЗ и № 173-ФЗ, которые закрепили за Пенсионным Фондом России обязанности по назначению и выплате пенсий, в связи с этим его информационная система пополнилась данными о получателях пенсий.

В 2009 г. был принят Федеральный закон №212-ФЗ, в соответствии с которым на Пенсионный фонд РФ возложены функции администрирования страховых взносов на ОПС, что позволило упорядочить финансовые потоки в системе ОПС, повысить собираемость страховых взносов.

Для полноценного учета пенсионных прав застрахованных лиц – участников системы ОПС действующим законодательством предусмотрена обязанность страхователей всех форм собственности по представлению работодателями сведений индивидуального (персонифицированного) учета на своих работников. От достоверности и своевременности их представления зависит правильность формирования расчетного пенсионного капитала работника, на основании которого будет назначаться и производиться перерасчет трудовых пенсий работающих граждан, являющихся застрахованными лицами в системе обязательного пенсионного страхования. Расчетный пенсионный капитал формируется из общей суммы страховых взносов, поступивших за весь период трудовой деятельности застрахованного лица и учтенных на его индивидуальном лицевом счете.

Пенсионный фонд Российской Федерации для каждого застрахованного лица на территории России открыл индивидуальный лицевой счет в системе индивидуального (персонифицированного) учета, в котором находятся данные о стаже, заработке, начисленных и уплаченных страховых взносах этого лица. Работник может поменять место работы, работать по совместительству, зарегистрироваться как предприниматель,

но сведения о стаже, зарплате, страховых взносах будут содержаться на его индивидуальном лицевом счете.

Индивидуальный (персонифицированный) учет организован таким образом, что у одного человека не может быть двух индивидуальных лицевых счетов, а у двух разных людей не может быть одного и того же индивидуального лицевого счета.

Индивидуальные лицевые счета (ИЛС) находятся в единой базе данных Пенсионного фонда России.

Система учета пенсионных прав построена по иерархическому принципу – Район → Регион → Центр. Это является залогом того, что структура ПФР является четко управляемой, функционирует по единым правилам, все нормативные документы из центра обязательны для исполнения на всех уровнях. Совершенно логично, что информационная система пенсионного страхования в части персонифицированного учета также построена по иерархическому принципу, и информационные потоки следуют параллельно организационной структуре, при этом органично вписываясь в потребности персонала в актуальной информации. Вся первичная обработка информации производится на районном уровне – прием документов от страхователей, регистрация, входной контроль, обработка ошибок, выдача документов застрахованным лицам и подразделениям службы назначения и выплаты пенсий. Затем информация со всех районных уровней автоматически «поднимается» на региональный уровень, где обобщается и анализируется.

В соответствии с положениями действующего законодательства с 2011 года страхователи представляют ежеквартальную отчетность в органы Пенсионного фонда РФ о начисленных и уплаченных страховых взносах и индивидуальные сведения на каждого работника. Это позволяет вести более оперативный и достоверный учет пенсионных прав застрахованных лиц.

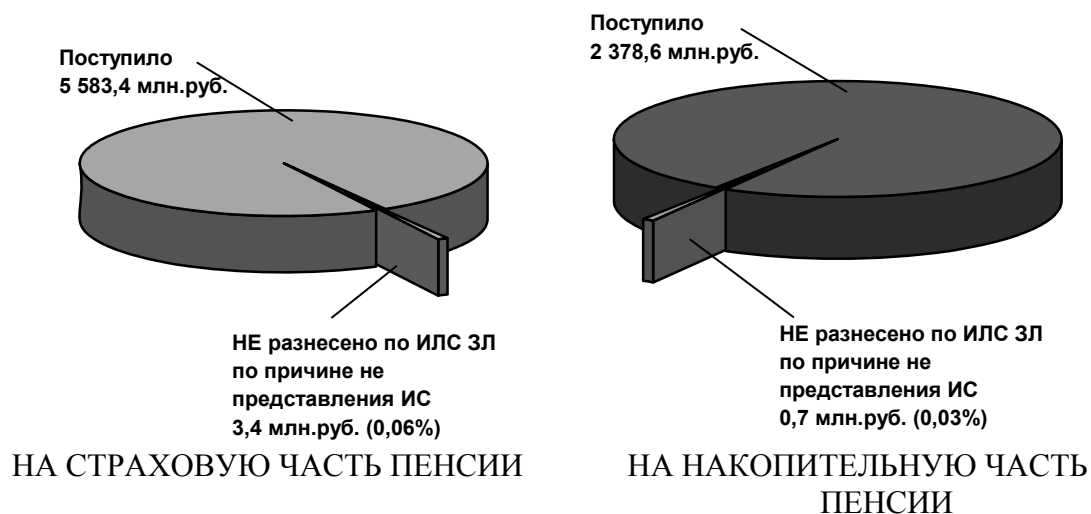
Статистические данные о представлении данной отчетности приведены в таблице.

Итоги работы по приему и обработке сведений по персонифицированному учету за 2011 год

Отчетный период	Количество страхователей представивших ИС	Из них в т.ч. с ЭЦП	% представивших с ЭЦП	Количество представленных ИС	из них по электронным каналам связи (бесконтактным способом) с ЭЦП	% от принятых ИС	Количество ИС, включенные в лицевые счета ЗЛ	% от принятых ИС	Не включено в лицевые счета	% от принятых ИС
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I-й квартал 2011г.	22814	10425	45,7%	556065	484266	87,1%	555763	99,9%	302	0,1%
II-й квартал 2011г.	23039	11035	47,9%	555768	485103	87,3%	555124	99,9%	644	0,1%

III-й квартал 2011г.	23298	14082	60,4%	562067	500072	89,0%	561293	99,9%	774	0,1%
IV-й квартал 2011г.	23464	14489	61,7%	558556	487439	87,3%	553038	99,0%	5518	1,0%

Однако не все страхователи добросовестно исполняют обязанность по сдаче отчетности в органы ПФР, в связи этим часть уплаченных страховых взносов не может быть разнесена по индивидуальным личным счетам застрахованных лиц, тем самым ущемляются пенсионные права будущих пенсионеров. Это наглядно видно из следующей диаграммы за 4-й квартал 2011 года:

В целях повышения уровня пенсионного обеспечения граждан РФ государством предприняты меры по повышению роли накопительного элемента в составе трудовой пенсии. В связи с этим 30.04.2008 года был принят Федеральный закон №56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений», который призван улучшить благосостояние россиян при выходе их на пенсию за счет добровольных страховых взносов. То есть теперь, помимо взносов, которые перечисляет за своих работников работодатель в рамках обязательного пенсионного страхования, каждый человек может пополнять свой личный счет самостоятельно (не менее 2 тысяч рублей в год). Кроме того, законом определяется и государственная поддержка формирования пенсионных накоплений - из федерального бюджета на индивидуальный личный счет каждого гражданина, уплатившего дополнительный пенсионный взнос, будет перечислена такая же сумма (но не больше 12 тысяч рублей в год). Добровольные отчисления граждан, достигших пенсионного возраста, отказавшихся от назначения пенсии и продолжающих работать, государство будет софинансировать из расчета 1:4 (но не более 48 тысяч рублей в год).

Дополнительные взносы за граждан могут отчислять из собственной прибыли и их работодатели. Эти отчисления из федерального бюджета не софинансируются, но включаются в состав пенсионных накоплений застрахованных лиц.

Вся эта сумма инвестируется в соответствии с распоряжением застрахованного лица. Для дополнительных отчислений будет действовать та же схема, что и для пенсионных накоплений. Если в прошлые годы уже была выбрана управляющая компания (УК) или негосударственный пенсионный фонд (НПФ), то вместе со средствами на накопительную часть трудовой пенсии в их распоряжение поступят и дополнительные взносы, и государственное софинансирование.

Условия добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в целях уплаты ДСВ

Категории участников	Размеры ДСВ	Софинансирование государства
Застрахованное лицо, <u>не достигшее</u> пенсионного возраста	Размер ДСВ определяется застрахованным лицом и должен быть не менее 2 тыс. руб. в год	Государство добавит сумму в расчете «1:1» (но не более 12 тыс. руб. в год)
Застрахованное лицо, достигшее пенсионного возраста и получающее трудовую пенсию	Размер ДСВ определяется застрахованным лицом и должен быть не менее 2 тыс. руб. в год	Государство добавит сумму в расчете «1:1» (но не более 12 тыс. руб. в год)
Застрахованное лицо, <u>достигшее</u> пенсионного возраста, отказавшееся от назначения и получения пенсии	Размер ДСВ определяется застрахованным лицом и должен быть не менее 2 тыс. руб. в год	Государство добавит сумму в расчете «1:4» (но не более 48 тыс. руб. в год)
Работодатель застрахованного лица	Размер ДСВ определяется работодателем самостоятельно, но при условии уплаты застрахованным лицом ДСВ	Государство не софинансирует ДСВ работодателя, но они включаются в состав пенсионных накоплений (т.е. формируется накопительная часть трудовой пенсии)

В целях организации мониторинга процесса формирования накопительного компонента трудовых пенсий населением Пензенской области в Отделении ПФР по Пензенской области был проведен анализ половозрастной структуры застрахованных лиц, на индивидуальных лицевых счетах которых есть средства на накопительную часть (НЧ) пенсии. Анализ проведен на основании базы данных персонифицированного учета за период с 2002 по 2011 гг.

В целом по области средства на накопительную часть пенсии имеют 656738 чел. 1940 г.р. и моложе, лицевые счета которых открыты в Отделении ПФР по Пензенской области *(необходимо учитывать, что в связи с миграцией населения реально проживает на территории области*

меньшее количество застрахованных лиц, имеющих на ИЛС накопительную часть – в 2011 году в рамках информирования о состоянии специальной части ИЛС в область поступило 58.0000 извещений гражданам, реально проживающим на территории области).

Общая сумма страховых взносов на накопительную часть застрахованных лиц, учтенная на ИЛС, составляет 6 422 640 539 руб.

В том числе: мужчины – 327454 чел., сумма страховых взносов на НЧ – 3 331 644 290 руб.;

женщины – 329284 чел., сумма страховых взносов на НЧ – 3 090 996 249 руб.

Застрахованные лица, формирующие свои пенсионные накопления за счет добровольных страховых взносов:

мужчины старше 1953 г.р. – 1966 чел., сумма страховых взносов на НЧ – 2 737 656 руб.;

женщины старше 1957 г.р. – 4281 чел., сумма страховых взносов на НЧ – 6 099 534 руб.

Мужчины трудоспособного возраста составляют 325467 чел., сумма страховых взносов на НЧ – 3 328 897 553 руб. (средний размер страховых взносов на НЧ составляет 10228 руб.)

Женщины трудоспособного возраста составляют 324986 чел., сумма страховых взносов на НЧ – 3 084 888 572 руб. (средний размер страховых взносов на НЧ составляет 9492 руб.)

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что суммы страховых взносов на накопительную часть пенсии, учтенные на ИЛС застрахованных лиц Пензенской области, являются недостаточными, чтобы значительным образом влиять на размер будущей пенсии.

Поэтому необходимо предпринимать меры по увеличению удельного веса накопительного компонента в размере будущей пенсии, в частности,

– продлить срок действия программы государственного софинансирования ДСВ застрахованных лиц еще как минимум на 10 лет;

– восстановить программу государственного софинансирования ДСВ, уплачиваемых родителями за детей;

– шире развивать корпоративные накопительные пенсионные системы по отраслям промышленности, транспорта;

– в бюджетных организациях необходимо предусмотреть статьи расходов на уплату взносов работодателя на работников, уплачивающих ДСВ самостоятельно, за счет бюджета работодателя.

Еще одним негативным фактором, существенно нарушающим права застрахованных лиц, и препятствующим полноценному формированию накопительного компонента, является система распределения уплаченных страховых взносов на НЧ страхователем – работодателем, введенная в 2010 году. Сейчас сумма фактически уплачиваемых страховых взносов на НЧ распределяется по конкретным застрахованным лицам на основании данных, указанных произвольно, самим страхователем в индивидуальных сведениях, что при неполной уплате в пределах начисленных сумм

приводит к злоупотреблениям в сторону руководства предприятия и определенного круга лиц по выбору руководителя. Это приводит к тому, что даже в случае последующей доплаты страхователем до полной суммы (но уже после передачи средств в УК и НПФ) работники теряют свои пенсионные накопления.

Чтобы исключить подобные злоупотребления, необходимо вернуться к системе распределения сумм уплаченных страховых взносов на НЧ пропорционально коэффициенту уплаты страховых взносов в целом по предприятию.

Д. В. Козлов

*Отделение Пенсионного фонда России
по Пензенской области*

ЦЕЛЕВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ КАК ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА ПОЛУЧЕНИЕ ДОСТОЙНОЙ ПЕНСИИ

Отмена с 1 января 2010 года единого социального налога и введение страховых взносов в государственные внебюджетные фонды подразумевают переход от налогового к страховому принципу формирования доходов пенсионной системы и системы социального и медицинского страхования.

За счет бюджетов Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации и Фонда обязательного медицинского страхования, основным источником формирования которых являются доходы от сбора страховых взносов, осуществляется финансирование выплат пенсий, пособий и медицинской помощи.

С 1 января 2010 года в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2009 года №212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее – закон №212-ФЗ), ПФР и его территориальные органы приняли на себя функции по контролю за правильностью исчисления и уплатой страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и обязательное медицинское страхование, а взносов, поступающих в систему социального страхования – Фонд социального страхования.

В соответствии с законом №212-ФЗ с 1 января 2011 года установлен единый тариф для всех категорий плательщиков страховых взносов – 26 процентов. В 2010 году законодательством было предусмотрено применение тарифов страховых взносов в размерах ставок единого социального налога (для первого порога регрессии). Пониженные размеры тарифов страховых взносов в 2010 году сохранились для следующих категорий работодателей:

- сельскохозяйственных товаропроизводителей, отвечающих критериям, указанным в статье 346.2 Налогового Кодекса РФ (в размере действующих ставок ЕСН);

- резидентов технико-внедренческой особой экономической зоны (14%);

- уплачивающих единый сельскохозяйственный налог (10,3%);

- применяющих упрощенную систему налогообложения, а также уплачивающих единый налог на вмененный доход (14%);

- использующих труд инвалидов (14%).

В соответствии со статьей 58 закона №212-ФЗ в 2011-2014 годах выпадающие доходы бюджета ПФР в связи с установлением пониженных тарифов страховых взносов отдельным категориям плательщиков компенсируются за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

В рамках реализации Бюджетного послания Президента Российской Федерации от 29.06.2011 года «О бюджетной политике в 2012 – 2014 годах» с 1 января 2012 года вступил в силу Федеральный закон от 03.12.2011 года №379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам установления тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды», которым предусматривается:

- снижение максимального тарифа страховых взносов в ПФР для основной массы плательщиков с 26 до 22 процентов и установление тарифа страховых взносов с сумм превышения предельной величины базы для начисления страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации в размере 10 процентов;

- снижение максимального тарифа страховых взносов в государственные внебюджетные фонды до 20 процентов для плательщиков – субъектов малого предпринимательства в производственной и социальной сферах, применяющих специальный режим налогообложения в виде упрощенной системы налогообложения; для некоммерческих организаций, зарегистрированных в установленном законодательством Российской Федерации порядке, применяющих упрощенную систему налогообложения и осуществляющих в соответствии с учредительными документами деятельность в области социального обслуживания населения; для благотворительных организаций, зарегистрированных в установленном законодательством Российской Федерации порядке и применяющих упрощенную систему налогообложения.

Согласно статье 15 закона №212-ФЗ плательщики страховых взносов ежеквартально представляют в орган контроля за уплатой страховых взносов по месту своего учета расчет по начисленным и уплаченным страховым взносам на обязательное пенсионное страхование и на обязательное медицинское страхование (далее – Расчет). Расчеты должны быть представлены до 15 числа второго календарного месяца, следующего

за отчетным периодом, которым признаются первый квартал, полугодие, девять месяцев календарного года, календарный год.

По результатам отчетной кампании за 2011 год в территориальные органы ПФР по Пензенской области плательщиками страховых взносов представлено 32674 Расчета, что составляет 76,4% от количества страхователей-работодателей, зарегистрированных в ПФР по состоянию на 1 января 2011 года. В электронном виде с электронной цифровой подписью представлено 14783 Расчета (45,2% от представленных).

По предварительным итогам приема отчетности за 2011 год сумма начисленных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование составила в целом по Пензенской области 15 238 456,3 тыс. руб., в том числе на страховую часть – 13 373 941,4 тыс. руб., на накопительную часть – 1 864 515,2 тыс. рублей. Страховые взносы, начисленные плательщиками, уплачивающими по основному тарифу, составили 92,7% от общей суммы начисленных страховых взносов (Таблица 1).

В соответствии с представленными Расчетами суммы, не подлежащие согласно статье 9 закона №212-ФЗ обложению страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, производящих выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, составили 3 169 117,1 тыс. рублей (4,7% от общей суммы выплат и иных вознаграждений). Суммы, превышающие предельную величину базы для начисления страховых взносов (463 тыс. руб.), установленную статьей 8 закона №212-ФЗ, составили 3 141 432,2 тыс. рублей (4,7% от общей суммы выплат и иных вознаграждений).

Таблица 1

Структура начисленных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование за 2011 год в зависимости от тарифа

Категория плательщика страховых взносов	Тариф, %	Начислено страховых взносов, тыс. руб.	Удельный вес страховых взносов, %
Уплачивающие по основному тарифу	26	14129458,3	92,7
Организации и индивидуальные предприниматели, применяющие упрощенную систему налогообложения			
Организации и индивидуальные предприниматели, уплачивающие только единый налог на вмененный доход			
Сельскохозяйственные товаропроизводители, отвечающие критериям, указанным в статье 346.2	16	234339,5	1,5
Организации народных художественных промыслов			

Организации, уставной капитал которых полностью состоит из вкладов общественных организаций инвалидов	16	101293,2	0,7
Общественные организации инвалидов			
Организации и индивидуальные предприниматели, уплачивающие единый сельскохозяйственный налог	16	209358,1	1,4
Организации, осуществляющие деятельность в области информационных технологий	8	4762,0	0,03
Организации и индивидуальные предприниматели, применяющие упрощенную систему налогообложения, основным видом экономической деятельности которых является вид деятельности, указанный в п.8 ч.1 ст.58 Закона 212-ФЗ	18	527345,5	3,5
Хозяйственные общества	8	37,4	0,00
Плательщики страховых взносов осуществляющие производство, выпуск в свет (в эфир) и (или) издание средств массовой информации	20	31862,6	0,2

Наибольшие начисления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в 2011 году обеспечено предприятиями, организациями обрабатывающих производств – 25,7% от общей суммы начисленных страховых взносов, образования – 10,1% (Таблица 2).

Таблица 2

Структура начисленных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование за 2011 год в зависимости от видов экономической деятельности

Наименование позиций общероссийского классификатора видов экономической деятельности	Коды классов ОКВЭД	Начислено страховых взносов, тыс. руб.	Удельный вес страховых взносов, %
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	01, 02	615536,2	3,9
Обрабатывающие производства	15-39	4087058,1	25,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	40,41	725388,3	4,6
Строительство	45	817585,4	5,1
Оптовая и розничная торговля: ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	50,51,52	1431175	9,0
Транспорт и связь	60-64	1005659	6,3
Финансовая деятельность	65-67	510182,2	3,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	70,71,74	951128,5	6,0

Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	75	1471080,4	9,3
Образование	80	1606044,7	10,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	85	1449199,6	9,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	90,91, 92,93	448033,1	2,8
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	72	79751,1	0,5
Научные исследования и разработки	73	515265,1	3,2
Прочие		166609,3	1,0

Отличительные признаки налогов и страховых взносов обуславливают их разное целевое предназначение и различную социально-правовую природу и не позволяют рассматривать страховой взнос на обязательное пенсионное страхование как налоговый платеж, характеризующийся признаками индивидуальной безвозмездности и безвозвратности.

Целевым назначением страховых взносов на обязательное пенсионное страхование является обеспечение права гражданина на получение пенсии в размере, эквивалентном сумме страховых взносов, учтенной на его индивидуальном лицевом счете.

Обязанность по уплате страховых взносов обеспечивает гражданам реализацию права на трудовую пенсию и обязательное медицинское страхование.

Таким образом, снижение размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование может привести к сокращению сумм будущих пенсий.

Вместе с тем по результатам приема отчетности от плательщиков страховых взносов на обязательное пенсионное и медицинское страхование за 2011 год представили отчетность с «нулевыми» начислениями страховых взносов 8213 плательщиков (25% от количества плательщиков, представивших отчетность). Не представили отчетность 10175 плательщиков (24% от количества зарегистрированных в ПФР на 01.01.2011 года).

Среднемесячная сумма выплат на одного работника (полученная расчетным путем на основании отчетных данных плательщиков страховых взносов) не превышает 5 тыс. рублей в 12411 предприятиях, организациях и у индивидуальных предпринимателей, имеющих наемных работников (38% от количества плательщиков, представивших отчетность), от 5 до 10 тыс. рублей – в 7778 (24% от количества плательщиков, представивших отчетность).

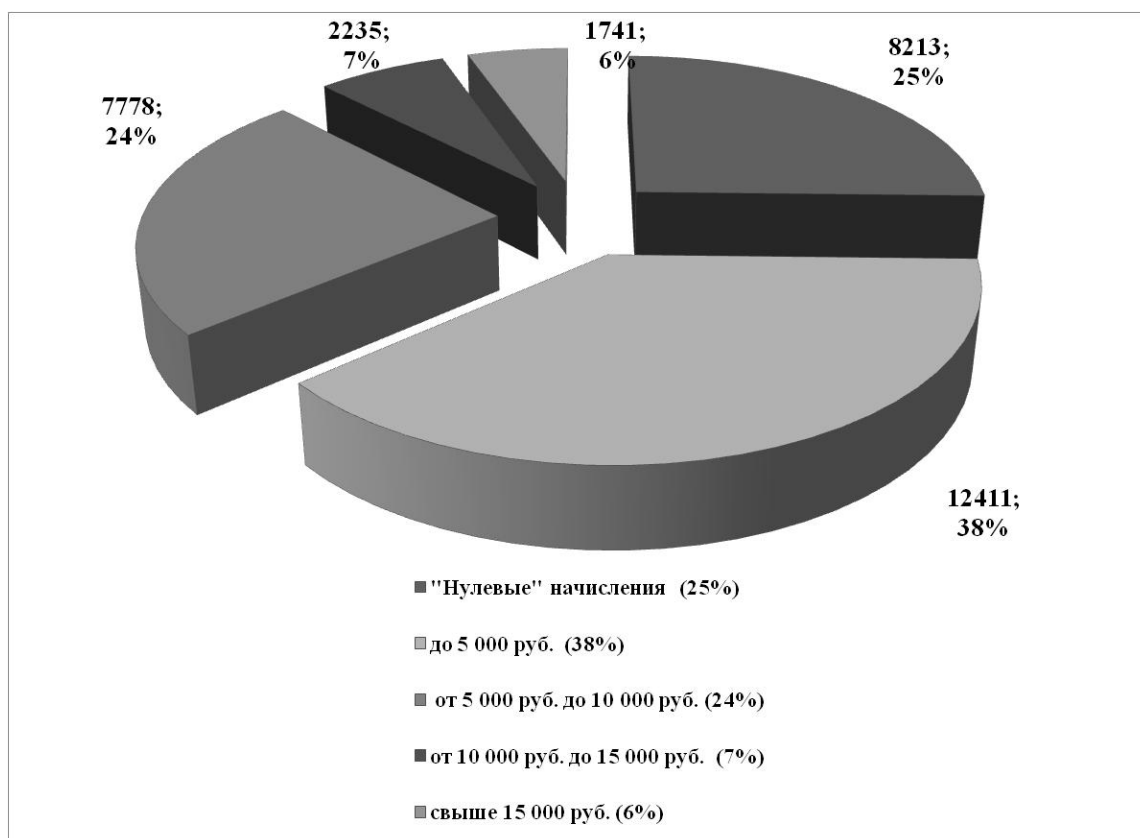

Рис. 1 Структура среднемесячных сумм выплат в пользу работника в Пензенской области за 2011 год (количество страхователей, удельный вес в процентах)

Одной из основных причин низкого размера среднемесячной суммы выплат на одного работника в Пензенской области, по нашему мнению, является получение «неофициального» вознаграждения за труд, неучтенного в бухгалтерских документах.

Отделение ПФР по Пензенской области продолжает информационно-разъяснительную работу с плательщиками страховых взносов и застрахованными лицами по вопросам выплаты «серой» заработной платы, в том числе в рамках проведения регулярных семинаров с представителями работодателей, участия в различных региональных выставках.

Управлением Федеральной налоговой службы России по Пензенской области, Отделением ПФР по Пензенской области реализуется межведомственный план мероприятий по легализации заработной платы в отношении отдельных категорий налогоплательщиков, согласованный с Управлением МВД по Пензенской области, Пензенским региональным отделением Фонда социального страхования, Государственной инспекцией труда в Пензенской области.

При этом в связи с недостаточной правовой осведомленностью населения о негативных последствиях выплаты заработной платы в «конвертах», сочетающейся с низким уровнем социальной

ответственности части руководителей предприятий, необходима также консолидация усилий профсоюзных организаций, общественных объединений, средств массовой информации.

О. Н. Лисова

*Отделение Пенсионного фонда России
по Пензенской области*

ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА О МАТЕРИНСКОМ (СЕМЕЙНОМ) КАПИТАЛЕ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Демографическая ситуация в России стала одной из главных тем послания Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию в мае 2006 г. Президент обратил внимание Правительства Российской Федерации на необходимость разработки мер по стимулированию рождаемости, которыми государство должно поддержать женщину, решившую родить второго ребенка.

Необходимость материальной поддержки рождаемости и семей, имеющих детей, назрела в нашей стране уже давно. За последние годы резко сократилась численность населения нашей страны, которое к тому же все больше «стареет».

Минимальные пособия по уходу за ребенком, невысокие детские пособия и в то же время большие затраты на содержание ребенка в детском саду и прочие неблагоприятные факторы не вызвали у подавляющего большинства семей особого желания обзаводиться детьми. Семья находилась постоянно в состоянии социального риска, так как не имела условий для устойчивого, надежного развития.

В связи с этим необходимо было кардинально решать демографическую проблему в государстве.

Речь Президента РФ по данному вопросу была воспринята законодателями как руководство к действию. В октябре 2006 г. Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу РФ проект Закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», а уже 29 декабря 2006 года, Федеральный закон "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" был подписан Президентом Российской Федерации.

С 1 января 2007 г. Пенсионный фонд России приступил к реализации Федерального закона № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

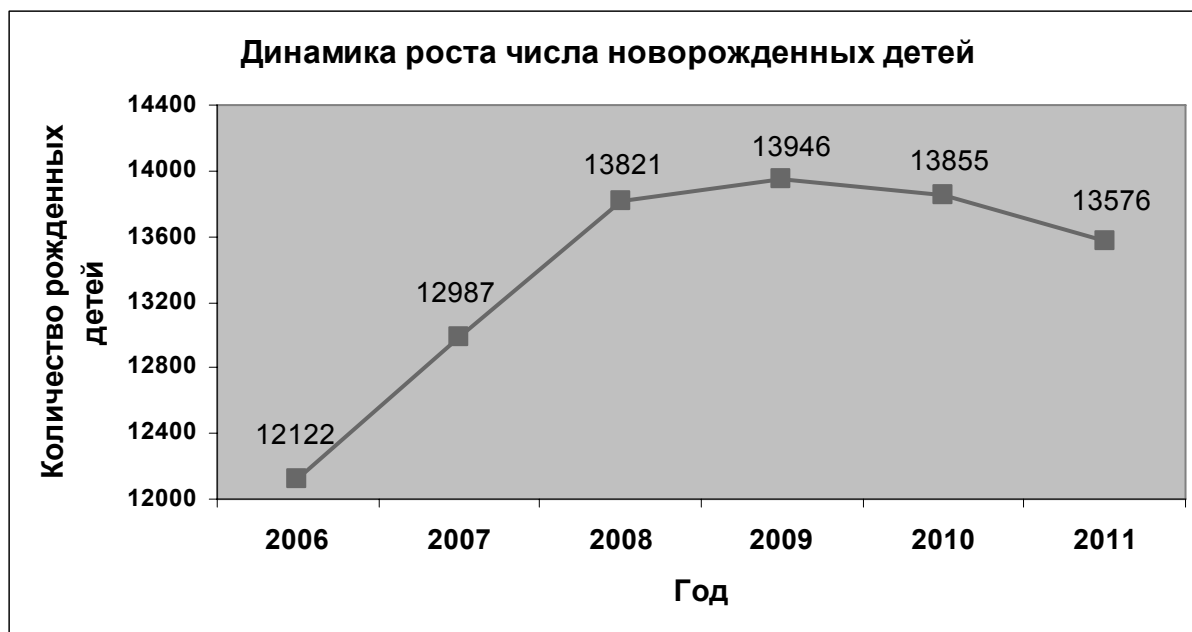
Главной новацией введения материнского (семейного) капитала (далее- МСК) является то, что эта мера государственной поддержки семей с детьми в отличие от пособий, компенсаций и других видов социальных выплат, направлена не на текущие нужды, а на долгосрочные вложения в детей, которые позволят улучшить их качество жизни, получить достойное

профессиональное образование. Кроме того, материнский капитал предоставляет право женщине, родившей второго и последующих детей, обеспечить себе дополнительные доходы при достижении пенсионного возраста, вложив эти средства в накопительную часть трудовой пенсии.

Ожидания, связанные с получением права на МСК, наряду с другими мерами поддержки материнства и детства, разработанными и установленными субъектами Российской Федерации повлияли на повышение уровня рождаемости как в целом по стране, так и в Пензенской области.

Как показывает ситуация (рис.1) в Пензенской области с 2007г. произошли существенные сдвиги в улучшении демографической ситуации. Так, по сравнению с 2006 г. рождаемость в целом в 2007 г. увеличилась уже на 7,1%, а в 2009г. на 15%. С 2010 г. произошло незначительное снижение роста рождения детей.

Рис.1

Однако на фоне данной демографической ситуации выявляется постоянный рост числа детей, рожденных вторыми и последующими в семье, что отражает благоприятные демографические последствия от реализации закона о материнском (семейном) капитале (рис.2). Так, процент рождения первенцев от общего количества рожденных детей с 65% в 2006 г. снизился до 52,4% в 2011г., а процент рождения вторых и последующих детей увеличился с 35% в 2006 г. до 47,6% в 2011г.

Рис. 2

С 1 января 2007 г. лица, получившие право на МСК стали обращаться в территориальные органы ПФР за получением государственного сертификата на МСК. Обратиться с заявлением о выдаче сертификата на МСК можно как по месту постоянной регистрации, так и по месту временного пребывания либо фактического проживания, что расширяет возможности реализации гражданами своего права. При этом достаточно представить только паспорт и свидетельства о рождении всех детей.

Первоначально материнский (семейный) капитал был установлен в размере 250 000 руб. В дальнейшем его размер ежегодно индексировался с учетом темпов роста инфляции и на 1 января 2012 г. составил 387 640,3 руб. Увеличение размера материнского (семейного) капитала составило 55%.

За время реализации Закона № 256-ФЗ в Пензенской области выдано свыше 26 тысяч сертификатов на МСК.

Средства материнского капитала могут быть направлены:

- на улучшение жилищных условий семьи (приобретение либо строительство (реконструкция) жилого помещения, в том числе с привлечением кредитных (заемных) средств);
- на получение образования любого из детей и оплату за содержание ребенка (детей) в образовательном учреждении;
- на формирование накопительной части трудовой пенсии матери.

Воспользоваться средствами МСК владельцы сертификата могут не ранее достижения ребенком, давшим право на МСК, трехлетнего возраста.

Однако, в результате возникших в 2008 г. финансовых проблем не только в масштабе страны, но и в мировом масштабе, когда многие семьи с детьми, имеющие кредиты на жильё, оказались в тяжелом финансовом положении были внесены изменения в Закон № 256-ФЗ, согласно которым с 1 января 2009 г. владельцы сертификата получили возможность направить средства МСК, не дожидаясь исполнения трехлетнего возраста ребенку, на погашение кредитов либо займов, взятых на приобретение (строительство) жилья. При этом дата оформления кредита не имеет значения.

По состоянию на 1 января 2012 г. в Пензенской области такой возможностью воспользовалось 5 957 семей, что составляет 63,4% от всех обратившихся за распоряжением средствами МСК. Таким образом, данное направление является приоритетным.

С 2010 г., после исполнения трех лет ребенку, давшему право на МСК, стало возможным распорядиться средствами МСК по всем направлениям, предусмотренным Законом № 256-ФЗ. Вторым по значимости направлением стало приобретение жилья без привлечения кредитных (заемных) средств. Так, с 01.01.2010 г. 2 684 владельца сертификата использовали средства МСК по данному направлению, что составляет 28,5% от общего количества обратившихся за распоряжением средствами МСК.

Первоначально у владельцев сертификата отсутствовала возможность направить средства МСК на реконструкцию уже имеющегося жилого помещения либо на строительство дома без привлечения подрядной организации, т.е. собственными силами. Учитывая многочисленные обращения граждан в июле 2010 г. в закон № 256-ФЗ были внесены изменения и установлены новые направления использования средств МСК: индивидуальное строительство (реконструкция) за счет собственных средств и компенсация затрат за произведенное строительство (реконструкцию). По данным направлениям в Пензенской области распорядились средствами МСК 677 граждан, что составляет 7,2% от общего количества обращений владельцев сертификата за распоряжением средствами МСК.

Всего за период с 01.01.2007 г. по 31.12.2011 г. в Пензенской области средствами МСК воспользовалась 9 401 семья (36% от всех семей, имеющих сертификаты) на сумму 2 942 млн.руб.

Однако, наряду с преимуществами и достоинствами этого Закона, как показала практика, есть и определенные проблемы в его реализации:

1. Несмотря на то, что цель предоставления средств МСК - улучшение жилищных условий, нормативные правовые акты, регулирующие направление средств МСК, не содержат критериев, согласно которым территориальный орган ПФР может сделать вывод об улучшении или отсутствии улучшения жилищных условий. Кроме того, ни

на один из государственных органов не возложена обязанность по оценке приобретаемого за счет средств МСК жилого помещения на его пригодность для проживания. Это приводит к тому, что владельцы сертификатов на МСК приобретают непригодные для проживания, сгоревшие дома с целью обналичивания средств МСК, так как фактическая стоимость такого жилого помещения в разы меньше той, что указана в договоре купли-продажи.

Постановлением Правительства РФ от 28.01.2006 г. № 47 утверждено Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. В целях реализации указанного постановления созданы соответствующие межведомственные комиссии.

Таким образом, было бы целесообразным возложить обязанность по оценке приобретаемого с использованием средств МСК жилого помещения на пригодность для проживания на органы местного самоуправления субъектов Российской Федерации.

2. С целью максимально полного учета интересов несовершеннолетних детей Законом № 256-ФЗ установлено требование об оформлении приобретаемого с использованием средств МСК жилого помещения в общую долевую собственность родителей и детей. Однако функции по контролю за исполнением этого требования не возложены ни на один из государственных органов. Это приводит к тому, что владельцами государственных сертификатов производится перепродажа приобретенного за счет средств МСК жилья без исполнения указанных выше требований, что приводит к нарушению прав несовершеннолетних детей.

Поскольку законодательством Российской Федерации полномочия по защите прав и интересов несовершеннолетних детей, а также контроль за условиями их содержания, воспитания и образования возложены на органы опеки и попечительства соответственно и функции контроля за оформлением в долевую собственность детей жилого помещения, приобретенного с использованием средств МСК должны быть возложены на эти же органы.

3. Законом № 256-ФЗ установлен срок использования средств МСК-по истечению трех лет ребенку, давшему право на МСК. Независимо от возраста указанного ребенка средства МСК можно использовать только на погашение основного долга и уплату процентов по кредиту (займу), выданному на приобретение (строительство) жилого помещения.

Таким образом, владельцы сертификата, у которых ребенку, давшему право на МСК, ещё не исполнилось три года, но они нуждаются в улучшении жилищных условий, вынуждены брать кредит (заем) на данные цели и нести лишние расходы (зачастую завышенные) за пользование кредитом (займом) в виде процентов. В то время как владельцы сертификата, у которых ребенку исполнилось три года, используют

средства МСК на приобретение жилья без привлечения кредитных (заемных) средств, т.е. перечисляют их в полном объеме напрямую продавцу.

Такое ограничение в использовании средств МСК приводит не только к возмущениям со стороны граждан, но и к росту не порядочных, сомнительных фирм-займодавцев, которые разрабатывают различные мошеннические схемы по обналичиванию средств МСК. При этом владельцы сертификата, как правило, не получают обещанных займодавцем сумм.

Снятие указанного выше ограничения позволит решить вызванные им проблемы.

Следовательно, можно сделать следующие выводы:

1. Закон о материнском (семейном) капитале реально работает. До получателей уже дошли конкретные деньги. Только в Пензенской области 9 318 семей уже улучшили свои жилищные условия.

2. Направление выбрано правильное. Имеется положительная динамика рождаемости вторыми и последующими детьми.

3. Процедура получения сертификата на МСК предельно проста, а набор документов минимален.

4. Сроки перечисления средств МСК сокращены до минимума – не позднее двух месяцев со дня обращения.

5. Преимуществом Закона является его гибкость: внесённые в него изменения позволили быстро отреагировать на кризисную ситуацию в экономике страны и обращения граждан о расширении возможностей использования средств МСК на улучшение жилищных условий.

6. Требуется доработка закона № 256-ФЗ по имеющимся проблемам.

И. А. Павлова

ПГПУ им. В. Г. Белинского

СИСТЕМА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ ПЕНСИОННЫМ ФОНДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Качество жизни человека является важнейшим понятием, определяющим основные направления деятельности органов государственной и муниципальной власти и формирования государственной и муниципальной политики. Задача органов государственного управления и органов местного самоуправления в повышении качества жизни населения состоит в создании комфортной среды проживания и предоставления соответствующих публичных услуг.

Функция предоставления государственных и муниципальных услуг населению является первичной функцией в деятельности органов государственного и муниципального управления. Сегодня деятельность органов и должностных лиц государственного и муниципального

управления направлена на повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг, выбор и использование оптимальных способов организации предоставления публичных услуг, организацию межведомственного взаимодействия в электронном виде с использованием новейших информационных технологий, внедрение и развитие прогрессивных рыночных механизмов в сочетании с мерами поддержки населения.

Пенсионный фонд Российской Федерации является активным участником реализации решений Правительства Российской Федерации, предусматривающих оказание гражданам и юридическим лицам государственных услуг в электронном виде с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010г. №210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» Пенсионному фонду РФ поручено оказание 9 государственных услуг в электронном виде.

В рамках важнейшего модернизационного проекта государства – предоставление государственных услуг по принципу «одной инстанции» – ПФР проводит работу по созданию современной информационно-технологической среды, позволяющей предоставить услуги в электронном виде.

Базой для создания и развития практики предоставления услуг ПФР в электронном виде является система индивидуального (персонифицированного) учета. Вся информация хранится в электронной базе данных на индивидуальных электронных счетах участников системы ОПС. Каждый счет имеет страховой номер, который служит инструментом идентификации персональных данных. По СНИЛС – идентификатору персональных данных гражданина – структурированы все базы данных ПФР, в том числе Федеральный регистр лиц, имеющих право на материнский (семейный) капитал.

Пенсионный фонд Российской Федерации стремится максимально увеличить бесконтактное взаимодействие со страхователями с использованием электронного документооборота, защищенных каналов связи и электронных цифровых подписей. Если отчетность в ПФР за 2009 год в электронном виде представили 25 % страхователей от общего количества представивших отчетность, то за 2011 год уже 57 % страхователей. Соответственно в Пензенской области эти цифры составили: за 2009г. – 29,8 %, за 2011г. – 62,3 %.

В 2011 году ПФР продолжил осуществлять активную работу по реализации государственной программы оказания государственных услуг населению в электронном виде. При этом Пенсионный фонд Российской Федерации оказывал следующие услуги через Единый портал государственных услуг (ЕПГУ):

- регистрация граждан на Едином портале государственных услуг осуществляется только после валидации ПФР их СНИЛС, который

является идентификатором гражданина при предоставлении ему государственных и муниципальных услуг. В 2011 году зарегистрировалось 1 200 418 человек, это почти в 3,5 раза (на 855 169 человек) больше, чем в 2010 году;

- информирование граждан о предоставлении государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг;

- информирование граждан о состоянии их индивидуальных лицевых счетов в системе обязательного пенсионного страхования. В 2011 году проинформировано 255 099 человек, что на 153 177 человек больше, чем в 2010 году;

- прием заявлений в целях уплаты дополнительных страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии в рамках Программы государственного софинансирования пенсий. В 2011 году подано 2 793 заявления через ЕПГУ, это в 2 раза (на 1 353 заявления) больше показателя 2010 года.

С 1 октября 2011 года вступили в силу очередные положения Федерального закона от 27 июля 2011 года № 210-ФЗ, предусматривающие оказание двух государственных услуг - распоряжение средствами материнского (семейного) капитала (частью средств) в части улучшения жилищных условий и регистрация страхователей-работодателей в системе ПФР – с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия.

Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) представляет собой Федеральную государственную информационную систему, включающую информационные базы данных. В том числе они содержат сведения об используемых госорганами и организациями программных и технических средствах, обеспечивающих возможность доступа через систему взаимодействия к их информационным системам, сведения об истории движения в системе взаимодействия электронных сообщений при предоставлении государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций в электронной форме.

Пенсионный фонд Российской Федерации предоставляет информацию через СМЭВ по запросам заинтересованных органов власти для оказания этими органами государственных и муниципальных услуг. ПФР работает с Фондом социального страхования Российской Федерации по вопросам предоставления сведений о заработной плате, иных выплатах и вознаграждениях застрахованного лица, с Министерством юстиции Российской Федерации и Федеральной налоговой службой по получению данных о факте сдачи отчетности в Пенсионный фонд Российской Федерации и в рамках «пилотного» проекта - с администрацией Волгоградской области по предоставлению сведений о размере пенсии застрахованного лица.

В системе межведомственного электронного взаимодействия разработаны и зарегистрированы следующие сервисы:

- сервис, позволяющий ПФР обрабатывать запрос заинтересованного органа на получение сведений о СНИЛС по указанной этим органом фамильно-именной группе, дате рождения физического лица и полу;
- сервис, позволяющий ПФР обрабатывать запрос заинтересованного органа на получение фамильно-именной группы по предоставленному этим органом СНИЛС физического лица;
- сервис «валидация» – услуга в электронном виде, которую предоставляет ПФР заинтересованному органу для проверки соответствия фамильно-именной группы, даты рождения и пола физического лица СНИЛС.

Сервисы, разработанные по базовым информационным ресурсам, доступны всем органам власти, входящим в единое пространство СМЭВ.

Благодаря системе межведомственного электронного взаимодействия ПФР самостоятельно запрашивает у других организаций и государственных органов ряд документов. И, соответственно, клиенты ПФР не предоставляют эти документы при обращении в ПФР. Так, с 1 октября 2011 года при обращении в ПФР владельца государственного сертификата на материнский (семейный) капитал для распоряжения его средствами (частью средств) в части улучшения жилищных условий территориальные органы ПФР самостоятельно запрашивают через СМЭВ в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии:

- сведения из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним а именно:
- копию свидетельства о государственной регистрации права собственности на жилое помещение, на объект индивидуального жилищного строительства;
- копию документа, подтверждающего право собственности на земельный участок, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, право безвозмездного срочного пользования земельным участком.

Если материнский (семейный) капитал планируется потратить на получение образования ребенком (детьми), ПФР может сам запросить в Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки:

- сведения о лицензии на право осуществления образовательной деятельности и о государственной аккредитации образовательного учреждения, выданные Рособрнадзором.

При оказании услуги по регистрации страхователей-работодателей в системе ПФР территориальный орган ПФР самостоятельно запрашивает в других организациях и ведомствах:

Для обособленных подразделений организации:

- свидетельство о постановке на учет российской организации в налоговом органе по месту нахождения на территории Российской Федерации;

- уведомление о регистрации головной организации в территориальном органе Пенсионного фонда Российской Федерации по месту нахождения на территории Российской Федерации.

Для физических лиц – работодателей, индивидуальных предпринимателей, а также глав крестьянских (фермерских) хозяйств, производящих выплаты и иные вознаграждения физическим лицам:

- свидетельство о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя в налоговом органе;

- свидетельство о постановке на учет физического лица в налоговом органе на территории Российской Федерации.

Для физических лиц (в том числе адвокатов, частных нотариусов и иных лиц, занимающихся частной практикой), не являющихся ИП, производящих выплаты и иные вознаграждения физическим лицам:

- сведения о лицензии на право осуществления соответствующей деятельности и приказа о назначении на должность нотариуса;

- сведения об удостоверении адвоката;

- сведения о постановке на учет в ИФНС.

С 1 июля 2012 года перечень документов, которые ПФР будет самостоятельно запрашивать в рамках СМЭВ, будет существенно расширен.

В 2011 году территориальные органы ПФР, в том числе в Пензенской области, также развернули взаимодействие с многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), которые действуют во всех городах и районах Пензенского региона.

Территориальные органы ПФР на площадях МФЦ оказывают услуги по информированию граждан:

- о состоянии индивидуальных лицевых счетов;

- о наборе социальных услуг;

- о видах и размерах пенсий и социальных выплат;

- о порядке обращения за установлением пенсий.

Кроме того, в ряде регионов Российской Федерации, в том числе территориальные органы ПФР по Пензенской области, в рамках МФЦ оказывают дополнительные услуги. Такие услуги как: прием заявлений по спектру услуг ПФР, выдача страховых свидетельств обязательного пенсионного страхования и справок, консультирование по услугам ПФР.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЫПЛАТ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ ПЕНСИОННЫХ НАКОПЛЕНИЙ

Для целей реализации пенсионных прав граждан законодатель установил специальные виды выплат, которые сформированы в пользу застрахованных лиц и подлежат осуществлению в конкретных случаях при наличии соответствующих оснований.

Иначе говоря, начиная с 1 июля 2012 г., российские пенсионеры смогут получать выплаты средств пенсионных накоплений, поскольку 30 ноября 2011 г. был принят Федеральный закон № 360-ФЗ «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений». Во исполнение данного закона Федеральный Закон от 30.11.2011 г. № 359-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений» внес изменения в 6 нормативных актов:

- в Федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном персонифицированном учете в системе обязательного пенсионного страхования», касающиеся порядка формирования пенсионных накоплений на специальной части индивидуального лицевого счета.
- в Федеральный закон от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах»;
- в Часть 2 Налогового кодекса Российской Федерации;
- в Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»;
- в Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. №173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»;
- в Федеральный закон от 24 июля 2002 г. №111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации».

Согласно принятому закону данные выплаты будет осуществлять как Пенсионный фонд Российской Федерации, так и негосударственные пенсионные фонды, в зависимости от того, где гражданин формировал свои пенсионные накопления.

Изучение новых нормативных актов следует начинать с определения, что такое пенсионные накопления, и каковы их источники финансирования.

Пенсионные накопления – это совокупность учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета либо на пенсионном

счете накопительной части трудовой пенсии средств, сформированных за счет поступивших (рисунок 1):

- страховых взносов на финансирование накопительной части трудовой пенсии по старости;
- дополнительных страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии;
- взносов работодателя, уплаченных в пользу застрахованного лица;
- взносов на софинансирование формирования пенсионных накоплений;
- средств (части средств) материнского (семейного) капитала, направленных на формирование накопительной части трудовой пенсии;
- доход от их инвестирования.

Рисунок 1

Источники формирования пенсионных накоплений

Закон определяет три новых вида выплат за счет средств пенсионных накоплений:

- накопительная часть трудовой пенсии по старости;
- срочная пенсионная выплата;
- единовременная выплата средств пенсионных накоплений;

Рассмотрим правовые аспекты установления накопительной части трудовой пенсии по старости.

Накопительная часть трудовой пенсии это ежемесячная денежная выплата, назначаемая и выплачиваемая застрахованному лицу в соответствии с законодательством Российской Федерации о трудовых пенсиях и договором об обязательном пенсионном страховании. При этом

накопительная часть устанавливается только к трудовой пенсии по старости при наличии средств, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета застрахованного лица. В том случае, если у получателя трудовой пенсии по инвалидности имеются указанные средства, то они учитываются только при установлении ему трудовой пенсии по старости (в том числе досрочной).

Можно сделать вывод, что данная выплата выступает элементом пенсионного обеспечения по старости наряду со страховой его частью.

Право на накопительную часть имеют:

- получатели трудовой пенсии по старости, в том числе досрочной;
- получатели пенсий за выслугу лет (по инвалидности) по линии силовых ведомств, достигшие общеустановленного пенсионного возраста;
- получатели государственных пенсий по линии ПФР, достигшие общеустановленного пенсионного возраста;
- получатели трудовых пенсий по инвалидности до 1 января 2010 года из числа:

– инвалидов с детства, имеющих ограничение способности к трудовой деятельности III и II степени, независимо от возраста;

– лиц, больных гипофизарным нанизмом (лилипуты), диспропорциональных карликов, достигшие 45/45 лет, соответственно, м/ж;

– инвалидов по зрению, имеющих ограничение способности к трудовой деятельности III степени, достигшие 50/40 лет, соответственно, мужчины /женщины;

Размер накопительной части трудовой пенсии по старости (рисунок 2) исчисляется как отношение суммы пенсионных накоплений к ожидаемому периоду выплаты пенсий:

$$НЧ = ПН / Т,$$

НЧ – размер накопительной части трудовой пенсии по старости;

ПН – сумма пенсионных накоплений которая складывается из всех источников их формирования.

Т – количество месяцев ожидаемого периода выплаты трудовой пенсии по старости. До 1 января 2013 г. применяется ожидаемый период выплаты, аналогичный ожидаемому периоду выплаты страховой части трудовой пенсии, т.е. 216 мес. С 1 января 2013 г. продолжительность ожидаемого периода выплаты накопительной части трудовой пенсии по старости будет ежегодно определяться отдельным федеральным законом на основании официальных статистических данных о продолжительности жизни получателя этой части трудовой пенсии.

Для учета пенсионных накоплений, поступивших на лицевой счет застрахованного лица, после установления накопительной части, и дохода от инвестирования законодателем предусмотрены варианты ее последующей корректировки (рисунок 2). Такая корректировка будет осуществляться ежегодно с 1 августа по установленной формуле:

$$НЧ = НЧк + ПНк / Т, \text{ где}$$

НЧ – размер накопительной части трудовой пенсии по старости;

НЧк – установленный размер накопительной части трудовой пенсии по старости по состоянию на 31 июля года, в котором производится соответствующая корректировка;

ПНк – сумма пенсионных накоплений, учтенных по состоянию на 1 июля года, с которого производится соответствующая корректировка.

Т – количество месяцев ожидаемого периода выплаты трудовой пенсии по старости, применяемого для расчета размера накопительной части указанной пенсии, определяемого по состоянию на 31 июля года, в котором производится соответствующая корректировка.

Рисунок 2

Формулы определения размера накопительной части трудовой пенсии по старости и его корректировки

Формула расчета	Формула корректировки
$НЧ = ПН / Т$	$НЧ = НЧк + ПНк / Т$
<p>НЧ - размер накопительной части трудовой пенсии по старости;</p> <p>ПН - сумма пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета или на пенсионном счете накопительной части трудовой пенсии, по состоянию на день, с которого назначается накопительная часть.</p> <p>Т - количество месяцев ожидаемого периода выплаты трудовой пенсии по старости. до 1 января 2013 года $T = 216$ мес.; после 1 января 2013 года T ежегодно изменяется по данным статистики.</p>	<p>НЧ - размер накопительной части трудовой пенсии по старости;</p> <p>НЧк - установленный размер накопительной части трудовой пенсии по старости по состоянию на 31 июля года, в котором производится соответствующая корректировка;</p> <p>ПНк - сумма пенсионных накоплений, учтенных по состоянию на 1 июля года, с которого производится соответствующая корректировка;</p> <p>Т - количество месяцев ожидаемого периода выплаты трудовой пенсии по старости, применяемого для расчета размера накопительной части.</p>

Второй вид выплат, который устанавливается за счет средств пенсионных накоплений это срочная пенсионная выплата. Выплата подобного рода осуществляется за счет денежных средств, формируемых путем осуществления инициативных дополнительных взносов на свои лицевые счета застрахованными лицами из различных источников (в том числе из средств материнского (семейного) капитала). Такие взносы вправе осуществлять как застрахованное лицо, так и работодатели, а также иные лица. Суть понятия "срочная выплата" означает ее непостоянный, т.е. временный характер. Порядок осуществления срочной пенсионной выплаты аналогичен порядку, предусмотренному для установления накопительной части трудовой пенсии, за исключением источников формирования пенсионных накоплений. А именно, право на данную

выплату имеют лишь те лица, у которых средства пенсионных накоплений сформировались за счет:

- дополнительных страховых взносов;
- взносов работодателя;
- взносов на софинансирование формирования пенсионных накоплений;
- средств материнского (семейного) капитала, направленных на формирование накопительной части трудовой пенсии;
- дохода от их инвестирования.

Формулы определения размера срочной пенсионной выплаты, а также ее корректировки приведены на рисунке 3:

Рисунок 3

Формулы определения размера срочной пенсионной выплаты и его корректировки

Формула расчета	Формула корректировки
$СП = ПН / Т$	$СВ = СВк + ПНк / Т$
<p>СП - размер срочной пенсионной выплаты</p> <p>ПН - сумма средств пенсионных накоплений</p> <p>Т - количество месяцев периода выплаты, указанное в заявлении застрахованного лица о назначении срочной пенсионной выплаты (не менее 120 мес.)</p>	<p>СП - размер срочной пенсионной выплаты</p> <p>СВк - размер срочной пенсионной платы по состоянию на 31 июля года, в котором производится корректировка</p> <p>ПНк - сумма пенсионных накоплений, учтенных на 1 июля года, с которого производится корректировка;</p> <p>Т - количество месяцев периода выплаты, сокращенное на количество месяцев, истекших со дня назначения срочной пенсионной выплаты либо со дня последней корректировки.</p>

Важной особенностью срочной пенсионной выплаты является то, что если гражданин умирает даже после назначения ему такой выплаты, невыплаченный остаток средств вправе получить его правопреемники. При этом остаток средств материнского капитала, который был направлен на осуществление накопительной части трудовой пенсии по старости, а также доход от их инвестирования будет выплачен только правопреемникам по сертификату на материнский капитал – отцу ребенка или непосредственно самому ребенку (или детям).

При отсутствии лиц, средства материнского (семейного) капитала, направленные на формирование накопительной части трудовой пенсии, доход от их инвестирования передаются негосударственным пенсионным фондом в Пенсионный фонд Российской Федерации.

При наличии средств пенсионных накоплений, сформированных за счет всех источников финансирования, застрахованное лицо вправе по своему выбору получить эти средства в виде:

либо срочной пенсионной выплаты, выплачиваемой в течение не менее 120 месяцев (10 лет) со дня ее назначения;

либо в составе накопительной части трудовой пенсии по старости.

Причем эти два вида выплат пенсионных накоплений при определенных условиях можно будет комбинировать. К примеру, пенсионные накопления гражданина формировались за счет взносов работодателя в рамках обязательного пенсионного страхования, но при этом гражданин был участником программы госсофинансирования пенсии. В этом случае у гражданина есть право выбрать один наиболее выгодный вариант осуществления выплат за счет средств пенсионных накоплений из двух вариантов, предусмотренных действующим законодательством (рисунок 4):

- получать всю сумму пенсионных накоплений в виде накопительной части трудовой пенсии по старости;
- часть, сформированную за счет взносов работодателя, гражданин будет бессрочно получать в виде накопительной части трудовой пенсии по старости, а взносы от участия в программе софинансирования – в виде срочной пенсионной выплаты, самостоятельно определив ее срок, не менее 10 лет.

Рисунок 4

Варианты выплаты пенсионных накоплений

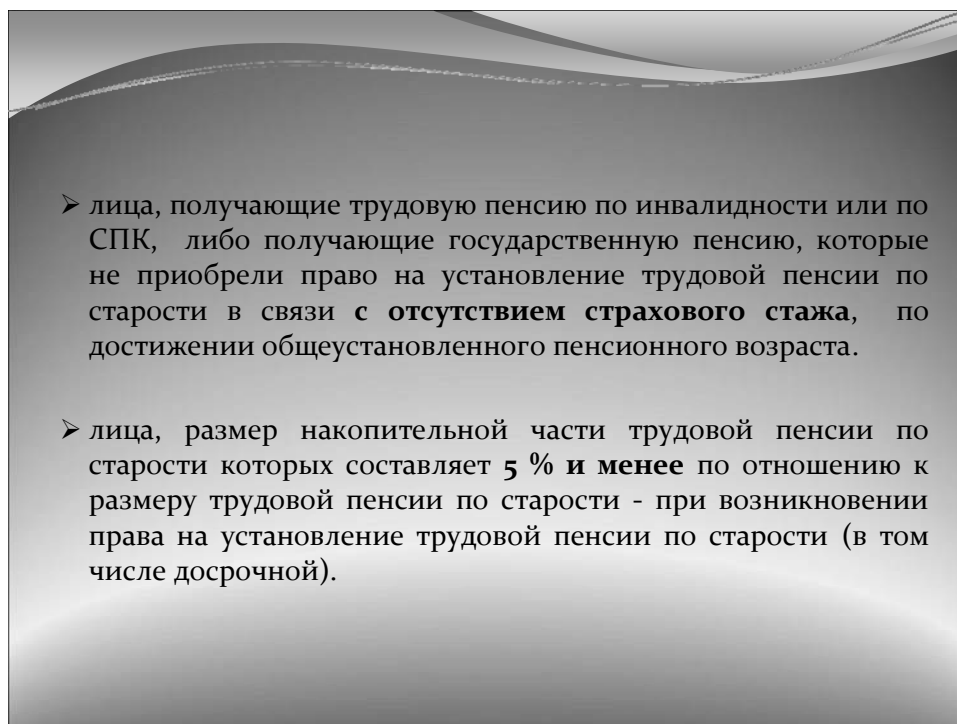

В отличие от накопительной части трудовой пенсии и срочной пенсионной выплаты единовременная выплата будет производиться

лицам, которые не приобрели право на установление трудовой пенсии по старости в связи с отсутствием необходимого трудового стажа, а также в случае, когда размер накопительной части трудовой пенсии является крайне низким, не обеспечивающим существенную надбавку к базовой части пенсии (рисунок 5).

Рисунок 5

Лица, имеющие право на единовременную выплату

По данным Пенсионного фонда Российской Федерации право на осуществление таких выплат в Российской Федерации в 2012 г. приобретают 4,8 млн. человек, в том числе получатели досрочных пенсий 3,0 млн. человек, в 2013-2015 г.г. численность таких граждан ежегодно будет составлять 2,3 млн. человек, в том числе «досрочников» – 0,5 млн.

Что же касается Пензенской области, то выплаты за счет средств пенсионных накоплений будут ориентировочно установлены 22171 пенсионеру, из них право на накопительную часть трудовой пенсии по старости приобретают 117 человек (0,4 % от всех пенсионеров имеющих право на данные выплаты), срочную пенсионную выплату – 153 человека (0,8 %) и единовременную выплату – 21.901 человека (81,6 %).

Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

**XIV Социологические чтения
преподавателей,
аспирантов и студентов.**

Межвузовский сборник научных трудов

Ответственный редактор –
доктор философских наук, профессор А. Б. Тугаров

Набор – А. С. Дудкин, Т. Г. Скороходова

План ПГПУ 2012 г. (Поз. 128)

Подписано к печати 1.06.2012.

Формат 60x84/16.

Бумага писчая белая.

Печать RISO.

Усл. печ. л. 14.

Уч.-изд. л. 15.

Тираж 100 экз.

Заказ № 130/12.

Цена С. 130.

Редакционно-издательский отдел ПГПУ им. В. Г. Белинского:
440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37, корпус 5, комната 466

Типография ПГПУ им. В. Г. Белинского
440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37, корпус 8, комната 311